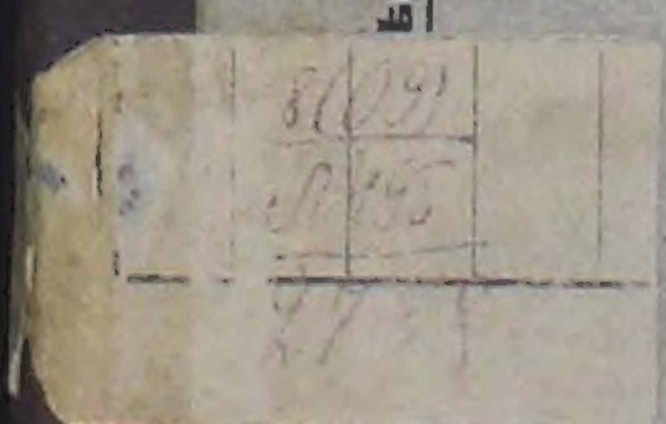
Н. О. ЛЕРНЕРЪ.

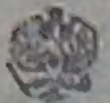
БѢЛИНСКІЙ.

КРИТИКО-БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

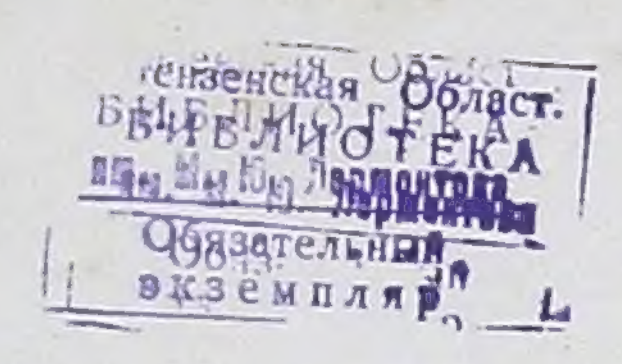
ДЛЯ УЧАЩИХСЯ.

ѣна 50 коп.

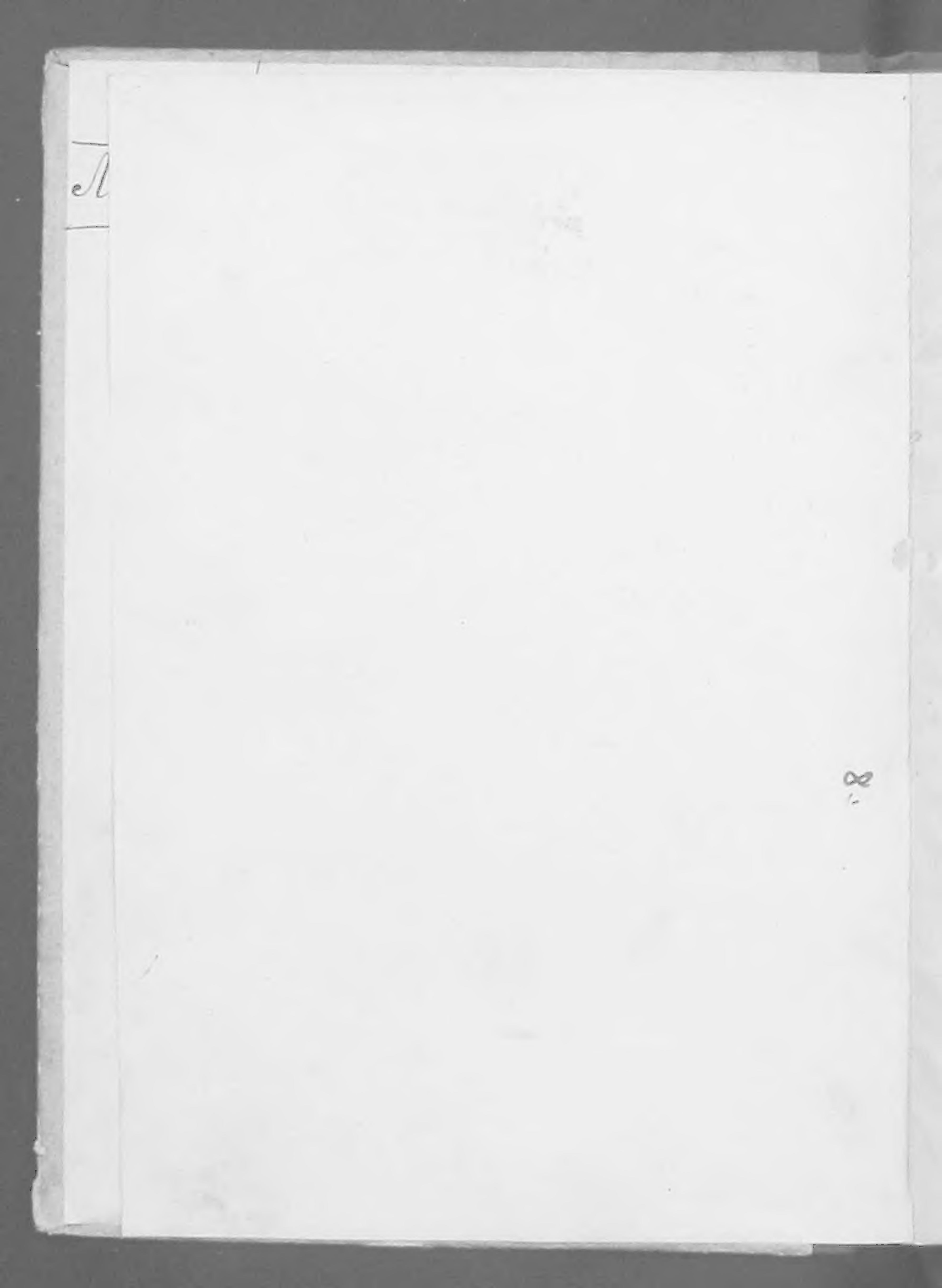

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., свой домъ.
МОСКВА. — 1910.

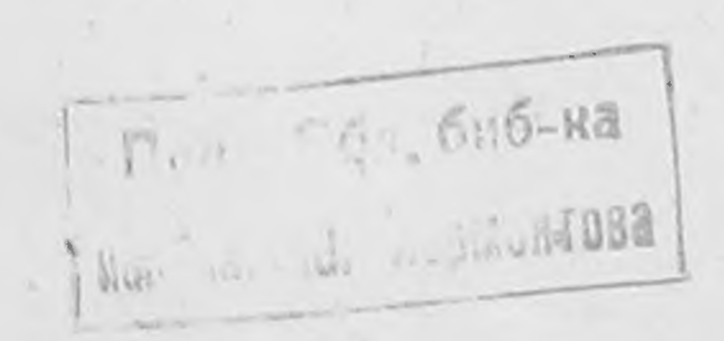
Н. О. ЛЕРНЕРЪ.

БѢЛИНСКІЙ.

КРИТИКО-БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

ДЛЯ УЧАЩИХСЯ.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., свой домъ.
МОСКВА. — 1910.

ПЕНЗЕНСКАЯ 2я ЖЕНСКАЯ ГИМНАЗІЯ.

В. Г. Бѣлинскій.

Прочь отъ меня блаженство, если оно
достояніе мнѣ одному изъ тысячъ!

Бѣлинскій.

Ты насъ гуманно мыслить научилъ,
Едва ль не первый вспомнилъ о народѣ,
Едва ль не первый ты заговорилъ
О равенствѣ, о братствѣ, о свободѣ...

Некрасовъ.

I.

Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій родился 30 мая 1811 года въ недавно присоединенномъ къ Россіи Свеаборгѣ, гдѣ его отецъ, Григорій Никифоровичъ, служилъ младшимъ лѣкаремъ флотскаго экипажа. Фамилію свою Григорій Никифоровичъ получилъ при поступленіи въ семинарію отъ своего учебнаго начальства: отецъ его былъ священникомъ села Бѣлыни, Нижне-Ломовскаго уѣзда, Пензенской губ., и сына прозвали Бѣлынскимъ. Бѣлинскимъ же сталъ писаться прославившій эту фамилію внукъ Бѣлынскаго попа уже когда былъ студентомъ. Воспріемникомъ отъ купели будущаго геніальнаго критика (конечно, заочно) явился цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Въ 1816 г. Григорій Никифоровичъ оставилъ морскую службу и, уѣхавъ на родину, поселился въ г. Чембарѣ, Пензенской губ., гдѣ занялъ мѣсто уѣзднаго лѣкаря. Здѣсь провелъ свое дѣтство и отрочество его знаменитый сынъ. Тяжелъ былъ весь жизненный путь, пройденный Бѣ-

линскимъ; горьки были и его дѣтскіе годы. Домашняя обстановка, въ которой онъ росъ, была прямо ужасающая; мало теплоты и привѣта находилъ онъ въ грубой, неинтеллигентной домашней средѣ. Отецъ Бѣлинскаго былъ человѣкъ весьма невысокихъ душевныхъ качествъ, пустой и мелкій. Объ его тщеславіи достаточно говоритъ сообщеніе одного лица, близко знавшаго семью Бѣлинскихъ и писавшаго Виссаріону Григорьевичу, что по полученіи его отцомъ чина коллежскаго асессора въ домѣ его „обуяла всѣхъ одна болѣзнь, и болѣе всѣхъ страждетъ твой папенька: она извѣстна мнѣ подъ именемъ тщеславія дворянства". По свидѣтельству И. И. Лажечникова, „общество, которое дитя встрѣтило у отца, были городскіе чиновники, большею частью чины полиціи, съ которыми уѣздный лѣкарь имѣлъ дѣла по своей должности. Общество это видѣлъ онъ нараспашку, часто за Ероѳеичемъ и пуншемъ, слышалъ рѣчи, вращавшіяся болѣе всего около частныхъ интересовъ, приправленныхъ цинизмомъ взяточничества и мерзкихъ продѣлокъ, видѣлъ воочію неправду и черноту, не замаскированныя боязнью гласности, не закрашенныя лоскомъ образованности, видѣлъ и купленное за ведерко крестное цѣлованіе понятыхъ, и свидѣтельствованіе разнаго рода побоевъ, и пр., и пр. Душа его, въ которую пала съ малолѣтства искра Божія, не могла не возмущаться при слушаніи этихъ рѣчей, при видѣніи разнаго рода отвратительныхъ сценъ. Съ раннихъ лѣтъ накипѣла въ ней ненависть къ обскурантизму, ко всякой неправдѣ, ко всему ложному... Прибавьте къ безотрадному зрѣлищу гнилого общества, ко-

торое окружало его въ малолѣтствѣ, домашнее горе, бѣдность, нужды, вѣчно его преслѣдовавшія, и вы поймете, отчего произведенія его иногда переполнялись желчью, отчего, въ откровенной бесѣдѣ съ нимъ, изъ наболѣвшей груди его вырывались грозно-обличительныя рѣчи, которыя, казалось, душили его". Бѣлинскій если любилъ отца, то уважалъ его мало: высокія нравственныя требованія, которыя носилъ онъ въ душѣ, заставляли его краснѣть за отца; студентомъ онъ писалъ брату объ отцѣ: „Если онъ страдалъ и теперь страдаетъ, — это отъ самого себя; онъ есть лютѣйшій врагъ, мучитель и тиранъ самого себя; не люди, а самъ онъ виноватъ въ своихъ несчастіяхъ". Мать Бѣлинскаго стояла еще ниже отца, который все же чему-нибудь учился и любилъ почитать Вольтера. Марія Ивановна Бѣлинская происходила изъ очень бѣдной и ничтожной дворянской семьи, что давало ей поводъ не разъ попрекать мужа его неблагороднымъ происхожденіемъ, была весьма вспыльчива, любила дрязги и ссоры; самая нѣжность ея къ дѣтямъ выражалась тѣмъ, что она ихъ обкармливала доотвала. Бѣлинскій въ своихъ воспоминаніяхъ говорилъ о ней еще съ меньшимъ уваженіемъ и сочувствіемъ, чѣмъ объ отцѣ.

Воспоминанія Бѣлинскаго о своемъ дѣтствѣ были тяжелы и мрачны. „Мать моя была охотница рыскать по кумушкамъ; я, грудной ребенокъ, оставался съ нянькою, нанятою дѣвкою; чтобъ я не безпокоилъ ее своимъ крикомъ, она меня душила и била. Впрочемъ, я не былъ груднымъ: родился я больнымъ при смерти, груди не бралъ и не зналъ ея... сосалъ

я рожокъ, и то, если молоко было прокислое и гнилое—свѣжаго не могъ брать... Отецъ меня терпѣть не могъ, ругалъ, унижалъ, придирался, билъ нещадно и ругалъ площадно, — вѣчная ему память! Я въ семействѣ былъ чужой". Въ 1839 г. Бѣлинскій писалъ одному изъ своихъ друзей: „Имѣть отца и мать для того, чтобы смерть ихъ считать моимъ освобожденіемъ, слѣдовательно, не утратою, а скорѣе пріобрѣтеніемъ, хотя и горестнымъ; имѣть брата и сестру, чтобы не понимать, почему и для чего они мнѣ братъ и сестра, и еще брата, чтобы быть привязаннымъ къ нему какимъ-то чувствомъ сострадания,—все это не слишкомъ утѣшительно". Единственною свѣтлою стороною въ темномъ быту этой несчастной семьи были воспоминанія о дѣдѣ Бѣлинскаго, о. Никифорѣ, который, вырастивъ дѣтей, удалился отъ міра и велъ въ уединенной кельѣ аскетическую жизнь; его считали праведникомъ, и въ семьѣ Бѣлинскихъ сохранилась благоговѣйная память о дѣдушкѣ-аскетѣ. Если, по выраженію С. А. Венгерова, „отъ матери Бѣлинскій могъ наслѣдовать только ея вспыльчивость и неистовость", то „праведникъ - дѣдъ возродился въ праведникѣ - внукѣ: дѣдъ не зналъ мукъ сомнѣній, не переживалъ трагедіи поисковъ опредѣленнаго идеала, на его долю выпало счастье непосредственной, ясной вѣры. Но и вѣра внука въ тѣ моменты, когда онъ приходилъ къ опредѣленному выводу, была не менѣе ясна, и его душа исполнялась истинно-молитвеннымъ восторгомъ. Онъ славословилъ съ неменьшей убѣжденностью, чѣмъ дѣдъ".

Грамотѣ научила Бѣлинскаго чембарская учительница Цыровская, отецъ научилъ его

начаткамъ латыни, и лѣтъ четырнадцати онъ поступилъ въ только что открывшееся въ Чембарѣ уѣздное училище. Оно не превышало обычнаго низкаго уровня тогдашнихъ захолустныхъ учебныхъ заведенiй. Педагогiя основывалась на поркѣ, среди учителей были, какъ водилось, горькiе пьяницы, иногда среди класса оставлявшiе учениковъ ради водки, и поминать добромъ Бѣлинскiй могъ только одного изъ своихъ воспитателей — смотрителя училища А. Грекова, мягкаго и благодушнаго человѣка. Небрежность и нерадѣнiе педагоговъ предоставляли ученикамъ значительную свободу, и это сослужило хорошую службу Бѣлинскому, который читалъ запоемъ и перечиталъ чуть ли не всю русскую литературу XVIII и начала XIX вѣка. Въ одной изъ своихъ рецензiй Бѣлинскiй вспомнилъ объ этомъ раннемъ перiодѣ своего развитiя: „еще будучи мальчикомъ и ученикомъ уѣзднаго училища, я въ огромныя кипы тетрадей неутомимо, денно и нощно, и безъ всякаго разбора, списывалъ стихотворенiя Карамзина, Дмитрiева, Сумарокова, Державина, Хераскова, Петрова, Станкевича, Богдановича, Максима Невзорова и другихъ; я плакалъ, читая „Бѣдную Лизу“ и „Марьину рощу“, и вмѣнялъ себѣ въ священнѣйшую обязанность бродить по полямъ при томномъ свѣтѣ луны съ понурымъ лицомъ. Природа мнѣ дала самое чувствительное сердце и сдѣлала меня поэтомъ, ибо, будучи еще ученикомъ уѣзднаго училища, я писалъ баллады и думалъ, что онѣ не хуже балладъ Жуковскаго, не хуже „Раисы“ Карамзина, отъ которой я тогда сходилъ съ ума“. Быть-можетъ, къ этому перiоду жизни

Бѣлинскаго относится его первое произведеніе. появившееся въ печати (въ плохонькомъ журналѣ „Листокъ“, 1831 г.) — стихотвореніе „Русская быль“, по общему тону подражаніе „народнымъ“ пѣснямъ, которыхъ не мало сохранили журналы и альманахи 20—30 годовъ. въ духѣ той ложной „народности“, съ которой впослѣдствіи такъ горячо воевалъ самъ Бѣлинскій. Въ училищѣ умный и даровитый мальчикъ быстро выдѣлился изъ ряда своихъ товарищей; въ 1823 году онъ обратилъ на себя вниманіе посѣтившаго училище директора пензенскихъ училищъ, извѣстнаго романиста И. И. Лажечникова. Впослѣдствіи Лажечниковъ разсказывалъ: „въ 1823 г. ревизовалъ я чембарское училище. Во время дѣлаемаго мною экзамена выступилъ передо мною, между прочими учениками, мальчикъ лѣтъ 12, котораго наружность съ перваго взгляда привлекла мое вниманіе. Лобъ его былъ прекрасно развитъ, въ глазахъ свѣтился разумъ не по лѣтамъ; худенькій и маленькій, онъ между тѣмъ на лицо казался старѣе, чѣмъ показывалъ его ростъ. Смотрѣлъ онъ серьезно; такимъ вообразилъ бы я себѣ ученаго доктора между позднѣйшими нашими потомками, когда, по предсказаніямъ науки, измельчаетъ родъ человѣческій. На всѣ дѣлаемые ему вопросы онъ отвѣчалъ такъ скоро, легко, съ такою увѣренностью, будто налеталъ на нихъ, какъ ястребъ на добычу, и отвѣчалъ большею частью своими словами, или прибавляя то, чего не было даже въ казенномъ руководствѣ, — доказательство, что онъ читалъ и книги, не положенныя въ классахъ. Я особенно занялся имъ, бросался съ нимъ отъ одного предмета

къ другому, связывая ихъ непрерывною цѣпью, и, признаюсь, старался сбить его. Мальчикъ вышелъ изъ труднаго испытанія съ торжествомъ“. Ревизоръ подарилъ Бѣлинскому какую-то книжку „за прекрасные успѣхи въ ученіи“: „мальчикъ принялъ книгу безъ особеннаго радостнаго увлеченія, какъ должную себѣ дань, безъ низкихъ поклоновъ, которымъ учатъ бѣдняковъ съ малолѣтства“.

Въ августѣ 1825 г. Бѣлинскій перешелъ изъ училища въ пензенскую гимназію, тогда состоявшую изъ четырехъ классовъ. Въ Пензѣ Бѣлинскій жилъ на частной квартирѣ, вмѣстѣ съ семинаристами, знакомство съ которыми принесло ему нѣкоторую пользу: отъ нихъ любознательный гимназистъ научился многому такому, что въ гимназіи не преподавалось. И въ ней преподаваніе было поставлено едва ли лучше, чѣмъ въ уѣздномъ училищѣ, зато царила, по выраженію ея другого знаменитаго воспитанника, Ѳ. И. Буслаева, учившагося тамъ почти одновременно съ Бѣлинскимъ, „беззаботная распущенность нравовъ“. Учился Бѣлинскій неравномѣрно: хуже всего, какъ и Пушкинъ, математикѣ, и превосходно — исторіи, естественной исторіи, географіи и русской словесности. При переходѣ изъ 2-го класса въ третій онъ получилъ въ награду за успѣхи книгу, а въ третьемъ классѣ былъ оставленъ на второй годъ, такъ какъ пропустилъ много уроковъ. Это, конечно, нельзя объяснять лѣностью, такъ какъ опередившій гимназію въ своемъ развитіи юноша вѣчно читалъ и даже изучалъ книги, съ перомъ въ рукѣ, дѣлая изъ нихъ замѣтки и выписки; къ тому же онъ задумалъ поступить

въ университетъ безъ гимназическаго аттестата, по экзамену. Изъ учителей обратилъ на Бѣлинскаго вниманіе преподаватель естественной исторіи М. М. Поповъ, который полюбилъ его и впослѣдствіи разсказывалъ: „не помню, чтобы въ Пензѣ съ кѣмъ-нибудь другимъ я такъ душевно разговаривалъ, какъ съ нимъ, о наукахъ и литературѣ. Бывало, когда отправлюсь съ учениками за городъ, во всю дорогу Бѣлинскій пристаетъ ко мнѣ съ вопросами о Гёте, Вальтеръ-Скоттѣ, Байронѣ, Пушкинѣ, о романтизмѣ и обо всемъ, что волновало въ то доброе время наши молодыя сердца... Бѣлинскій читалъ съ жадностью тогдашніе журналы и всасывалъ въ себя духъ Полевого и Надеждина". Гимназическаго курса Бѣлинскій не кончилъ, но что причиной этого не была лѣность, видно изъ того, что въ 1829 г., когда первый классъ гимназіи остался безъ учителя русскаго языка, гимназическое начальство поручило Бѣлинскому замѣстить его, и второгодникъ преподавалъ своимъ младшимъ товарищамъ русскій языкъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Жизнь велъ онъ въ Пензѣ довольно замкнутую, много читалъ и, встрѣчаясь съ товарищами, которые прозвали его „философомъ", обмѣнивался съ ними мыслями о занимавшихъ его литературныхъ и философскихъ вопросахъ, иногда вступая въ горячіе споры. Единственнымъ развлеченіемъ его жизни былъ театръ. Матеріальная сторона его жизни была печальна: „учась въ гимназіи,—писалъ онъ впослѣдствіи,—я жилъ въ бѣдности, скитался по сквернымъ квартиришкамъ, находился въ кругу людей презрѣнныхъ".

Въ августѣ 1829 г. Бѣлинскій, съ трудомъ сколотивши кое-какія ничтожныя средства, отправился въ Москву для поступленія на „словесный факультетъ“ университета. Какимъ вступилъ онъ въ высшее учебное заведеніе, окончивъ жизнь школяра и начиная студенческую жизнь, видно изъ его письма, относящагося къ первымъ мѣсяцамъ пребыванія въ Москвѣ и сохранившаго его вѣрную самооцѣнку: „Имѣю пламенную, страстную любовь ко всему изящному, имѣю душу пылкую. Въ сердцѣ моемъ часто происходятъ движенія необыкновенныя, душа часто бываетъ полна чувствами и впечатлѣніями сильными, въ умѣ рождаются мысли высокія, благородныя“. Въ эстетическомъ развитіи своемъ Бѣлинскій къ этому времени подвинулся далеко впередъ; онъ уже не восхищался, какъ прежде, въ равной мѣрѣ твореніями Державина и Максима Невзорова: ему непріятно было встрѣтить въ университетской библіотекѣ „между бюстами великихъ писателей бюсты площаднаго Сумарокова, холоднаго, напыщеннаго и сухого Хераскова“. „Въ жизни юноши, — писалъ онъ, — всякій часъ важенъ: чему онъ вѣрилъ вчера, надъ тѣмъ смѣется завтра“. Выдержавъ вступительный экзаменъ, Бѣлинскій былъ принятъ въ студенты и цѣлый семестръ бѣдствовалъ, пока не былъ принятъ на казенное содержаніе, что сначала его чрезвычайно радовало. Профессорское преподаваніе того времени не могло удовлетворять Бѣлинскаго, и онъ сталъ относиться къ университету такъ, какъ прежде относился къ гимназіи, и черпалъ знанія всюду, кромѣ университета. Московскій университетъ былъ тогда еще далекъ отъ своего

возрожденія, наступившаго лишь во второй половинѣ 30-хъ годовъ. „Солнце истины,— говоритъ К. С. Аксаковъ, учившійся тогда въ университетѣ,—освѣщало наши умы очень тускло и холодно“. Нѣкоторые профессора брали взятки; къ нимъ „съ пустыми руками не ходили“. Профессоръ-врачъ Мудровъ, тогдашняя московская знаменитость, лѣчилъ больныхъ молебнами. Большинство профессоровъ не имѣло даже своихъ курсовъ: словесность читалась „по Бургію“, право „по Гейнекцію“, и даже прославленный Каченовскій читалъ всеобщую исторію „по Шлицу“. Н. И. Пироговъ описываетъ лекціи иныхъ профессоровъ, какъ „своего рода забавный спектакль“. Герценъ разсказываетъ, что преподаватель математики „подгонялъ“ формулы къ своимъ надобностямъ, принимая квадраты за корни, x—за извѣстное“. Одинъ изъ декановъ читалъ свой предметъ „по Пленку“, объясняя при этомъ, что „умнѣе Пленка-то не сдѣлаешься, хоть и напишешь свое собственное“. Престарѣлый Мерзляковъ уже не читалъ. Какъ невысока была репутація московскаго университета, объ этомъ свидѣтельствуетъ одно письмо Пушкина, который писалъ М. П. Погодину въ 1831 г.: „Ученость, дѣятельность и умъ чужды Московскому университету“. „Руссо былъ человѣкъ ученый, а я учился въ московскомъ университетѣ“, забавно язвится пушкинскій „Альманашникъ“.

Впрочемъ, во времена Бѣлинскаго уже явилось нѣсколько профессоровъ другого, новаго типа: И. И. Давыдовъ, М. П. Погодинъ, С. П. Шевыревъ, М. Г. Павловъ, Н. И. Надеждинъ. Давыдовъ, тогда молодой и блестящій, явился у насъ первымъ насадителемъ шеллингіанства.

Это не былъ человѣкъ идеи, но онъ много зналъ и былъ одинаково блестящъ и интересенъ на каѳедрахъ философіи, латинской словесности, алгебры, русской словесности. Если онъ и не располагалъ къ себѣ духовно, то все же живымъ изложеніемъ заставлялъ себя слушать. М. П. Погодинъ выдѣлялся изъ среды остальныхъ профессоровъ трудолюбіемъ и добросовѣстностью; черезъ много лѣтъ одинъ изъ его слушателей вспомнилъ его съ благодарностью: „Его свѣтлыя и новыя идеи, тогда еще нигдѣ не появлявшіяся въ печати, возбуждали самое напряженное вниманіе къ каждому его слову". О проф. С. П. Шевыревѣ Бѣлинскій говорилъ „какъ объ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ литераторовъ нашихъ, съ раннихъ лѣтъ своей жизни предавшемся наукѣ и искусству, съ раннихъ лѣтъ выступившемъ на благородное поприще дѣйствованія въ пользу общую, обогащенномъ познаніями, коротко знакомомъ со всеобщею исторіею литературы, что доказывается многими его критическими трудами и особенно отлично исполняемою имъ должностью профессора при московскомъ университетѣ". М. Г. Павловъ читалъ физику, минералогію и сельское хозяйство. Имѣя полную возможность быть на этихъ каѳедрахъ узкимъ спеціалистомъ, Павловъ, находившійся подъ вліяніемъ натуръ-философской школы, преподавалъ философскія основы естествознанія. Естествовѣдѣніе въ его изложеніи явилось наукой философской и обобщающей, и онъ, первый въ Россіи, проложилъ дорогу вполнѣ научному и широкому изученію природы. Герценъ разсказываетъ, что „Павловъ излагалъ ученіе

Шеллинга и Окена съ такой пластической ясностью, которой никогда не имѣлъ ни одинъ натуръ-философъ. Физикѣ было мудрено научиться на его лекціяхъ, сельскому хозяйству невозможно, но его курсы были чрезвычайно полезны. Павловъ... останавливалъ студента вопросомъ: „Ты хочешь знать природу“? Но что такое „природа“? Что такое „знать“?.. Онъ имѣлъ удивительный даръ излагать лекціи ясно, въ высшей степени логично, безъ всякихъ краснорѣчивыхъ или напыщенныхъ фразъ, но просто и вразумительно до невѣроятности. Каждая его лекція запечатлѣвалась твердо въ памяти, и ее очень легко можно было повторить всю наизусть, такъ послѣдовательно истекала одна мысль изъ другой. Когда я прослушалъ первую лекцію Павлова, то я былъ необыкновенно пораженъ, какъ будто какая-то завѣса спала съ ума, и въ головѣ моей засіялъ новый свѣтъ. Предо мною открылся новый міръ идей, новый взглядъ науки“. О непосредственномъ вліяніи Павлова на Бѣлинскаго судить трудно (хотя Павловъ читалъ на физико-математическомъ факультетѣ, но его лекціи посѣщали студенты всѣхъ факультетовъ), но лекціи Павлова сильно вліяли на друга Бѣлинскаго—Станкевича и черезъ него не могли не отразиться на Бѣлинскомъ. Самое важное значеніе среди этихъ „новыхъ“ профессоровъ принадлежало Надеждину. Ни о комъ изъ своихъ преподавателей бывшіе слушатели не отзывались такъ восторженно, какъ о немъ. Станкевичъ говорилъ К. С. Аксакову, что Надеждинъ „много пробудилъ въ немъ своими лекціями, и что если онъ будетъ въ раю, то Надеждину за то обязанъ“. И. А. Гон-

чаровъ писалъ о Надеждинѣ: „Какъ профессоръ, онъ былъ намъ дорогъ своимъ вдохновеннымъ, горячимъ словомъ, которымъ [illegible] дилъ насъ въ таинственную даль древняго міра, передавая духъ, бытъ, исторію и искусство Греціи и Рима. Чего только ни касался онъ въ своихъ импровизированныхъ лекціяхъ! Онъ одинъ замѣнялъ десять профессоровъ. Излагая теорію изящныхъ искусствъ и археологію, онъ излагалъ и общую исторію Египта, Греціи и Рима. Говоря о памятникахъ архитектуры, о живописи, о скульптурѣ, наконецъ, о творческихъ произведеніяхъ слова, онъ касался и исторіи философіи. Изливая горячо, почти страстно передъ нами сокровища знанія, онъ училъ насъ и мастерскому владѣнію рѣчи. Записывая только однѣ его лекціи, можно было научиться чистому и изящному складу русскаго языка". Другой слушатель писалъ, что часы, проведенные имъ на лекціяхъ Надеждина, „принадлежатъ къ лучшимъ часамъ его жизни, и воспоминаніе о нихъ онъ лелѣетъ въ своей памяти, какъ золотой сонъ". На студентовъ словеснаго факультета, которые могли слушать Павлова лишь урывками, Надеждинъ вліялъ сильно, давая имъ философское обоснованіе эстетическаго пониманія искусства и литературы. На Бѣлинскаго Надеждинъ вліялъ еще раньше его поступленія въ университетъ своими статьями въ „Вѣстникѣ Европы" и „Телескопѣ"; въ началѣ литературнаго поприща Бѣлинскаго Надеждинъ явился его руководителемъ.

Гораздо сильнѣе на студента Бѣлинскаго вліяла товарищеская среда. Онъ засталъ въ университетѣ литературные кружки; одинъ

изъ нихъ собирался въ томъ самомъ „номерѣ“, большой общей комнатѣ казеннокоштныхъ студентовъ, куда попалъ Бѣлинскій. Въ этомъ кружкѣ участники обсуждали прочитанное въ журналахъ, толковали о профессорскихъ лекціяхъ, читали свои собственные сочиненія и переводы. „Умственная дѣятельность въ 11 номерѣ,—разсказываетъ университетскій товарищъ Бѣлинскаго,—шла бойко. Споръ о классицизмѣ и романтизмѣ еще не прекращался тогда между литераторами, несмотря на глубокомысленное и многостороннее рѣшеніе этого вопроса Надеждинымъ въ его докторскомъ разсужденіи о происхожденіи и судьбахъ поэзіи романтической... И между студентами были свои классики и романтики, сильно ратовавшіе между собою на словахъ. Нѣкоторые изъ старшихъ студентовъ, слушавшіе теорію краснорѣчія и поэзіи Мерзлякова и напитанные его переводами изъ греческихъ и римскихъ поэтовъ, были въ восторгѣ отъ его перевода Тассова „Іерусалима“ и очень неблагосклонно отзывались о „Борисѣ Годуновѣ“ Пушкина, только что появившемся въ печати, съ торжествомъ указывая на глумливые о немъ отзывы въ „Вѣстникѣ Европы“. Первогодичные студенты, воспитанные въ школѣ Жуковскаго и Пушкина и не заставшіе уже въ живыхъ Мерзлякова, мало сочувствовали его переводамъ и взамѣнъ этого знали наизусть прекрасныя пѣсни его и безпрестанно декламировали цѣлыя сцены изъ комедіи Грибоѣдова, которая тогда еще не была напечатана. Пушкинъ приводилъ насъ въ неописанный восторгъ. Между младшими студентами самымъ ревностнымъ поборникомъ романтизма

былъ Бѣлинскій, который отличался [illegible]венной горячностью въ спорахъ и, казалось, готовъ былъ вызвать на битву всѣхъ, кто противорѣчилъ его убѣжденіямъ. Увлекаясь пылкостью, онъ ѣдко и безпощадно преслѣдовалъ все пошлое и фальшивое, былъ жестокимъ гонителемъ всего, что отзывалось риторикою и литературнымъ староверствомъ. „Доставалось отъ него иногда не только Ломоносову, но и Державину за риторическіе стихи и пустозвонныя фразы“. Герценъ разсказываетъ о своихъ товарищахъ: „Молодежь была прекрасная въ нашъ курсъ. Именно въ это время пробуждались у насъ больше и больше теоретическія стремленія. Семинарская выучка и шляхетская лѣность равно исчезали“... „Въ эпоху студенчества, — разсказываетъ К. С. Аксаковъ,—первое, что охватывало молодыхъ людей, это — общее веселіе молодой жизни, это—чувство общей связи товарищества. Конечно, это-то и было первымъ мотивомъ студенческой жизни. Но въ то же время слышалось, хотя не сознательно, и то, что молодыя эти силы собраны все же во имя науки, во имя высшаго интереса истины... Чувство равенства въ силу человѣческаго имени давалось университетомъ и званіемъ студента. Главная польза такого общественнаго воспитанія заключается въ общественной жизни юношей, въ товариществѣ, въ студенчествѣ самомъ. Общественно-студенческая жизнь и общая бесѣда, возобновлявшаяся каждый день, много двигали впередъ здоровую молодость“. Развитіе Бѣлинскаго быстрыми шагами подвигалось впередъ. Въ 1831 году его видѣлъ М. М. Поповъ. „Умъ его возмужалъ,—разска-

зываетъ Поповъ,—въ замѣчаніяхъ его проявлялось много истины... Прочли мы только что вышедшаго тогда „Бориса Годунова". Бѣлинскій съ удивленіемъ замѣчалъ въ этой драмѣ вѣрность изображенія времени, жизни и людей: чувствовалъ поэзію въ пятистопныхъ безрифменныхъ стихахъ, которые прежде называлъ прозаичными; чувствовалъ поэзію и въ самой прозѣ Пушкина. Особенно поразила его сцена: „Корчма на литовской границѣ". Прочитавъ разговоръ хозяйки корчмы съ собравшимися у нея бродягами, улики противъ Григорія и бѣгство его черезъ окно, Бѣлинскій выронилъ книгу изъ рукъ, чуть не сломалъ стулъ, на которомъ сидѣлъ, и восторженно закричалъ: „Да это живые: я видѣлъ, я вижу, какъ онъ бросился въ окно!".. Въ немъ уже проявился критическій взглядъ". Въ этой сценѣ уже проглядываетъ „неистовый Виссаріонъ", пламенный литературный боецъ, со всѣмъ его пыломъ, со всей необычайной восприимчивостью къ прекрасному.

Къ этому же времени относится его первая крупная и серьезная литературная работа. О своихъ раннихъ прозаическихъ опытахъ онъ говоритъ въ одномъ письмѣ, 1830 г., къ М. М. Попову: „Я нашелся принужденнымъ приняться за смиренную прозу. Есть довольно много начатаго—и ничего оконченнаго и обработаннаго". М. М. Поповъ сообщаетъ, что „еще въ гимназіи Бѣлинскій пробовалъ писать стихи, повѣсти прозой,—шло туго, не клеилось". Когда, въ 1830 г., Поповъ вмѣстѣ съ Лажечниковымъ, задумалъ издавать альманахъ и просилъ у Бѣлинскаго стиховъ для него, отказываясь наотрѣзъ, Бѣлинскій писалъ: „Бывши

во второмъ классѣ гимназіи, я писалъ стихи и почиталъ себя опаснымъ соперникомъ Жуковскаго, но времена перемѣнились: я увидѣлъ, что не рожденъ быть стихотворцемъ и, не хотя идти наперекоръ природѣ, давно уже оставилъ писать стихи... Тщетно трудясь, съ досадою бросаю перо. Не имѣю таланта выражать свои чувства и мысли легкими, гармоническими стихами. Риома мнѣ не дается и, не покоряясь, смѣется надъ моими усиліями, выраженія не укладываются въ стопы, и я нашелся принужденнымъ приняться за смиренную прозу". Въ 1829 г. Бѣлинскій написалъ „Разсужденіе о воспитаніи". Оно еще не напечатано; извѣстіе о немъ сохранено „Русскою Стариною", гдѣ были помѣщены выдержки изъ него. Объ этомъ разсужденіи даютъ достаточное понятіе двѣ-три краткія выписки. „Отъ воспитанія человѣкъ можетъ сдѣлаться или добродѣтельнымъ Сократомъ, или развращеннымъ Нерономъ... Счастливы тѣ молодые люди, которые имѣютъ случай подъ руководствомъ опытныхъ, ученыхъ, добродѣтельныхъ и образованныхъ наставниковъ усовершенствовать себя и предуготовить къ опасному, хотя и непродолжительному пути по трудной дорогѣ жизни... Отъ хода обстоятельствъ (направляемыхъ воспитаніемъ) человѣкъ можетъ умомъ своимъ или уподобиться ангеламъ и возвышаться мыслію, подобно орлу быстропарящему, или быть подобнымъ безсловеснымъ животнымъ и пресмыкаться въ прахѣ, подобно червю презрѣнному"... Трудно, конечно, по этимъ отрывкамъ произнести окончательный приговоръ всему „Разсужденію", но высокопарный стиль, которымъ изло-

жены эти общія мѣста, наивность сужденій совсѣмъ не похожи на то, что писалъ Бѣлинскій впослѣдствіи, когда ему приходилось касаться вопроса о воспитаніи, которому онъ посвятилъ не одну блестящую страницу.

Въ прелестяхъ казеннаго кошта Бѣлинскій скоро разочаровался и писалъ съ своимъ тогдашнимъ наивнымъ юношескимъ паѳосомъ, что у него „при одномъ воспоминаніи объ ономъ текутъ изъ глазъ не водяныя, а кровавыя слезы", что если бы онъ „прежде зналъ, каковъ онъ, то лучше бы согласился наняться къ кому-нибудь въ лакеи и чищеніемъ сапогъ и платья содержать себя, нежели жить на немъ". Кормили казеннокоштныхъ скверно, обращались съ ними грубо; на Бѣлинскаго инспекція особенно косилась за неаккуратное хожденіе на лекціи. Надежды свои Бѣлинскій возложилъ на драму, которую тогда писалъ онъ, и думалъ, что если она будетъ напечатана, то публика ее расхватаетъ въ мѣсяцъ, и онъ выручитъ „тысячъ шесть", на которыя прежде всего избавится отъ „проклятой бурсы". Но обстоятельства сложились совсѣмъ не такъ, какъ ожидалъ наивный авторъ. Осуществленію затѣянной Бѣлинскимъ драмы помогла свирѣпствовавшая тогда холера. Казеннокоштныхъ студентовъ начальство изъ предосторожности держало взаперти. „Для разсѣянія отъ скуки,—писалъ Бѣлинскій своимъ друзьямъ,—я и еще человѣкъ съ пять затворниковъ составили маленькое литературное общество. Еженедѣльно было у насъ собраніе, въ которомъ каждый изъ членовъ читалъ свое сочиненіе. Это общество, кончившееся седьмымъ засѣданіемъ, принесло мнѣ ту пользу,

что заставило меня кончить мою трагедію". Эта трагедія — „Дмитрій Калининъ" — была ближайшей причиной удаленія Бѣлинскаго изъ университета.

Содержаніе ея таково. Богатый и добрый помѣщикъ Лѣсинскій воспитываетъ крестьянскаго мальчика Дмитрія Калинина, своего побочнаго сына, о чемъ тотъ, впрочемъ, узнаетъ лишь въ концѣ драмы. Жена и сыновья Лѣсинскаго злые, жестокіе и надменные люди. Не такова дочь Лѣсинскихъ, Софья, воспитанная „русскою мамзелью" и любящая такъ же, какъ и Дмитрій, все благородное и высокое. На этой почвѣ Дмитрій и Софья сходятся, влюбляются другъ въ друга и вступаютъ въ связь. Дмитрій уѣзжаетъ въ Москву устроить свои дѣла, а тѣмъ временемъ умираетъ старикъ Лѣсинскій. Его сыновья сообщаютъ Калинину, что его благодѣтель умеръ, что его отпускная уничтожена, что Софья выходитъ за князя, и вызываютъ Калинина домой, такъ какъ „недостаетъ лакеевъ для служенія при свадебномъ столѣ". Дмитрій въ отчаяніи мчится домой въ сопровожденіи своего друга, который намѣренъ познакомиться съ Софьей, уговорить ее покинуть домъ и тайкомъ отъ семьи обвѣнчаться съ Калининымъ. Но Дмитрій, вопреки совѣтамъ осторожнаго друга, врывается на балъ къ Лѣсинскимъ, произноситъ внушительный и трескучій монологъ и заключаетъ свою возлюбленную въ объятья. Братъ Софьи велитъ слугамъ заковать въ кандалы „раба". Это слово, которое всегда жжетъ Дмитрія, приводитъ его въ бѣшенство, и онъ убиваетъ своего оскорбителя. Взятый въ тюрьму Калининъ убѣгаетъ оттуда

и съ обрывкомъ цѣпи на рукѣ является къ Софьѣ, которая все еще его любитъ и предлагаетъ ему умереть вмѣстѣ. Дмитрій закалываетъ свою любовницу, но еще не успѣваетъ покончить съ собою, когда ему передаютъ предсмертное письмо его покойнаго благодѣтеля. Изъ этого письма Калининъ узнаетъ, что покойный былъ его отецъ, что Софья его сестра, и что убитъ имъ братъ. Испытывая страшныя душевныя муки, несчастный братоубійца и кровосмѣситель закалываетъ себя. Въ основѣ драмы лежитъ, такимъ образомъ, не какая-нибудь общественная тенденція, а гибельныя семейныя обстоятельства, воля враждебнаго рока. Что Бѣлинскій смотрѣлъ на свое произведеніе какъ на „драму судьбы", видно изъ эпиграфа, взятаго имъ: „И всюду страсти роковыя, и отъ судебъ защиты нѣтъ". Но въ этихъ рамкахъ Бѣлинскій не удержался, и драма судьбы развилась въ широкую и яркую общественную „картину тиранства присвоившихъ гибельное и несправедливое право мучить себѣ подобныхъ". Въ самомъ дѣлѣ, причиной гибели Калинина является не только грѣхъ его отца, но и его положеніе крѣпостного. Молодой драматургъ сильно и размашисто набросалъ цѣлый рядъ бытовыхъ картинъ и правдиво, съ глубокимъ чувствомъ негодованія изобразилъ ужасы крѣпостного права. Лѣсинская-мать поучаетъ „проклятое хамово поколѣніе": „Когда барыня говоритъ тебѣ, что ты виновата, такъ какъ же ты смѣешь оправдываться?" Ея сынъ Андрей кричитъ на провинившагося мужика: „Шкуру сдеру съ мерзавца, каждый день буду бить дополусмерти". Старый слуга жалуется:

„Коли учнутъ напрасно взыскивать, не моги рта разинуть, не моги пикнуть въ оправданіе — на конюшню, да и только; ужъ порютъ, порютъ, какъ собакъ какихъ. А если кто захвораетъ да доложатъ барынѣ, такъ только и услышишь: вишь, какой благородный, вишь, какой дворянинъ! Еще хворать вздумалъ". Самъ Калининъ говоритъ о крѣпостныхъ: „Неужели эти люди для того только родятся на свѣтъ, чтобы служить прихотямъ такихъ же людей, какъ и они сами? Кто далъ это гибельное право—однимъ людямъ порабощать своей власти волю другихъ, подобныхъ имъ существъ, отнимать у нихъ священное сокровище—свободу? Господинъ можетъ для потѣхи или для разсѣянія содрать шкуру со своего раба, можетъ продать его какъ скота, вымѣнять на собаку, на лошадь, на корову, разлучить его на всю жизнь съ отцомъ, съ матерью, съ сестрами, съ братьями и со всѣмъ, что для него мило и драгоцѣнно". У Бѣлинскаго того времени, молодого, еще не установившагося, не было никакой политической программы, о какой-нибудь оппозиціи правительству онъ и не думалъ, и эти слова, вложенныя въ уста Дмитрія Калинина, шли прямо изъ сердца юноши, полнаго живого сочувствія всѣмъ угнетеннымъ. Крѣпостное право, которое въ его время большинство считало божественнымъ установленемъ, однимъ изъ китовъ, на которыхъ держится Россія, Бѣлинскій научился ненавидѣть еще въ дѣтствѣ. Посылая трагедію отцу, онъ писалъ: „Вы увидите многія лица, довольно вамъ извѣстныя". Это были, конечно, портреты знакомыхъ чембарскихъ героевъ произвола. Впослѣдствіи, услышавъ

отъ кого-то, что онъ ѣстъ постное только „для людей“, Бѣлинскій рѣзко отвѣтилъ лицемѣру: „Я не владѣю людьми“. Благородное сочувствіе личности, ставшее вскорѣ его культомъ, всегда жило въ его сердцѣ, какъ простая жалость ко всѣмъ обиженнымъ судьбою и терпящимъ неправду. Въ Калининѣ много собственныхъ чертъ самого автора, прежде всего его благородная пылкость, сила его протеста. Все это выражено, правда, въ стилѣ тогдашняго романтизма, но узнать въ Калининѣ Бѣлинскаго нетрудно. Дмитрій не ходитъ, а мечется, не говоритъ, а извергаетъ, какъ вулканъ, длинные, трескучіе монологи „ужаснымъ громовымъ голосомъ“, „съ дикой улыбкой и блуждающими взорами“, „задыхаясь и трепеща“, „приведенный въ крайнюю степень бѣшенства“. Тирады Калинина такъ же отчаянно яростны, какъ эти ремарки молодого автора. Онъ восклицаетъ, обращаясь къ Богу: „Отецъ человѣковъ! Отвѣтствуй мнѣ: Твоя ли премудрая рука произвела на свѣтъ этихъ змѣевъ, этихъ крокодиловъ, этихъ тигровъ, питающихся костями и мясомъ своихъ ближнихъ и пьющихъ, какъ воду, ихъ кровь и слезы... Нѣтъ, видно, милосердный Богъ нашъ отдалъ свою несчастную землю на откупъ дьяволу, который и распоряжается ею истинно по-дьявольски... О, теперь, лютый тигръ—отчаяніе, грызи мое сердце, разрывай его на милліоны частей, покуда оно еще бьется. Ехидны совѣсти, змѣи раскаянія, высасывайте изъ жилъ моихъ соки бытія, изсушайте мозгъ въ костяхъ моихъ“. По силѣ гражданскаго чувства „Дмитрій Калининъ“ стоитъ на одной доскѣ съ „Путешествіемъ“ Радищева, произведеніемъ тоже слабымъ въ

художественномъ смыслѣ, но звучащимъ тѣмъ же благороднымъ протестомъ противъ окружающаго зла.

Бѣлинскій самъ придавалъ своей драмѣ большое значеніе: въ началѣ 1831 года онъ писалъ отцу: „Можетъ-быть, вы скоро увидите имя мое въ печати и будете читать обо мнѣ разные толки и сужденія какъ въ худую, такъ и въ хорошую сторону. Не могу рѣшительно опредѣлить достоинство моего сочиненія, но скажу, что оно много надѣлаетъ шума". Авторъ читалъ драму товарищамъ, одинъ изъ которыхъ такъ вспоминалъ объ его чтеніи: „Наружность его была очень истощена. Вмѣсто свѣжаго, живого румянца юности на лицѣ его былъ разлитъ какой-то красноватый колоритъ; прическа волосъ на головѣ торчала хохломъ; движенія рѣзкія, походка скорая, но зато горячо и полно одушевленія было чтеніе автора, увлекавшее слушателей страстнымъ изложеніемъ предмета и либеральными, по-тогдашнему, идеями". Многимъ пьеса нравилась, и друзья надѣялись увидѣть ее на университетской домашней сценѣ. Самъ авторъ былъ очень доволенъ ею и лишь впослѣдствіи сознавалъ ея недостатки и говорилъ даже съ излишней строгостью къ самому себѣ: „Если бы каждый молодой человѣкъ, не лишенный чувства и сгорающій желаніемъ печататься, издавалъ всѣ плоды своей фантазіи, сколько бы дурныхъ книгъ бросилъ онъ въ свѣтъ и сколько бы раскаянія приготовилъ онъ себѣ въ будущемъ! Мы говоримъ это отъ чистаго сердца, говоримъ даже по собственному опыту, потому что имѣемъ причины благодарить обстоятельства, которыя помѣшали намъ при-

обрѣсти жалкую, эфемерную извѣстность мнимыми произведеніями искусства и занять мѣсто въ забавномъ ряду литературныхъ рыцарей печальнаго образа". Но едва ли у Бѣлинскаго были основанія особенно „благодарить обстоятельства". Онъ пробовалъ пристроить драму въ журналъ, но это ему не удалось. Тогда онъ отдалъ ее въ цензуру, находившуюся въ то время въ рукахъ профессоровъ. Послѣдствія были самыя неожиданныя. Хотя авторъ думалъ, что его „сочиненіе не можетъ оскорбить чувства чистѣйшей нравственности, и что цѣль его есть самая нравственная", цензура признала его дѣтище „безнравственнымъ, безчестящимъ университетъ", и о немъ составили журналъ. Профессора-цензора грозили автору Сибирью и такъ его распекли, что онъ слегъ и въ тотъ же день очутился въ университетской клиникѣ. Исключенъ онъ былъ не сразу, но удаленіе его изъ университета тѣснѣйшимъ образомъ связано съ „Дмитріемъ Калининымъ". Бѣлинскому поставили въ вину, что онъ, три года пробывъ въ университетѣ, частью не держалъ, частью не выдержалъ экзаменовъ для перевода на второй курсъ. Истощенный болѣзнью, Бѣлинскій не могъ держать экзаменовъ весною 1832 г. и просилъ позволенія держать ихъ осенью. Позволеніе ему было обѣщано, и цѣлое лѣто онъ, по его выраженію, „трудился и работалъ, какъ чортъ, готовясь къ экзамену". Но къ экзамену его, несмотря на обѣщаніе, не допустили, а просто уволили, мотивировавъ исключеніе его „недостаточными успѣхами", „безсиліемъ для продолженія наукъ" и даже „ограниченностью способностей". Мотивировка исключенія такъ

безжалостно злобна, что въ ней чувствуется прямо месть: причиной мести могла быть только „дерзкая“ трагедія.

II.

Итакъ, Бѣлинскій очутился за порогомъ университета. Это было въ сентябрѣ 1832 г. Въ своемъ развитіи Бѣлинскій ничего не потерялъ, разставшись съ университетомъ. Знаній тогдашній университетъ не давалъ, и только лучшіе и очень немногіе профессора, какъ Надеждинъ, Павловъ, Давыдовъ, могли сообщить своимъ слушателямъ кое-какія общія идеи, нѣкоторое развитіе. К. С. Аксаковъ говорилъ, что не обязанъ университету ничѣмъ въ смыслѣ запаса знаній; Грановскій, попавъ по окончаніи русскаго университетскаго курса въ Берлинъ, съ ужасомъ убѣдился, что ему приходится начинать съ азовъ. Единственное, что могъ бы дать университетъ Бѣлинскому если бы онъ прилежно изучалъ университетскую науку,—это общее понятіе о философіи, объ эстетикѣ въ изложеніи Надеждина, о русской грамматикѣ и исторіи русской литературы. Именно въ этихъ знаніяхъ нельзя отказать Бѣлинскому: онъ проявилъ ихъ блестящимъ образомъ уже въ первыхъ своихъ крупныхъ работахъ — „Литературныхъ мечтаніяхъ“, курсѣ грамматики. Бѣлинскому суждено было явиться первымъ серьезнымъ и вполнѣ научнымъ историкомъ русской литературы. Въ области научно-обоснованной эстетики Надеждинъ явился лишь его предшественникомъ; Бѣлинскій первый создалъ у насъ эстетическую систему. Всему этому по-

ложилъ начало не университетъ, а чтеніе и усердная работа мысли. Университетъ, совершенно случайно, далъ Бѣлинскому неразрывныя нравственныя связи съ товарищами, имѣвшія столь важное значеніе въ его жизни. „У насъ Бѣлинскому, — говоритъ князь В. Ѳ. Одоевскій, — учиться было негдѣ; рутинизмъ нашихъ университетовъ не могъ удовлетворить его логическаго въ высшей степени ума; пошлость большей части нашихъ профессоровъ порождала въ немъ лишь презрѣніе; нелѣпыя преслѣдованія — неизвѣстно за что — развили въ немъ желчь, которая примѣшивалась въ его своебытное философское развитіе и доводила его безстрашную силлогистику до самыхъ крайнихъ предѣловъ. Поповъ, долго наблюдавшій процессъ его умственнаго развитія, разсказываетъ: „Въ гимназіи учился онъ не столько въ классахъ, сколько изъ книгъ и разговоровъ. Такъ было и въ университетѣ. Всѣ познанія его сложились изъ русскихъ журналовъ не старѣе двадцатыхъ годовъ и изъ русскихъ же книгъ. Недостающее же тамъ пополнялось тѣмъ, что онъ слышалъ въ бесѣдахъ съ друзьями. Вѣрно, что въ Москвѣ умный Станкевичъ имѣлъ сильное вліяніе на своихъ товарищей. Думаю, что для Бѣлинскаго онъ былъ полезнѣе университета. Сдѣлавшись литераторомъ, Бѣлинскій постоянно находился между небольшимъ кружкомъ людей, если не глубоко ученыхъ, то такихъ, въ кругу которыхъ обращались всѣ современныя, живыя и любопытныя свѣдѣнія. Эти люди, большею частью молодые, кипѣли жаждой познаній, добра и чести. Почти всѣ они, зная иностранные языки, читали столько же ино-

странные, сколько и русскіе книги и журналы. Каждый изъ нихъ не былъ профессоръ, но всѣ вмѣстѣ по части философіи, исторіи и литературы постояли бы противъ цѣлой Сорбонны. Въ этой-то школѣ Бѣлинскій оказалъ огромные успѣхи. Друзья и не замѣчали, что были его учителями, а онъ, вводя ихъ въ споры, горячась съ ними, заставлялъ ихъ выкладывать передъ нимъ всѣ свои познанія, глубоко вбиралъ въ себя всѣ слова ихъ, на лету схватывалъ замѣчательныя мысли, развивалъ ихъ далѣе и объемистѣе, чѣмъ тѣ, которые ихъ высказывали... Въ этой-то школѣ выросъ талантъ его и возмужало его русское слово". Изъ среды этой даровитой молодежи въ университетѣ выдѣлялись два кружка, связь Бѣлинскаго съ которыми по выходѣ изъ университета стала еще крѣпче. Во главѣ одного изъ нихъ стоялъ А. И. Герценъ; въ числѣ его членовъ были Сатинъ, Н. П. Огаревъ. Во главѣ другого былъ Н. В. Станкевичъ; его участниками были А. П. Ефремовъ, И. П. Клюшниковъ, В. И. Красовъ, К. С. Аксаковъ, Я. М. Невѣровъ, Вадимъ Пассекъ, Н. Х. Кетчеръ, Е. Ѳ. Коршъ, В. П. Боткинъ.

На Бѣлинскаго, будущаго кандидата, сильно разсчитывали его домашніе, да и самъ онъ смотрѣлъ на себя какъ на опору семьи. Изрѣдка родные присылали кое-какіе гроши студенту, пока онъ не поступилъ на казенное содержаніе. Выброшенный изъ университета, онъ боялся огорчить своихъ извѣстіемъ объ этомъ и сообщилъ лишь черезъ девять мѣсяцевъ. Письмо его къ матери полно отчаянія и скорби. „Не могу,—писалъ онъ,—безъ ужаса подумать о томъ ударѣ, которымъ готовлюсь

поразить васъ, мою мать. Девять мѣсяцевъ таилъ я отъ васъ свое несчастіе, обманывалъ всѣхъ чембарскихъ, бывшихъ въ Москвѣ, лгалъ и лицемѣрилъ, скрѣпя сердце, но теперь не могу болѣе. Вѣдь когда-нибудь надо же узнать вамъ. Можетъ даже быть, что вы уже знаете; можетъ быть, вамъ сообщено это съ преувеличеніемъ, а вы—женщина, мать. Чего не надумаетесь вы! При одной мысли сердце мое обливается кровью. Я потому такъ долго молчалъ, что еще надѣялся хоть сколько-нибудь поправить свои обстоятельства, чтобы вы могли узнать объ этомъ хладнокровнѣе. Я не щадилъ себя, употреблялъ всѣ усилія къ достиженію своей цѣли, ничего не упускалъ, хватался за каждую соломинку и, претерпѣвая неудачи, не унывалъ и не приходилъ въ отчаяніе —для васъ, только для васъ. Я всегда живо помнилъ и хорошо понималъ мои къ вамъ отношенія и обязанности, терпѣлъ все, боролся съ обстоятельствами, сколько доставало силъ, трудился и, кажется, не безъ успѣха... Но—увы!—въ сентябрѣ исполнится годъ, какъ я выключенъ изъ университета!!!... Умоляю васъ не отчаиваться и не убивать себя безплодною горестію. Есть счастіе и въ несчастіи, есть утѣшеніе и въ горести, есть благо и въ самомъ злѣ. Я видѣлъ людей въ тысячу тысячъ разъ несчастнѣе себя, и потому смѣюсь надъ своимъ несчастіемъ... Я не буду говорить вамъ о причинахъ моего исключенія изъ университета: отчасти собственные промахи и нерадѣніе, а болѣе всего долговременная болѣзнь и подлость одного толстаго превосходительства. Нынѣ времена мудреныя и тяжелыя: подобныя происшествія очень не-

рѣдки"... Съ необычайнымъ благородствомъ Бѣлинскій признаетъ нѣкоторую долю и своей вины, не сваливаетъ ее исключительно на другихъ. „Если я,—писалъ онъ тогда отцу,—болѣе или менѣе былъ самъ причиною сего моего несчастья, то, повѣрьте, я съ лихвою наказанъ за это самимъ собою. Я уже не мальчикъ, и свой собственный судъ для меня всего страшнѣе. Но счастливъ тотъ, кто еще можетъ остановиться во-время и употребить себѣ въ пользу собственныя ошибки и суровые уроки судьбы! Конецъ вѣнчаетъ дѣло, — говорятъ умные люди... Впрочемъ, какія бы ни были обстоятельства, навлекшія на меня мое несчастіе, вы можете быть всегда твердо увѣренными, что ничѣмъ предосудительнымъ не обезчестилъ имени своего отца. Я живу не для себя, помню, что я крѣпкими узами связанъ съ кровными,—и вотъ только поэтому-то и огорчаюсь". Нужду Бѣлинскій переживалъ страшную, усугубленную сознаніемъ, что тамъ, въ Чембарѣ, въ родительскомъ домѣ, гдѣ отецъ пьетъ, а мать бьется съ утра до ночи надъ нищенскимъ хозяйствомъ, тоже настали черные дни. Оборванный, вѣчно голодный, Бѣлинскій мужественно борется съ нуждою, ищетъ занятій. Однажды ему пришлось сломить свою благородную гордость и обратиться за помощью къ родителямъ: ему послали цѣлковый, но и того онъ не получилъ вслѣдствіе какого-то трагикомическаго происшествія. Онъ искалъ уроковъ и литературной работы. Разсчитывая заработать рублей триста, онъ перевелъ какой-то французскій романъ, но не успѣлъ онъ окончить свой переводъ, какъ узналъ, что романъ уже напечатанъ въ дру-

томъ переводѣ, и его трудъ былъ истраченъ понапрасну. Искалъ онъ урока на выѣздъ куда-нибудь въ провинцію. Поправились его дѣла Великимъ постомъ 1833 г., когда онъ сошелся съ Н. И. Надеждинымъ и занялся переводами для его журнала. Печататься же сталъ Бѣлинскій еще студентомъ, въ 1831 г.

Первая его печатная работа появилась въ очень жалкомъ и ничтожномъ московскомъ журнальчикѣ „Листокъ", выходившемъ два раза въ недѣлю. Въ немъ впервые увидѣли себя въ печати А. В. Кольцовъ и Бѣлинскій. Въ журнальчикѣ печатались чувствительные разсказы, нѣжные стишки и воззванія къ благотворителямъ. Въ №№ 40 — 41 появилось за подписью „В. Б — iй" стихотвореніе Бѣлинскаго „Русская быль", о которомъ уже говорено выше, а въ № 45 была напечатана, безъ подписи, рецензія Бѣлинскаго на одну книжонку неизвѣстнаго автора о „Борисѣ Годуновѣ". Самой трагедіи великаго поэта, о которой Бѣлинскій былъ высокаго мнѣнія, онъ не касался, а только осмѣялъ эту ничтожную брошюрку, трактовавшую „Годунова" полуснисходительно, полупрезрительно. Рецензія высказываетъ самостоятельность взглядовъ молодого критика; въ этой краткой замѣткѣ уже виденъ будущій Бѣлинскій, независимый, смѣлый, непадающій ницъ передъ всеобщими, признанными свѣтомъ авторитетами. Въ рецензіи задѣты мимоходомъ и Н. А. Полевой и Надеждинъ — столпы тогдашней критики. „Московскій Телеграфъ, — говоритъ Бѣлинскій,—который (какъ самъ о себѣ неоднократно объявлялъ) не оставляетъ безъ вниманія никакого замѣчательнаго явленія въ литературѣ,

на этотъ разъ изложилъ свое сужденіе (о „Годуновѣ“) въ нѣсколькихъ строкахъ, общими мѣстами и упрекнулъ Пушкина въ томъ, какъ ему не стыдно было посвятить своего „Годунова“ памяти Карамзина, у котораго издатель „Телеграфа“ силится похитить заслуженную славу. Въ одномъ только „Телескопѣ“ „Борисъ Годуновъ“ былъ оцѣненъ по достоинству. Извѣстный г. Надоумко, „который, вѣроятно, издателю этого журнала не чужой“ (этимъ псевдонимомъ подписывался Надеждинъ, издававшій „Телескопъ“), „ и который нѣкогда совѣтовалъ Пушкину сжечь „Годунова“, теперь сіе же самое твореніе взялъ подъ свое покровительство. Но это сдѣлано имъ, кажется, только для того, что онъ, г. Надоумко, какъ самъ признается, любитъ плавать противъ воды, идти наперекоръ общему голосу и вызывать на бой общественное мнѣніе“. Послѣднія строки, отличающія большую проницательность Бѣлинскаго, сумѣвшаго понять сущность неглубокой натуры Надеждина, нужно имѣть въ виду при опредѣленіи степени вліянія выдающагося тогдашняго критика на начинавшаго свое поприще Бѣлинскаго. Мизерный „Листокъ“, въ которомъ Бѣлинскій напечаталъ къ тому же такъ мало, конечно, не могъ поправить его тяжелыхъ обстоятельствъ. Онъ взялся за новый переводъ, несмотря на неудачу, постигшую его первый опытъ, и перевелъ съ французскаго другой романъ; на этотъ разъ ему посчастливилось найти издателя, и онъ заработалъ двѣсти рублей. Но, конечно, переводы были для него лишь механическимъ трудомъ, къ которому понуждала его горькая бѣдность. „Надъ его судьбой, — говоритъ Б. Б. Глин-

скій, — тяготѣлъ какой-то неизбѣжный рокъ, который точно сознательно и систематически отрѣзалъ его отъ всякихъ путей жизни, стягивая его непреоборимымъ рядомъ несчастій и злоключеній... И изъ всѣхъ этихъ путей лишь одна дорога оставалась для него незакрытой, лишь она одна все болѣе и болѣе, день ото дня согласовалась съ стремленіями, можетъ-быть, нѣсколько неоформленными и неясными, его пытливаго ума и бурнаго чувства. Дорога эта была — дорога литературы... Въ университетѣ онъ дѣлаетъ рѣшительный шагъ по литературному пути и терпитъ на первыхъ же порахъ настоящій погромъ... Сѣрая дѣйствительность и проза жизни въ дѣтствѣ и юности, въ обстановкѣ родимой семьи, въ училищѣ, гимназіи и университетѣ рано поставили нашего писателя лицомъ къ лицу съ вопросомъ о правдѣ и злѣ, съ вопросами о счастіи и горѣ людскомъ, съ задачами соціальнаго порядка... Мы видимъ въ его первомъ литературномъ произведеніи (драмѣ) соціальные мотивы, которые здѣсь доминируютъ надъ всѣми другими. Онъ сразу выступаетъ въ роли публициста, чутьемъ предугадывая свое призваніе, сразу становясь на ту дорогу, гдѣ его въ будущемъ ожидаетъ слава и громкая извѣстность. Въ этомъ выборѣ жизненнаго пути онъ повиновался болѣе велѣнію сердца, нежели холоднаго разсудка, и безъ всякаго сторонняго руководительства и вліянія прямо подошелъ къ такой сторонѣ русской жизни, разработка которой лишь черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ стала общимъ дѣломъ всей русской литературы въ лицѣ лучшихъ, передовыхъ ея представителей. Ни-

сательство дѣлается отнынѣ его почти постояннымъ занятіемъ, тѣмъ средствомъ, гдѣ онъ въ тяжкія минуты жизни обрѣтаетъ скудное пропитаніе... Но нуженъ былъ человѣкъ, который бы тѣснѣе сблизилъ его съ столь привлекавшей его писательской профессіей".

Этимъ человѣкомъ явился Надеждинъ. Сойдясь съ Бѣлинскимъ, онъ сразу угадалъ и оцѣнилъ въ немъ настоящаго литератора и сначала предоставилъ Бѣлинскому переводную работу для своего „Телескопа" и издававшейся при немъ „Молвы", а потомъ и критическій отдѣлъ. Въ маѣ 1833 г. Бѣлинскій писалъ брату: „Я знакомъ съ Надеждинымъ, перевожу въ Молву и Телескопъ". Цѣлый годъ занимался онъ переводами съ французскаго, благодаря чему хорошо изучилъ языкъ. Переводилъ онъ, повидимому, безъ опредѣленнаго выбора, что приходилось. Тутъ были и историческія статьи („Лейпцигская битва", „Испытаніе кипящею водою") и анекдоты („Нѣкоторыя черты изъ жизни доктора Свифта", „Послѣднія минуты библіомана"), и разсказы („Месть", „Гора Гемми" А. Дюма) и т. п. Его первая серьезная статья, знаменитыя „Литературныя Мечтанія", появилась лишь черезъ годъ послѣ того, какъ онъ началъ работать для „Телескопа"; она считается началомъ его литературно-критической дѣятельности. „Вѣрно ли это?—спрашиваетъ С. А. Венгеровъ.- Если читать „Литературныя Мечтанія" такъ, какъ они печатались въ „Молвѣ", именно со всѣми юмористическими помѣтками въ концѣ отдѣльныхъ главъ: „Продолженіе обѣщано", „Слѣдующій листокъ покажетъ", „Опять не кончилось", „Не все еще" и др., то становит-

ся совершенно очевиднымъ, что Бѣлинскій далъ только начало статьи и затѣмъ къ каждому № давалъ продолженіе, самъ не имѣя точнаго представленія, на сколько №№ протянется статья. Но какъ же это Надеждинъ, зная своего молодого сотрудника только какъ усерднѣйшаго переводчика и совершенно еще не зная критическихъ силъ Бѣлинскаго, рискнулъ приступить къ печатанію статьи, имѣя только ея начало? Надо поэтому предположить, что онъ уже имѣлъ нѣкоторое представленіе объ этихъ критическихъ силахъ. Вотъ почему, кажется, слѣдуетъ допустить, что кое-что изъ неподписанныхъ, но часто весьма бойкихъ библіографическихъ статеекъ „Молвы“ вышло изъ-подъ пера Бѣлинскаго и внушило Надеждину выгодное о немъ представленіе. Однако сколько-нибудь опредѣленно высказаться, какія именно статейки могли бы быть приписаны Бѣлинскому невозможно". Положеніе его у Надеждина упрочилось не сразу; это видно изъ того, что онъ хлопоталъ о мѣстѣ уѣзднаго учителя въ Бѣлорусскомъ учебномъ округѣ, хотѣлъ занять должность корректора при университетской типографіи, искалъ уроковъ и иногда находилъ ихъ. Добывая уроками 64 рубля въ мѣсяцъ, онъ писалъ въ маѣ 1834 года роднымъ: „Я внѣ себя отъ восхищенія, что нанялъ квартиру, гдѣ тишина и уединеніе даютъ мнѣ совершенную возможность заниматься науками... Теперь я начинаю дышать посвободнѣе, начинаю отдыхать отъ тяжелой ноши горестей и безпрерывныхъ бѣдъ, подъ тяжестію которыхъ чуть было не утратилъ совершенно и душевнаго, и тѣлеснаго здоровья“. Онъ очень полюбилъ

Москву, гдѣ у него завязались первыя теплыя дружескія связи. „О, Москва, Москва! — восклицалъ онъ въ одномъ изъ писемъ къ брату. Жить и умереть въ тебѣ, бѣлокаменная, есть верхъ моихъ желаній. Признаться, братъ, разстаться съ Москвою для меня все равно, что разстаться съ раемъ". Въ августѣ 1834 г. онъ оказывается ближе къ редакціи „Телескопа", чѣмъ прежде. „Я перебрался къ Надеждину,— сообщаетъ онъ брату,—и живу у него уже двѣ недѣли... Надеждинъ уѣхалъ и поручилъ мнѣ журналъ и домъ, гдѣ я теперь полный хозяинъ... пользуюсь его библіотекой и живу припѣваючи". Надеждинъ не только обогрѣлъ и пріютилъ бѣднаго, начинающаго писателя, но сдѣлалъ еще больше добра Бѣлинскому, приблизивъ его къ дѣлу, къ которому онъ былъ призванъ, и поручивъ ему живую и отвѣтственную работу. Съ сентября въ „Молвѣ" началъ появляться рядъ критическихъ статей Бѣлинскаго, подъ названіемъ: „Литературныя Мечтанія (Элегіи въ прозѣ)".

Въ этомъ раннемъ произведеніи, являющемся, тѣмъ не менѣе, одною изъ самыхъ крупныхъ заслугъ Бѣлинскаго, онъ изложилъ вкратцѣ исторію русской литературы отъ Петра Великаго до 1834 года и выяснилъ свою литературную теорію, которую выводилъ изъ своего общаго міровоззрѣнія; объ источникахъ и двигателяхъ послѣдняго будетъ сказано ниже. „Весь безпредѣльный прекрасный Божій міръ,—говоритъ Бѣлинскій,—есть не что иное, какъ дыханіе единой, вѣчной идеи, проявляющейся въ безчисленныхъ формахъ, какъ великое зрѣлище абсолютнаго единства въ безконечномъ разнообразіи. Только пламенное чув-

ство смертнаго можетъ постигать въ свои свѣтлыя мгновенія, какъ велико тѣло этой души вселенной, сердце котораго составляютъ громадныя солнца, жилы — пути млечные, а кровь—чистый эѳиръ. Для этой идеи нѣтъ покоя: она живетъ безпрестанно, то - есть безпрестанно творитъ, чтобы разрушать, и разрушаетъ, чтобы творить. Она воплощается въ блестящее солнце, въ великолѣпную планету, въ блудящую комету; она живетъ и дышитъ и въ бурныхъ приливахъ, и отливахъ морей, и въ свирѣпомъ ураганѣ пустынь, и въ шелестѣ листьевъ, и въ журчаніи ручья, и въ рыканіи льва, и въ слезѣ младенца, и въ улыбкѣ красоты, и въ волѣ человѣка, и въ стройныхъ созданіяхъ генія... Кружится колесо времени съ быстротою непостижимою, въ безбрежныхъ равнинахъ неба потухаютъ свѣтила, какъ истощившіеся вулканы, и зажигаются новыя; на землѣ проходятъ роды и поколѣнія и замѣняются новыми, смерть истребляетъ жизнь, жизнь уничтожаетъ смерть; силы природы борются, враждуютъ и умиротворяются силами посредствующими, и гармонія царствуетъ въ этомъ вѣчномъ броженіи, въ этой борьбѣ началъ и веществъ. Такъ—идея живетъ: мы ясно видимъ это нашими слабыми глазами. Она мудра, ибо все предвидитъ, все держитъ въ равновѣсіи: за наводненіемъ и за лавою ниспосылаетъ плодородіе, за опустошительною грозою—чистоту и свѣжесть воздуха... Вотъ ея мудрость, вотъ ея жизнь физическая: гдѣ же ея любовь? Богъ создалъ человѣка и далъ ему умъ и чувство, да постигаетъ сію идею своимъ умомъ и знаніемъ, да пріобщается къ ея жизни въ живомъ и горячемъ

сочувствіи, да раздѣляетъ ея жизнь въ чувствѣ безконечной, зиждущей любви! Итакъ, она не только мудра, но и любяща! Гордись, гордись, человѣкъ, своимъ высокимъ назначеніемъ, но не забывай, что божественная идея, тебя родившая, справедлива и правосудна, что она дала тебѣ умъ и волю, которыя ставятъ тебя выше всего творенія, что она въ тебѣ живетъ, а жизнь есть дѣйствованіе, а дѣйствованіе есть борьба; не забывай, что твое безконечное, высочайшее блаженство состоитъ въ уничтоженіи твоего „я" въ чувствѣ любви... Отрекись отъ себя, подави свой эгоизмъ, попри ногами твое своекорыстное „я", дыши для счастія другихъ, жертвуй всѣмъ для блага ближняго, родины, для счастія человѣчества, люби истину и благо не для награды, но для истины и блага и тяжкимъ крестомъ выстрадай твое соединеніе съ Богомъ, твое безсмертіе, которое должно состоять въ уничтоженіи твоего „я", въ чувствѣ безпредѣльнаго блаженства!.. Сочувствуй природѣ, люби и изучай ее, твори безкорыстно, трудись безвозмездно, отверзай души ближнихъ для впечатлѣнія благого и истиннаго, изобличай порокъ и невѣжество, терпи гоненіе злыхъ, ѣшь хлѣбъ, смоченный слезами, и не своди задумчиваго взора съ прекраснаго, родного тебѣ неба... Вотъ нравственная жизнь вѣчной идеи. Проявленіе ея—борьба между добромъ и зломъ, любовью и эгоизмомъ, какъ въ жизни физической противоборство силы сжимательной и расширительной. Безъ борьбы нѣтъ заслуги, безъ заслуги нѣтъ награды, а безъ дѣйствованія нѣтъ жизни! Что представляютъ собою индивидуумы, то же представляетъ и человѣ-

чество: оно борется ежеминутно и ежеминутно улучшается. Что означаютъ походы Александровъ, баснословная дѣятельность Цезарей, Карловъ? — Движеніе вѣчной идеи, которой жизнь состоитъ въ безпрерывной дѣятельности. Какое же назначеніе и какая цѣль искусства?.. Изображать, воспроизводить въ словѣ, въ звукѣ, въ чертахъ и краскахъ идею всеобщей жизни природы: вотъ единая и вѣчная тема искусства! Поэтическое одушевленіе есть отблескъ творящей силы природы. Посему поэтъ болѣе, нежели кто-либо другой, долженъ изучать природу физическую и духовную, любить ее и сочувствовать ей; болѣе, нежели кто-либо другой; долженъ быть чистъ и дѣвственъ душою, ибо въ ея святилище можно входить только съ ногами обнаженными, съ руками омовенными, съ умомъ мужа и сердцемъ младенца, ибо только въ гармоніи ума и чувства заключается высочайшее совершенство человѣка... Чѣмъ выше геній поэта, тѣмъ глубже и обширнѣе обнимаетъ онъ природу и тѣмъ съ большимъ успѣхомъ представляетъ намъ ее въ ея высшей связи и жизни... Доколѣ поэтъ слѣдуетъ безотчетно мгновенной вспышкѣ своего воображенія, дотолѣ онъ — нравственъ, дотолѣ онъ и поэтъ; но какъ скоро онъ предположилъ себѣ цѣль, задалъ тему, онъ уже философъ, мыслитель, моралистъ, онъ теряетъ надо мной свою чародѣйскую власть, разрушаетъ очарованіе... Да, — искусство есть выраженіе великой идеи вселенной въ ея безконечно-разнообразныхъ явленіяхъ!..“

Тутъ Бѣлинскій переходитъ къ вопросу, „что такое наша литература: выраженіе общества или выраженіе духа народнаго“? „Ка-

ждый народъ, велѣніе непре[illegible] Провидѣнія, долженъ выражать своею жизнію одну какую-нибудь сторону жизни цѣлаго человѣчества; въ противномъ случаѣ этотъ народъ не живетъ, а только прозябаетъ, и его существованіе ни къ чему не служитъ... Только живя самобытною жизнію, можетъ каждый народъ принести свою долю въ общую сокровищницу. Въ чемъ же состоитъ эта самобытность каждаго народа? Въ особенномъ, одному ему принадлежащемъ образѣ мыслей и взглядѣ на предметы, въ религіи, языкѣ и болѣе всего въ обычаяхъ. Всѣ эти обстоятельства чрезвычайно важны, тѣсно соединены между собою и условливаютъ другъ друга и всѣ проистекаютъ изъ одного общаго источника—причины всѣхъ причинъ—климата и мѣстности... Обычаи составляютъ физіономію народа, и безъ нихъ народъ есть образъ безъ лица, мечта небывалая и несбыточная". На эту физіономію русскаго народа посягнулъ великій царь-реформаторъ, которому „некогда было ждать", который вводилъ свои преобразованія безъ „благоразумной постепенности", не по „сердечному убѣжденію",—и вотъ „масса народа упорно осталась тѣмъ, что и была; но общество пошло по пути, на который ринула его мощная рука генія... Масса народа и общество пошли у насъ врозь. Первый остался при своей прежней грубой и полудикой жизни; второе же забыло все русское, забыло поэтическія преданія и вымыслы своей родины и создало себѣ литературу, которая была вѣрнымъ его зеркаломъ". Благодаря этому разладу между народомъ и обществомъ, „у насъ нѣтъ литературы". И обозрѣвъ въ рядѣ крат-

кихъ, художественныхъ характеристикъ всю исторію русской словесности, Бѣлинскій кончаетъ свою статью: „У насъ нѣтъ литературы: не знаю, убѣдило ли васъ въ этой истинѣ мое обозрѣніе; только знаю, что если нѣтъ, то въ томъ виновато мое неумѣнье, а отнюдь не то, чтобы доказываемое мною положеніе было ложно. Державинъ, Пушкинъ, Крыловъ, Грибоѣдовъ—вотъ всѣ ея представители; другихъ покуда нѣтъ, и не ищите ихъ... Надо сперва, чтобы у насъ образовалось общество, въ которомъ бы выразилась физіономія могучаго русскаго народа; надобно, чтобы у насъ было просвѣщеніе, созданное нашими трудами, возращенное на родной почвѣ... Придетъ время, просвѣщеніе разольется въ Россіи широкимъ потокомъ, умственная физіономія народа выяснится, и тогда наши художники и писатели будутъ на всѣ свои произведенія налагать печать русскаго духа. Но теперь намъ нужно ученье! ученье! ученье!.. Намъ нужна не литература, которая безъ всякихъ съ нашей стороны усилій явится въ свое время, а просвѣщеніе!“ Мысль, что „у насъ нѣтъ литературы“, сама по себѣ не была нова: ее высказывали Марлинскій, Веневитиновъ, Ив. Кирѣевскій, Надеждинъ, Н. Полевой, но никогда еще не была она высказана съ такимъ жаромъ и страстностью, съ такимъ блестящимъ паѳосомъ, никогда по поводу ея не было высказано столько вѣрныхъ мнѣній, вынесено такъ много серьезныхъ критическихъ приговоровъ.

Въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“ Бѣлинскій является уже весь, со своимъ страстнымъ стремленіемъ къ истинѣ, со своимъ полемическимъ задоромъ. Эта статья синтезировала всѣ

основныя положенія, выработанныя русской критикой въ 20-хъ гг. и въ первой полови[illegible] тридцатыхъ. На нее наложили свою печат[illegible] нѣкоторыя литературныя вліянія, сильнѣ[illegible] всѣхъ было вліяніе Надеждина. Оно сказалось, впрочемъ, съ чисто-внѣшней стороны. Современникъ разсказываетъ, что многіе читатели сначала сочли Н[illegible] прозѣ“ (подпись: „—онъ —инскій“, стояла лишь подъ послѣдней статьей), но это свидѣтел[illegible]ствуетъ лишь о [illegible] читателей, которые не сумѣли распознать ex ungue leonem. Въ своихъ „Литературныхъ [illegible]“ [illegible]емъ напоминающихъ „Литературныя Мечтанія“ Бѣлинскаго, Надеждинъ высказалъ тотъ же отрицательный взглядъ на положеніе русской литературы, что и Бѣлинскій, но не указалъ никакого исхода, смотря на будущее съ неопредѣленной мрачностью, между тѣмъ какъ Бѣлинскій вѣрилъ въ прогрессъ и просвѣщеніе. Тогда какъ Бѣлинскій требовалъ для искусства полной свободы и несвободное творчество не считалъ и творчествомъ, Надеждинъ подчинялъ искусство морали, говоря, что „красота есть истина, растворенная добротою“, что „эстетическій интересъ есть гармоническое сліяніе нравственнаго и умственнаго интереса“. За предѣлами общихъ положеній эта разница между обоими критиками становится еще ощутительнѣе. У Бѣлинскаго рядъ [illegible] характеристикъ всѣхъ крупныхъ русскихъ писателей, [illegible] которыхъ были особенно понятны въ 30-хъ годахъ, когда еще они не стали истинами, нашедшими мѣсто въ литературномъ сознаніи и

даже въ учебникахъ; у Надеждина—грубыя, безвкусныя нападки на поэзію Пушкина, которая питаетъ „антипатію ко всему доброму, свѣтлому, мелодическому“, и на „окаменяющую [illegible] байроновской поэзіи“. Самый тонъ [illegible], юношески свѣтлый, горячій, восторженный, не имѣетъ ничего общаго съ тономъ статей Надеждина, то надуто-скучнымъ, то зубоскальскимъ; у Бѣлинскаго нѣтъ нигдѣ ни одной шутки: видно благоговѣйное отношеніе къ литературѣ какъ къ святому призванію. Впервые у насъ литература трактуется, какъ великое и значительное дѣло, органически связанное съ жизнью; жизнь и литература объединены стройнымъ и цѣльнымъ, несмотря на мелкія, частичныя противорѣчія автора, міросозерцаніемъ. Это міросозерцаніе явилось результатомъ увлеченія Бѣлинскаго философіей Шеллинга, которая стала для Бѣлинскаго религіей. Въ вихрь шеллинговской философіи увлекъ Бѣлинскаго знаменитый кружокъ Станкевича. „Какимъ-то торжествомъ, свѣтлымъ, радостнымъ чувствомъ исполнилась жизнь,—говоритъ біографъ Станкевича П. В. Анненковъ,—когда указана была возможность объяснить явленія природы тѣми же самыми законами, какимъ подчиняется духъ человѣческій въ своемъ развитіи, закрыть, повидимому, навсегда пропасть, раздѣляющую два міра, и сдѣлать изъ нихъ единый сосудъ для вмѣщенія вѣчной идеи и вѣчнаго разума. Съ какою юношескою и благородной гордостью понималась тогда часть, предоставленная человѣку въ этой всемірной жизни!.. Природа была поглощена имъ и въ немъ же воскресала для новаго, разумнаго и одухотвореннаго существо-

ванія!.. Чѣмъ свѣтлѣе отражался въ немъ самомъ вѣчный духъ, всеобщая идея, тѣмъ полнѣе понималъ онъ ея присутствіе во всѣхъ другихъ сферахъ жизни. На концѣ всего воззрѣнія стояли нравственныя обязанности и одна изъ необходимыхъ обязанностей—высвобождать въ себѣ самомъ божественную часть міровой идеи отъ всего случайнаго, нечистаго и ложнаго для того, чтобы имѣть право на блаженство дѣйствительнаго, разумнаго существованія".

Провозвѣстниками шеллинг[illegible] у насъ явились кн. В. Ѳ. Одоевскій (въ „Мнемозинѣ", 1824), Д. В. Веневитиновъ, М.-Г. Павловъ, И. В. Кирѣевскій. Кружокъ Станкевича, въ который Бѣлинскій вошелъ еще студентомъ, исповѣдывалъ шеллингизмъ, и эту теорію Бѣлинскій приложилъ въ своей статьѣ къ русской жизни и литературѣ. Какъ велико историческое значеніе этого кружка, видно изъ словъ современника и главы другого кружка, А. И. Герцена, который говоритъ: „Можно сказать, что въ то время Россія будущаго существовала между нѣсколькими мальчиками, только что вышедшими изъ дѣтства. Въ нихъ было наслѣдіе общечеловѣческой науки... Нравственный уровень общества палъ, развитіе было прервано, александровское поколѣніе заняло первое мѣсто. Мало-по-малу оно утратило дикую поэзію кутежей, барства, храбрости; они служили и выслуживались... Время ихъ прошло. Подъ этимъ большимъ свѣтомъ безучастно молчалъ большой міръ народа; для него ничто не перемѣнилось—ему было не лучше и не хуже прежняго. Его время не пришло. Между этой основой юноши, почти дѣти, первые

приподняли голову, можетъ-быть, не подозрѣвая, какъ это опасно: этими дѣтьми Россія частью начала приходить въ себя. Ихъ вниманіе остановило противорѣчіе ученія съ жизнью. Жить въ нравственномъ разладѣ съ собой они не могли. Возбужденная мысль требовала выхода. Разрѣшеніе разныхъ вопросовъ мучило молодое поколѣніе и обусловливало распаденіе его на разные круги". Кружокъ Станкевича, къ которому особенно близко стоялъ Бѣлинскій, изучалъ философію и поэзію; германская идеалистическая философія нашла преданныхъ адептовъ въ прекраснодушномъ Станкевичѣ и всей компаніи молодыхъ идеалистовъ. Бѣлинскій, который всегда искалъ смысла жизни, съ почти болѣзненной жадностью стремился къ философскому міропониманію, нашелъ на время ключъ къ нему въ идеализмѣ и пантеизмѣ Шеллинга, отъ котораго ему уже былъ легокъ переходъ къ слѣдующему этапу философской мысли—міровоззрѣнію Гегеля. Къ Гегелю, какъ понимали его тогда въ Россіи, онъ является близкимъ уже въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ", видя во всемъ существующемъ въ нравственной и физической природѣ только проявленія „единой, вѣчной идеи". Упоеніе философіей было такъ велико, что Бѣлинскому въ первые годы его литературной дѣятельности былъ чуждъ какой бы то ни было протестъ, и онъ, полуголодный, такъ же славилъ существующее, какъ славилъ его сытый Станкевичъ, прекраснодушіе котораго холилось въ роскошной обстановкѣ, купленной за счетъ крѣпостныхъ. Отношеніе Бѣлинскаго къ кружку,—говоритъ одинъ изслѣдователь,—„носило въ высшей степени ненормальный ха-

рактеръ, при чемъ всѣ симпатіи должны были быть положены на вѣсы Бѣлинскаго. Съ одной стороны, мы видимъ кружокъ баричей-дворянъ, наслаждающихся плодами жизни, существующихъ за счетъ крѣпостного труда, а потому не понимающихъ значенія этого труда, не интересующихся никакими соціальными болѣзнями и невзгодами. Искусство, литература, философія были для нихъ тѣми роскошными блюдами, которыми они наслаждались... Съ другой стороны, передъ ними въ ихъ средѣ голодный разночинецъ, прошедшій уже, несмотря на свои юные годы, страшную школу нужды и бѣдъ, человѣкъ, для котораго во всѣхъ этихъ диспутахъ и бесѣдахъ былъ интересенъ конечный финалъ, къ которому они должны были привести. Въ центрѣ этого финала у него было положено человѣческое „я", благо этого „я", философское значеніе этого „я"... Они знакомы съ послѣднимъ словомъ европейской науки; онъ малосвѣдущъ, односторонне образованъ, и то только въ области нѣкоторыхъ вопросовъ родной жизни. Они разглагольствуютъ, они поучаютъ; онъ жадно внимаетъ каждому слову, впитываетъ въ себя всякую громко высказанную мысль, перерабатываетъ ее на свой ладъ... И результатъ такого неравенства положенія и состоянія быстро даетъ о себѣ знать: друзья относятся къ нему съ нѣкоторымъ высокомѣріемъ, господски-покровительственно, готовы даже отрицать его талантъ и право на общественное руководительство. Но какъ-никакъ, а все же этотъ кружокъ, независимо отъ своего личнаго отношенія къ нашему критику, своими духовными интересами принесъ громадную пользу его умственному развитію и снабдилъ

его цѣнными богатствами изъ сокровищницы европейскаго знанія“. Дѣйствительно, подтвержденіе этого мнѣнія находимъ въ словахъ одного изъ участниковъ кружка, В. П. Боткина, съ которымъ Бѣлинскій сошелся особенно близко, объ умственной работѣ кружка: „Все въ насъ кипѣло и все требовало отвѣта и разъясненія; всякій клалъ свою посильную лепту въ общую сокровищницу, которою была критика Бѣлинскаго“. Боткинъ былъ интимнѣйшимъ другомъ Бѣлинскаго. Бѣлинскому нуженъ былъ руководитель, тонкій знатокъ европейской литературы и философіи, цѣнитель изящнаго, и такого руководителя онъ нашелъ въ Боткинѣ. Дружба ихъ длилась до самой смерти Бѣлинскаго. Свидѣтельствомъ своимъ онъ, конечно, не хотѣлъ исчерпать значеніе Бѣлинскаго и принизить его, но довольно вѣрно опредѣлилъ значеніе кружка въ развитіи идей Бѣлинскаго.

Во внѣшней жизни Бѣлинскаго перемѣнъ было мало. То погружаясь на дно нужды, то кое-какъ всплывая, онъ продолжалъ биться изъ-за куска хлѣба. Одно время репутація автора „Литературныхъ Мечтаній“ доставила ему выгодные уроки, такъ что все время его было разобрано, и онъ былъ вынужденъ отвергать новыя предложенія. Но длилось это, вѣроятно, недолго, такъ какъ Бѣлинскій, несмотря на глубокое пониманіе задачи педагога, сказавшееся во многихъ его мысляхъ о научной и дѣтской литературѣ, былъ не особенно хорошимъ педагогомъ-практикомъ; да и самъ онъ зналъ это за собою и за преподаваніе брался неохотно. Объ обстановкѣ, въ которой жилъ уже ставшій извѣстнымъ критикъ, сохранился нѣсколько прикрашенный, но при-

близительно вѣрный разсказъ Лажечникова: „Пріѣхавъ однажды въ первыхъ 30-хъ годахъ изъ Твери въ Москву, я хотѣлъ посѣтить Бѣлинскаго и узнать его домашнее житье-бытье. Красивъ былъ его бельэтажъ! Внизу жили и работали кузнецы. Пробраться къ нему надо было по грязной лѣстницѣ; рядомъ съ его каморкой была прачешная, изъ которой безпрестанно неслись къ нему испаренія мокраго бѣлья и вонючаго мыла. Каково было дышать этимъ воздухомъ, особенно ему, съ слабой грудью! Каково было слушать за дверьми упоительную бесѣду прачекъ и подъ собой стукъ отъ молотовъ русскихъ циклоповъ, если не подземныхъ, то подпольныхъ. Не говорю о бѣднѣйшей обстановкѣ его комнаты... Прислуги никакой; онъ ѣлъ, вѣроятно, то, что ѣли его сосѣдки. Сердце мое облилось кровью... Я спѣшилъ бѣжать отъ смрада испареній, охватившихъ меня и пропитавшихъ въ нѣсколько минутъ мое платье: скорѣй, скорѣй на чистый воздухъ, чтобы хоть нѣсколько облегчить грудь отъ всего, что я видѣлъ, что я прочувствовалъ въ этомъ убогомъ жилищѣ литератора, заявившаго Россіи уже свое имя!“ Лажечниковъ устроилъ Бѣлинскаго литературнымъ секретаремъ при какомъ-то графоманѣ; получая столъ, квартиру и небольшое жалованье, Бѣлинскій долженъ былъ поправлять произведенія своего патрона. Подъ давленіемъ нужды онъ принялъ эту должность и впервые въ жизни зажилъ въ уютной и комфортабельной обстановкѣ. „Но вскорѣ восходятъ тучи надъ этой блаженной жизнью. Оказывается, что за нее надо подчасъ жертвовать своими убѣжденіями, собственной рукой писать имъ приговоры, дѣйствовать противъ

совѣсти. И вотъ, въ одно прекрасное утро Бѣлинскій исчезаетъ изъ дома, начиненнаго всѣми житейскими благами... Шаги его направлены къ такой же убогой квартиркѣ, въ какой онъ жилъ прежде... Онъ чувствуетъ, что исполнилъ долгъ свой". Хотя онъ продолжалъ писать много для „Телескопа" и „Молвы", но, очевидно, трудъ его оплачивался худо, да и вообще практичностью онъ не отличался и въ дѣлахъ житейской прозы всегда былъ простъ и даже наивенъ.

Весной 1835 г., собираясь въ заграничную поѣздку, Надеждинъ передалъ свои журналы на время своего отсутствія въ руки Бѣлинскаго и его друзей, очевидно, уже вполнѣ полагаясь на талантъ Бѣлинскаго, и ему пришлось стать редакторомъ „Молвы" и „Телескопа". Подъ редакціей Бѣлинскаго „Телескопъ" сразу оживился; его неопредѣленные литературно-критическіе взгляды сразу замѣнились ярко выраженнымъ эстетическимъ направленіемъ. Участіе друзей Бѣлинскаго было очень ничтожно: Станкевичъ далъ переводную статью о Гегелѣ; Красовъ, Кольцовъ, К. Аксаковъ помѣстили нѣсколько стихотвореній. Бѣлинскій же напечаталъ большую статью „О русской повѣсти и повѣстяхъ Гоголя", о Кольцовѣ, о Баратынскомъ, о Бенедиктовѣ. Въ послѣдней онъ безповоротно подорвалъ репутацію этого трескучаго версификатора, пустоту и надутость котораго тогда понимали лишь немногіе. О впечатлѣніи, произведенномъ этой статьей, разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ И. С. Тургеневъ, бывшій тогда молодымъ студентомъ: „Въ одно утро зашелъ ко мнѣ студентъ-товарищъ и съ негодованіемъ сообщилъ мнѣ,

что появился № „Телескопа“ со статьей Бѣлинскаго, въ которой этотъ „критиканъ“ осмѣлился заносить руку на нашъ общій идолъ, на Бенедиктова. Я немедленно прочелъ всю статью, отъ доски до доски — и, разумѣется, также воспылалъ негодованіемъ! Но странное дѣло: и во время чтенія, и послѣ, къ собственному моему изумленію и даже досадѣ, что-то во мнѣ невольно соглашалось съ „критиканомъ“, находило его доводы убѣдительными и неотразимыми! Я стыдился этого, уже точно неожиданнаго впечатлѣнія, я старался заглушить въ себѣ этотъ внутренній голосъ, — въ кругу пріятелей я съ большей еще рѣзкостью отзывался о самомъ Бѣлинскимъ и объ его статьѣ... Но въ глубинѣ души что-то продолжало шептать мнѣ, что онъ былъ правъ... Прошло нѣсколько времени, — и я уже не читалъ Бенедиктова. Кому же неизвѣстно теперь, что многія, высказанныя тогда Бѣлинскимъ мнѣнія, казавшіяся дерзкою новизною, стали всѣми принятымъ, общимъ мѣстомъ... Подъ этотъ приговоръ подписалось потомство, какъ и подъ многіе другіе, произнесенные тѣмъ же судьей“. Около полугода Бѣлинскій занимался изданіемъ „Телескопа“ и „Молвы“, и Надеждинъ остался имъ, повидимому, доволенъ. Въ 1835 же году Бѣлинскій и Станкевичъ выпустили первое изданіе стихотвореній А. В. Кольцова, дарованіе котораго кружокъ призналъ уже давно (еще въ 1831 г. Станкевичъ напечаталъ его нѣсколько первыхъ стихотвореній), и который въ своихъ мутно-абстрактныхъ думахъ довольно криво отражалъ впечатлѣнія кружковыхъ бесѣдъ. Съ Бѣлинскимъ Кольцовъ особенно сблизился; Бѣлинскій болѣе всѣхъ

другихъ имѣлъ вліяніе на развитіе его таланта, и никто не былъ въ глазахъ Кольцова такимъ нравственнымъ и литературнымъ авторитетомъ, какъ Бѣлинскій, которому принадлежитъ самая полная и проникновенная оцѣнка Кольцова. По возвращеніи Надеждина въ Москву Бѣлинскій сталъ работать уже меньше; въ 1836 г. онъ помѣстилъ въ „Молвѣ“ отзывы о двухъ первыхъ книжкахъ „Современника“, который началъ тогда издавать Пушкинъ; изъ крупныхъ статей нужно отмѣтить „Ничто о Ничемъ или отчетъ г. издателю „Телескопа“ за послѣднее полугодіе (1835 г.) русской литературы“. Въ ней Бѣлинскій снова высказалъ свои высокій взглядъ на отношеніе общества къ литературѣ, уже высказанный въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“: „Я крѣпко убѣжденъ, что народъ или общество есть самыи лучшій, самый непогрѣшительный критикъ“. Изъ нея видно, что онъ уже началъ свои знаменитыя статьи о Пушкинѣ и во всякомъ случаѣ уже былъ наканунѣ той работы, въ результатѣ которой явился его талантливый и самый полный въ русской литературѣ обзоръ пушкинскаго творчества. О Пушкинѣ Бѣлинскій писалъ: „Онъ сталъ говорить намъ о чувствахъ общихъ, человѣческихъ, всѣмъ болѣе или менѣе доступныхъ, всѣми болѣе или менѣе испытанныхъ... Онъ искалъ поэзіи не въ современныхъ и преходящихъ интересахъ, а въ вѣчномъ, неизмѣняемомъ интересѣ души человѣческой“. Говоря о народности въ литературѣ, Бѣлинскій развивалъ мысль, которой касался въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“. „Что такое народность въ литературѣ? Отраженіе индивидуальности, характерности народа, вы-

раженіе духа внутренней и внѣшней его жизни, со всѣми типическими оттѣнками, красками и родимыми пятнами... Нѣтъ нужды поставлять такой народности въ обязанность истинному таланту, истинному поэту; она сама собой непремѣнно должна проявляться въ творческомъ созданіи... Если поэтъ владѣетъ истиннымъ талантомъ, онъ не можетъ не быть народнымъ, лишь бы только творилъ изъ души... У кого есть талантъ, кто поэтъ истинный, тотъ не можетъ не быть народнымъ".

Сотрудничеству Бѣлинскаго въ „Телескопѣ" положило конецъ прекращеніе журнала. Въ 15 книжкѣ „Телескопа" 1836 г. появилось извѣстное „философическое письмо" П. Я. Чаадаева: и издатель, и цензоръ, и авторъ подверглись гоненіямъ со стороны правительства, а журналъ былъ закрытъ. Бѣлинскій потерялъ работу; самого его тогда въ Москвѣ не было, онъ гостилъ у Бакуниныхъ. Бѣлинскій, которому въ тѣ годы еще нуженъ былъ руководитель въ области германской философіи, для него едва открытой вслѣдствіе плохого знанія нѣмецкаго языка, сошелся послѣ отъѣзда Станкевича (въ 1837 г.) за границу съ М. А. Бакунинымъ, знаменитымъ впослѣдствіи идеологомъ и пропагандистомъ анархіи, а въ то время переживавшимъ періодъ подчиненія гегелевской философіи въ томъ ея своеобразномъ пониманіи, которое привело его, а за нимъ и Бѣлинскаго, видѣвшаго всегда въ мышленіи не абстрактную игру ума, а практическій жизненный догматъ, къ „примиренію съ дѣйствительностью". Въ кружкѣ Бакунинъ считался авторитетомъ. „Къ нему, — говоритъ Анненковъ,—прибѣгали при всякомъ недоумѣ-

ніи, затруднительномъ вопросѣ, случайномъ перерывѣ идей, и пояснительная рѣчь его текла блестящею импровизаціей. Разумѣется, тутъ не могло быть какого-либо самобытнаго ученія, но онъ обладалъ особеннымъ даромъ, похожимъ на творчество,—именно даромъ перерабатывать все вычитанное и узнанное въ собственную мысль... Вся жизнь являлась передъ нимъ сквозь призму отвлеченія, и только тогда говорилъ онъ о ней съ поразительнымъ увлеченіемъ, когда она была переведена въ идею". Отношенія Бѣлинскаго къ Бакунину были неровныя, прерывавшіяся иногда размолвками, пока друзья не разошлись совершенно,—но въ нихъ обоихъ жилъ одинъ и тотъ же пытливо-критическій духъ. Бѣлинскій самъ отлично охарактеризовалъ Бакунина въ одномъ письмѣ: „Дикая мощь, безпокойное, тревожное и глубокое движеніе духа, безпрестанное стремленіе вдаль, безъ удовлетворенія настоящимъ моментомъ, даже ненависть и къ настоящему моменту, и къ себѣ самому въ настоящемъ моментѣ, порываніе къ общему отъ частныхъ явленій"... Бѣлинскій сошелся со всей семьей Бакуниныхъ и провелъ у нихъ нѣсколько мѣсяцевъ (1836 г.) въ ихъ тверскомъ имѣніи Прямухинѣ. Это лѣто осталось очень памятно Бѣлинскому. Семейство Бакуниныхъ, вспоминаетъ одинъ современникъ, „было какъ-то особенно награждено душевными дарами. Художникъ, музыкантъ, писатель, учитель, студентъ или просто добрый и честный человѣкъ были въ немъ обласканы равно, несмотря на состояніе и рожденіе... Сюда, вмѣстѣ съ Станкевичемъ, Боткинымъ и многими другими даровитыми молодыми людьми, не могъ не

попасть и Бѣлинскій. Среди тогдашняго средне-дворянскаго круга семейство Бакуниныхъ выдѣлялось своей высокой интеллигентностью. Это не были люди, закоснѣлые въ мертвыхъ традиціяхъ отжившаго прошлаго,— отзывчивые и чуткіе, они внимательно слѣдили за движеніемъ современной мысли. Михаилъ Бакунинъ тогда нѣсколько опередилъ Бѣлинскаго въ развитіи тѣхъ идей, которыя уже давно занимали умъ Бѣлинскаго, и явился для него истолкователемъ гегеліанства“.

III.

Въ міросозерцаніи Бѣлинскаго рѣзко бросаются въ глаза три фазиса, которые М. А. Протопоповъ съ нѣкоторой хронологической неточностью, но вѣрно и мѣтко опредѣляетъ такимъ образомъ: „Первый фазисъ — индивидуальная мораль и нравственный законъ въ смыслѣ верховнаго регулятора человѣческихъ дѣйствій и отношеній; второй фазисъ — отрицаніе всякой морали, какъ логическій результатъ преклоненія передъ дѣйствительностью и ея разумомъ; третій и окончательный фазисъ—возвращеніе къ морали въ смыслѣ идеала общественной справедливости, съ вытекающею отсюда обязанностью реформировать дѣйствительность въ духѣ этого идеала... Въ точномъ смыслѣ мы имѣемъ не одного, а трехъ Бѣлинскихъ: Бѣлинскаго двадцатыхъ годовъ, отвлеченнаго проповѣдника общей человѣческой морали; Бѣлинскаго тридцатыхъ годовъ, проповѣдника не только необходимости, но и разумности всего существующаго, а стало быть и того, что противорѣчитъ всякой

морали, раба и поклонника факта, защитника какихъ угодно безобразій, разъ они реализировались въ дѣйствительности; наконецъ, Бѣлинскаго сороковыхъ годовъ, умственно и нравственно просвѣтленнаго, могучаго дѣятеля, съ вѣрнымъ критеріемъ въ рукахъ, строго и отчетливо разъединяющаго истину отъ лжи, добро отъ зла,—дѣятеля, дающаго свою поддержку и санкцію тому лишь, что не только необходимо, но и нравственно-справедливо". Свое міросозерцаніе въ первомъ изъ этихъ фазисовъ Бѣлинскій самъ назвалъ впослѣдствіи въ одномъ письмѣ къ своимъ друзьямъ „абстрактнымъ героизмомъ"; этотъ періодъ характеризуется безотчетными, но инстинктивно-вѣрными порывами къ прекрасному. Бѣлинскій перваго фазиса близко подходитъ къ Бѣлинскому третьяго фазиса, и лишь во второмъ фазисѣ Бѣлинскій пересталъ быть вѣрнымъ себѣ, за что и заплатилъ тяжелой душевной ломкой и горькимъ раскаяніемъ. Вотъ, напримѣръ, одно туманное, но по духу вѣрное и благородное выраженіе того, что онъ самъ назвалъ „абстрактнымъ героизмомъ" (въ статьѣ „О критикѣ и литературныхъ мечтаніяхъ Московскаго Наблюдателя", напечатанной въ „Телескопѣ" 1836 г.): „Развѣ за благородный порывъ должно требовать награды отъ общественнаго мнѣнія? Развѣ мысль не есть высокая и прекрасная награда тому, кто служитъ ей? О нѣтъ! Пусть толкуютъ ваши дѣйствія кому какъ угодно, пусть не хотятъ понять ихъ источника и цѣли: но если мысль и убѣжденіе доступны вамъ, — идите впередъ, и да не совратятъ васъ съ пути ни расчеты эгоизма, ни отношенія личныя и житейскія, ни

боязнь непріязни людской, ни обольщенія ихъ коварной дружбы, стремящейся взамѣнъ своихъ ничтожныхъ даровъ лишить васъ лучшаго вашего сокровища—независимости мнѣнія и чистой любви къ истинѣ!" Вскорѣ, „преклонившись" предъ дѣйствительностью и, въ слѣпомъ подчиненіи догмѣ, призпавъ ее всегда и во всемъ разумной, Бѣлинскій „возненавидѣлъ", по его собственному выраженію, Шиллера, котораго раньше боготворилъ. „За что эта ненависть? За субъективно-нравственную точку зрѣнія, за страшную идею долга, за абстрактный героизмъ, за прекраснодушную войну съ дѣйствительностью... Драмы его наложили на меня дикую вражду къ общественнымъ порядкамъ во имя абстрактнаго идеала общества, оторваннаго отъ географическихъ и историческихъ условій развитія, построеннаго на воздухѣ; бросили меня въ абстрактный героизмъ, внѣ котораго я все презиралъ, все ненавидѣлъ"...

Но во всѣхъ этихъ душевныхъ переживаніяхъ Бѣлинскій въ сущности былъ одинъ и тотъ же—неизмѣнный и неустанный искатель нравственнаго идеала, который онъ всегда видѣлъ вдали передъ собою и ради стремленія къ которому, какъ это ни странно съ перваго взгляда, горячо оправдывалъ общественную неправду, усматривая въ ней незримую руку Провидѣнія, направляющую все къ лучшему; это всегда нужно имѣть въ виду, когда читаешь Бѣлинскаго или говоришь о немъ. Въ періодъ „абстрактнаго героизма" Бѣлинскій смутно чувствовалъ идеалъ, но не находилъ ему выраженія, а жить какъ „всѣ" Бѣлинскій не могъ. Ему нужна была твердая и могучая

идеальная опора, каждый моментъ своей жизни онъ стремился оправдать высокой цѣлью, вѣрностью святому назначенію. Иногда ему казалось, что достигнуть этого идеала можно въ абсолютномъ знаніи. „Ищи Бога не въ храмахъ, созданныхъ людьми,—писалъ онъ одному пріятелю, объясняя ему свое тогдашнее богопониманіе,—но ищи въ сердцѣ своемъ, ищи его въ любви своей. Утони, исчезни въ наукѣ и искусствѣ, возлюби науку и искусство, возлюби ихъ, какъ цѣль и потребность твоей жизни, а не какъ средство къ образованію и успѣхамъ въ свѣтѣ, — и ты будешь блаженъ; а кто достигъ блаженства, тотъ носитъ въ себѣ Бога... Богъ есть истина; слѣдовательно, кто сдѣлался сосудомъ истины, тотъ есть и сосудъ Божій; кто знаетъ, тотъ уже и любитъ, потому что не любя невозможно познавать, а познавая невозможно не любить; Богъ есть вмѣстѣ и истина, и любовь, и разумъ, и чувство,—такъ, какъ солнце есть вмѣстѣ и свѣтъ, и теплота“... Такими мыслями жилъ Бѣлинскій, когда встрѣтился съ Бакунинымъ. Безпокойный искатель истины, измученный, но не насыщенный долгими размышленіями, Бѣлинскій былъ тогда къ тому же потрясенъ тяжелой сердечной исторіей. Онъ увлекся молоденькой мастерицей, „гризеткой“, и, конечно, взялся за ея „облагораживаніе“ и умственное развитіе, началъ посвящать ее въ красоты искусства, но изъ всѣхъ его стараній ничего не вышло, и намѣченный имъ идеалъ быстро превратился въ самую некрасивую и неприглядную дѣйствительность. Эта исторія стоила ему долгихъ душевныхъ мукъ; онъ готовъ былъ впасть, по его собственнымъ словамъ,

„въ бѣшеное изступленное отчаяніе или въ мертвую апатію". У Бакуниныхъ онъ отдохнулъ: его „душа смягчилась, ея ожесточеніе миновало, и она сдѣлалась способною къ пріятію благихъ истинъ".

Новое увлеченіе замѣнило прежнее: впервые въ жизни безпріютный Бѣлинскій попалъ въ хорошее женское общество и влюбился въ дочь Бакуниныхъ, Александру Александровну; любовь эта осталась нераздѣленной. Михаилъ Бакунинъ посвятилъ его въ философію Гегеля, которой онъ вскорѣ подчинился всецѣло, и она на время успокоила его мятущійся умъ. „Мнѣ было хорошо,—писалъ онъ,—такъ хорошо, какъ и не мечталось до того времени: событіе превзошло мѣру и глубину моего созерцанія и моихъ предощущеній. Я ощутилъ себя въ новой сферѣ, увидѣлъ себя въ новомъ мірѣ: окрестъ меня все дышало гармоніей и блаженствомъ, и эта гармонія и блаженство частью проникли и въ мою душу. Я увидѣлъ осуществленіе моихъ понятій о женщинѣ; опытъ утвердилъ мою вѣру... Я хотѣлъ въ Прямухинѣ успокоиться, забыться, и до нѣкоторой степени успѣлъ въ этомъ... Мои недостатки нравственные терзали меня: сравнивая мои мгновенные порывы восторга съ этою жизнью, ровною, гармоническою, безъ пробѣловъ, безъ пустотъ, безъ паденія и возстанія, съ этимъ прогрессивнымъ ходомъ впередъ къ безконечному совершенству, — я ужасался своего ничтожества... Случались цѣлые дни, когда я искалъ общества и, находя его, бѣгалъ отъ него. Полною жизнью я жилъ только въ тѣ минуты, когда увлекался сильнымъ жаромъ въ спорахъ и, забывая себя, видѣлъ одну

истину, которая меня занимала". О приподнятости и восторженности его въ то время можно судить по слѣдующему мѣсту въ цитируемомъ письмѣ, прекрасному въ своей наивности: „Когда всѣ собирались въ гостиной, толпились около рояля и пѣли хоромъ, въ этихъ хорахъ я думалъ слышать гимнъ восторга и блаженства усовершенствованнаго человѣчества, и душа моя замирала, можно сказать, въ мукахъ блаженства, потому что въ моемъ блаженствѣ, отъ непривычки ли къ нему, отъ недостатка ли гармоніи въ душѣ, было что-то тяжкое, невыносимое, такъ что я боялся моими дикими движеніями обратить на себя общее вниманіе". Общество, встрѣченное имъ въ домѣ Бакуниныхъ, рисовалось ему въ свѣтѣ этой экзальтаціи: „Я былъ вполнѣ блаженъ тѣмъ, что вѣрилъ въ существованіе на землѣ безконечно-прекраснаго и высокаго, потому что видѣлъ своими глазами, видѣлъ передъ собою то, что доселѣ почиталъ мечтою, что давно почиталъ долженствовавшимъ существовать, но къ чему доселѣ не имѣлъ живой и сильной вѣры". Близкій къ чуждому какого бы то ни было протеста „примиренію" съ дѣйствительностью, Бѣлинскій отнесся къ своей новой любовной неудачѣ какъ къ одному изъ обычныхъ явленій непреложной „дѣйствительности", и въ сердцѣ его воцарилась свѣтлая, томная грусть. Отголосокъ этой „резиньяціи" слышится въ одной рецензіи, написанной имъ недолго спустя: „Любовь есть гармонія двухъ душъ, и любящій, теряясь въ любимомъ предметѣ, находитъ себя въ немъ, и если, обманутый внѣшностью, почитаетъ себя нелюбимымъ, то отходитъ

прочь съ тихою грустью, съ какимъ-то болѣзненнымъ блаженствомъ въ душѣ, но не съ отчаяніемъ... Въ страсти выражается воля человѣка, стремящаяся, вопреки опредѣленіямъ вѣчнаго разума и божественной необходимости, осуществить претензіи своего самолюбія, мечты своей фантазіи или порывы кипящей своей крови"... Дикаго въ обществѣ, некрасиваго, отъ природы слабаго и неловкаго, Бѣлинскаго вообще преслѣдовали неудачи въ любви, и его любовные порывы гасли безъ отвѣта. Едва ли и та, которая стала впослѣдствіи его женою, любила его такъ, какъ мечталъ онъ подъ вліяніемъ „порывовъ кипящей крови". Говоря объ отношеніяхъ его къ женщинамъ, Тургеневъ разсказываетъ: „Самъ онъ почти никогда не касался этого деликатнаго вопроса... По понятію Бѣлинскаго, его наружность была такого рода, что никакъ не могла нравиться женщинамъ; онъ былъ въ этомъ убѣжденъ до мозга костей, и, конечно, это убѣжденіе усиливало его робость и дикость въ сношеніяхъ съ ними. Я имѣю причину предполагать, что Бѣлинскій, съ своимъ горячимъ и впечатлительнымъ сердцемъ, съ своею привязчивостью и страстностью, Бѣлинскій, все-таки одинъ изъ первыхъ людей своего времени, не былъ никогда любимымъ женщиной... Въ молодости онъ былъ влюбленъ въ одну барышню, дочь тверского помѣщика Б—на; это было существо поэтическое, но она любила другого, и притомъ она скоро умерла. Произошла также въ жизни Бѣлинскаго довольно странная и грустная исторія съ дѣвушкой изъ простого званія; помню его отрывистый, сумрачный разсказъ о ней; онъ

произвелъ на меня глубокое впечатлѣніе; но и тутъ дѣло кончилось ничѣмъ. Сердце его безмолвно и тихо истлѣло".

Спустя два года послѣ увлеченія Бакуниной Бѣлинскій написалъ свою вторую драму, бывшую вмѣстѣ съ тѣмъ его послѣднимъ опытомъ въ этой области творчества. Она была напечатана въ „Московскомъ Наблюдателѣ" 1839 г. и еще ранѣе появленія въ печати, 27 января 1839 г., поставлена въ Москвѣ, въ бенефисъ Щепкина. Эта драма „Пятидесятилѣтній дядюшка или странная болѣзнь", была играна всего два раза, имѣла нѣкоторый успѣхъ, но въ репертуарѣ не удержалась. Съ внѣшней стороны драма не имѣетъ ничего общаго съ личной драмой Бѣлинскаго. Фабула пьесы такова: пожилой дядюшка, влюбленный въ свою племянницу, которая не отвѣчаетъ ему взаимностью, всячески препятствуетъ ея браку съ своимъ счастливымъ и молодымъ соперникомъ, но потомъ приходитъ къ заключенію, что насильно милъ не будешь, и самъ, вопреки собственному чувству, устраиваетъ свадьбу молодыхъ людей. Изъ своей печальной любовной исторіи Бѣлинскій внесъ въ драму горечь неразрывной любви и желаніе полнаго счастья любимой женщинѣ. „Я скрою,—говоритъ главный герой пьесы,—глубоко скрою въ себѣ мои безпокойства, мои мученія... Знаешь ли ты, какъ я тебя люблю? Я такъ тебя люблю, что часто не могу разобрать, люблю или ненавижу я тебя... Будь счастлива... А мнѣ слезу, когда умру, и улыбку, когда увидимся". „Многія положенія,—говоритъ рецензентъ „Московскаго Наблюдателя",—очень интересны и изложены съ одушевленіемъ и увлекательно, но, тѣмъ

не менѣе, пьеса ни съ которой стороны не относится къ сферѣ искусства, какъ творчества. Она просто довольно удачно сдѣланная пьеса,—не больше. Благосклонность, съ какою она принята публикою, происходитъ отъ того именно, что авторъ коснулся сферы жизни всѣмъ понятной и доступной“. Критикъ „Галатеи“ писалъ: „Въ наше время, когда большая часть драматическихъ произведеній основывается на разсчитанныхъ эффектахъ, на характерахъ странныхъ и часто неправдоподобныхъ, на дѣйствіяхъ кровавыхъ, которыя невольно возмущаютъ душу, или, наконецъ, на какихъ-нибудь особенныхъ, частныхъ интересахъ,—выйти изъ общей колеи, взять анализъ страсти, со всѣми ея изгибами и оттѣнками, какъ хотите, — это шагъ замѣчательный, подвигъ, достойный уваженія, тѣмъ болѣе, что его предпринимаетъ литераторъ молодой, избираетъ его для перваго своего опыта. Но не въ одномъ этомъ заключается достоинство драмы г. Бѣлинскаго: въ ней есть много характеровъ, прекрасно очерченныхъ. Вы видите здѣсь прекрасное, милое, простодушное лицо Катеньки, дѣвушки живой, рѣзвой, веселой, которая никого не любитъ, никого не ненавидитъ, которая иногда и задумывается, но эта задумчивость проходитъ по душѣ ея, какъ легкое облачко по ясному, голубому небу; это лицо нарисовано такъ живо, снято съ натуры такъ вѣрно, что вы непремѣнно узнаете въ немъ что-то знакомое: такіе характеры встрѣчаются очень нерѣдко. Аксессуарныя лица нисколько не натянуты, а какъ будто сняты съ натуры. Вотъ хорошая сторона драмы г. Бѣлинскаго. Съ другой стороны, недостат-

ковъ въ ней много, очень много, и такихъ, которые бросаются въ глаза съ перваго раза всякому сколько-нибудь знающему театръ и сцену. Драма чрезвычайно растянута, исполнена сценъ однообразныхъ: авторъ, видимо, хотѣлъ исчерпать до глубины предметъ свой и потому впалъ въ многорѣчивость. Драма написана въ 2—3 недѣли, — это не бѣда, можетъ-быть, даже къ лучшему, но бѣда въ томъ, что авторъ писалъ ее незадолго до бенефиса, слѣдовательно, не могъ отдалить ее отъ себя на такое разстояніе, чтобы охолодѣть къ своему произведенію, всмотрѣться въ него какъ въ сочиненіе чужое, а потому не могъ съ самоотверженіемъ обрѣзывать и укорачивать его". Замѣчательно по своей мѣткости мнѣніе критика, что „авторъ не всегда могъ возвыситься до полнаго уничтоженія своей субъективности. Скучныя разговоры дѣйствующихъ лицъ, какъ будто читаешь критическую статью г. Бѣлинскаго... Ярко бросается въ глаза незнаніе сцены... Нѣкоторыя лица или неопредѣленны, или безцвѣтны".

Матеріальныя обстоятельства Бѣлинскаго и до закрытія „Телескопа", гдѣ онъ имѣлъ постоянную работу, были плохи. Живя у Бакуниныхъ и утопая въ какомъ-то экстатическомъ „блаженствѣ", онъ терзался мыслью о своей гнетущей бѣдности. Онъ писалъ: „Грозный призракъ внѣшней жизни отравлялъ мои лучшія минуты. Я не хотѣлъ думать о будущемъ; отъѣздъ мой представлялся мнѣ въ какомъ-то туманѣ, какъ будто бы въ Прямухинѣ я долженъ былъ провести всю жизнь мою. Всѣ житейскія попеченія, всѣ тревоги внѣшней жизни я старался давить въ душѣ, и хотя,

повидимому, успѣвалъ въ этомъ, но мое спокойствіе было обманчиво; въ душѣ моей была страшная борьба; мысль о томъ, что ожидаетъ меня по возвращеніи въ Москву, гдѣ всѣ мои способы были уже истощены, и гдѣ кормъ спасенія оставался одинъ „Телескопъ", и тотъ ненадежный". Ему часто приходилось прибѣгать къ помощи друзей. Когда „Телескопъ" прекратилъ свое существованіе, Бѣлинскій опять сталъ попрежнему горько бѣдствовать. Онъ искалъ работы въ петербургскихъ изданіяхъ и едва не сталъ сотрудникомъ „Энциклопедическаго словаря" Плюшара и „Литературныхъ прибавленій къ Русскому Инвалиду", переходившихъ съ 1837 г. къ новому издателю А. А. Краевскому. Будь живъ Пушкинъ, надо думать, Бѣлинскій, вѣроятно, перешелъ бы въ его „Современникъ". Пушкинъ зналъ его какъ автора „Литературныхъ Мечтаній" и цѣлаго ряда критическихъ статей, въ которыхъ Бѣлинскій относился къ великому поэту съ любовью и благоговѣніемъ, хотя не всюду отзывался о немъ положительно (и, замѣтимъ, не всегда справедливо). Великій поэтъ серьезно интересовался Бѣлинскимъ. „Пушкинъ,—разсказываетъ И. И. Панаевъ,—кажется, втайнѣ сознавалъ, что этотъ недоучившійся студентъ долженъ будетъ занять нѣкогда почетное мѣсто въ исторіи русской литературы". Въ 1842 г. Бѣлинскій писалъ Гоголю: „Я не заношусь слишкомъ высоко, но, признаюсь, и не думаю о себѣ слишкомъ мало; я слышалъ похвалы себѣ отъ умныхъ людей и, что еще лестнѣе, имѣлъ счастье пріобрѣсти себѣ ожесточенныхъ враговъ; и все-таки больше всего этого меня радуетъ

доселѣ и всегда будетъ радовать, какъ лучшее мое достояніе, нѣсколько привѣтливыхъ словъ, сказанныхъ обо мнѣ Пушкинымъ и, къ счастію, дошедшихъ до меня изъ вѣрныхъ источниковъ, и я чувствую, что это не мелкое самолюбіе съ моей стороны, а то, что я понимаю, что такое человѣкъ какъ Пушкинъ, и что такое одобреніе со стороны такого человѣка какъ Пушкинъ". Поэтъ посылалъ ему свой „Современникъ" то черезъ М. С. Щепкина, то черезъ П. Я. Чаадаева, то черезъ П. В. Нащокина, которому велѣлъ передать Бѣлинскому, что очень жалѣетъ, что не успѣлъ съ нимъ увидѣться. Въ концѣ 1836 г. П. В. Нащокинъ, московскій пріятель поэта, писалъ ему, должно-быть, въ отвѣтъ на его недошедшее до насъ письмо: „Бѣлинскій получалъ отъ Надеждина, чей журналъ уже запрещенъ, 3 тысячи; „Наблюдатель" предлагалъ ему 5. Гречъ тоже его звалъ. Теперь, коли хочешь, онъ къ твоимъ услугамъ; я его не видалъ, но его друзья говорятъ, что онъ будетъ очень счастливъ, если придется ему на тебя работать. Ты мнѣ отпиши, и я его къ тебѣ пришлю". Но Пушкинъ вскорѣ умеръ, и никогда они съ Бѣлинскимъ не встрѣтились.

Получивъ отъ Краевскаго предложеніе участвовать въ „Литерат. Прибавленіяхъ", Бѣлинскій отвѣчалъ ему: „Со всею охотою готовъ вамъ помогать въ изданіи и принять на свою отвѣтственность разборы всѣхъ литературныхъ произведеній; только почитаю долгомъ объясниться съ вами насчетъ одного пункта, очень для меня важнаго, чтобъ послѣ между мною и вами не могло быть никакихъ недоразумѣній, а слѣдовательно и неудовольствій. Я отъ души

готовъ принять участіе во всякомъ благородномъ предпріятіи и содѣйствовать, сколько позволяютъ мнѣ мои слабыя силы, успѣхамъ отечественной литературы, но я желаю сохранить вполнѣ свободу моихъ мнѣній и ни за что въ свѣтѣ не рѣшусь стѣснять себя какими бы то ни было личными или житейскими отношеніями. Поэтому я готовъ, по вашему совѣту, дѣлать всевозможныя измѣненія въ моихъ статьяхъ, когда дѣло будетъ касаться до безопасности вашего изданія со стороны цензуры; но что касается до авторитетовъ и разныхъ личныхъ отношеніи къ литераторамъ, участвующимъ дѣломъ или желаніемъ въ вашемъ журналѣ, то я думаю, и увѣренъ, что я въ этомъ отношеніи останусь совершенно свободенъ“. О работѣ въ „Словарѣ“ Плюшара Бѣлинскій писалъ, что „взялъ бы на себя статьи о дѣйствовавшихъ и дѣйствующихъ лицахъ русской литературы; также и о другихъ литературныхъ предметахъ могъ бы взяться писать“. Но надежды Бѣлинскаго получить работу не осуществились, и нѣсколько статей, написанныхъ имъ для „Литерат. Прибавленій“, не были напечатаны.

Положеніе Бѣлинскаго было очень печально; трогательны въ своей простотѣ его слова въ письмахъ къ Краевскому: „и мои внѣшнія обстоятельства громко требуютъ какой-нибудь опоры, не говорю уже о необходимости высказываться и дѣлать... Богъ наказалъ меня самою задорною охотою высказывать свои мнѣнія о литературныхъ вопросахъ и явленіяхъ, да и внѣшнія мои обстоятельства очень плохи во всѣхъ отношеніяхъ... Но, по моему мнѣнію, не только лучше молчать и нуждаться, но даже

и сгинуть со свѣту, нежели говорить не то, что думаешь, и спекулировать на свои убѣжденія“. Авторъ цитируемой рецензіи „Галатеи“ на „Пятидесятилѣтняго дядюшку“—Л. Л. (В. С. Межевичъ), знававшій Бѣлинскаго, писалъ, что послѣ закрытія „Телескопа“ Бѣлинскій „имѣлъ нѣсколько литературныхъ зазывовъ и предложеній, но онъ отказался отъ нихъ рѣшительно, потому что желалъ остаться при своихъ собственныхъ мнѣніяхъ и не хотѣлъ изъ вещественныхъ выгодъ мѣнять свой образъ мыслей въ угоду тому или другому... Нѣтъ, г. Бѣлинскій остался честнымъ и добросовѣстнымъ литераторомъ, хотя не пріобрѣлъ не только никакихъ выгодъ, а едва ли имѣетъ необходимое въ жизни. Дай Богъ ему терпѣнія!“

И Бѣлинскій терпѣлъ: онъ взялся за довольно сухую, сравнительно съ занимавшими его обычно предметами работу,—грамматику, которую думалъ составить еще въ 1834 г. Хотя онъ былъ плохой педагогъ-практикъ и не обладалъ для этого достаточно выдержаннымъ, дисциплинированнымъ характеромъ, но научные вопросы интересовали его, и онъ всегда считался знатокомъ грамматики. Еще гимназистомъ онъ преподавалъ этотъ предметъ своимъ младшимъ товарищамъ, среди которыхъ оказался будущій создатель русской грамматики Ѳ. И. Буслаевъ; студентомъ и по удаленіи изъ университета онъ давалъ уроки, хлопоталъ объ учительскомъ мѣстѣ. Интересъ его къ грамматикѣ виденъ въ двухъ его рецензіяхъ 1834 г. на книги, трактовавшія объ этомъ предметѣ. Въ 1836 г. Станкевичъ справлялся у него о ходѣ его работы. Не имѣя никакихъ занятій, Бѣлинскій понадѣялся на грамматику,

какъ на способъ выбиться изъ нужды, и взялся за трудъ съ усиленной энергіей. 8 апрѣля 1837 г. книга была уже дозволена цензурой, но еще раньше Бѣлинскій представилъ ее попечителю московскаго учебнаго округа, предполагая, что она можетъ быть принята какъ учебникъ и напечатана на казенный счетъ. Но, какъ всегда, его и на этотъ разъ постигла неудача: книга не была принята. Тогда онъ напечаталъ ее на свой счетъ, и къ лѣту 1837 г. она вышла въ свѣтъ. „Основанія русской грамматики для первоначальнаго обученія, составленныя Виссаріономъ Бѣлинскимъ“, не остались незамѣченными въ печати.

О. И. Сенковскій, не имѣвшій никакихъ причинъ относиться дружелюбно къ Бѣлинскому, писалъ, что въ его трудѣ „есть много дѣльнаго“. К. С. Аксаковъ, написавшій о книгѣ Бѣлинскаго большую полемическую статью, называетъ ее „книгой примѣчательной въ нашей ученой литературѣ“. Критикъ „Литерат. Прибавленій“ къ „Русскому Инвалиду“ нашелъ, что грамматика Бѣлинскаго „есть пріятное явленіе въ нашей литературѣ, бѣдной хорошими книгами для первоначальнаго обученія, и съ большою пользою можетъ быть употреблена преподавателями русскаго языка... Раціональная, основанная на твердыхъ началахъ „Грамматика“ г-на Бѣлинскаго составляетъ довольно значительное пріобрѣтеніе науки о русскомъ словѣ“.

По научнымъ своимъ достоинствамъ книга Бѣлинскаго вовсе не ниже обычнаго уровня тогдашней русской филологической науки. „Она,—говоритъ А. Н. Пыпинъ,—не выходитъ изъ круга тогдашнихъ понятій о предметѣ, но

для своего времени не лишена была значенія, какъ попытка осмыслить грамматическія правила указаніемъ ихъ логическихъ основаній; для тогдашняго изложенія предмета было довольно ново ставить въ основу не только синтаксиса, но и этимологіи—логическое предложеніе, изъ котораго Бѣлинскій опредѣляетъ дѣленіе частей рѣчи и измѣненія словъ". Отзывъ офиціальнаго рецензента, признавшаго книгу непригодной для учебныхъ заведеній, все-таки надо счесть правильнымъ: для учебника трудъ Бѣлинскаго слишкомъ абстрактенъ и серьезенъ. Книга была напечатана въ порядочномъ числѣ экземпляровъ (2.430) и обошлась Бѣлинскому почти въ 1.000 руб. ассигн., но расходилась очень слабо. Н. А. Полевой говорилъ Кольцову, что книга Бѣлинскаго „для дѣтей, а вовсе не дѣтская: эта грамматика болѣе философская; дѣти ея не поймутъ, а взрослые немногіе читаютъ; притомъ въ ней многоотвлеченностей; онъ—человѣкъ странный, чудакъ большой; пишетъ то, чего у насъ еще не понимаютъ".

Грамматика легла на Бѣлинскаго новымъ долгомъ, здоровье его было очень плохо, и ему пришлось лѣчиться. Была признана необходимой поѣздка на Кавказскія минеральныя воды, и ему пришлось дѣлать новые долги, потому что ѣхать нужно было во что бы то ни стало: начинавшаяся болѣзнь очень испугала Бѣлинскаго, здоровье котораго было надорвано лишеніями еще въ студенческіе годы. На Кавказѣ онъ провелъ три мѣсяца—съ іюня до сентября 1837 года. Путешествіе на Кавказъ развлекло его и поправило здоровье. Пріѣхавъ въ Пятигорскъ, онъ писалъ К. С. Аксакову:

„Отъ одной дороги, діэты, перемѣны мѣста, ранняго вставанія поутру чувствую себя несравненно лучше". Кавказская природа произвела на него сильное впечатлѣніе: она,—писалъ онъ,—„такъ прекрасна, что неудивительно, что Пушкинъ такъ любилъ ее и такъ часто вдохновлялся ею"... „Смотрю на ясное небо,—писалъ онъ Бакунину,—на фантастическія облака, на дикую и величественную природу Кавказа и радуюсь, самъ не знаю чему. Даже у себя въ комнатѣ, чуть только лучъ солнца заиграетъ на стеклѣ окна, улыбаюсь и радостно потираю руками"... Но и здѣсь Бѣлинскій не забывалъ литературныхъ интересовъ, и его письма пестрѣютъ вопросами и сужденіями, относящимися къ любимому дѣлу. Мысль его работала, и литературные планы роились въ его головѣ, хотя имъ не суждено было осуществиться, что онъ, впрочемъ, и самъ предвидѣлъ...

„Кажется, что я ничего путнаго не сдѣлаю на Кавказѣ,—писалъ онъ К. Аксакову.—Но это не бѣда: я собираюсь съ силами, думаю безпрестанно, развиваю мои мысли, составляю планы статей и прочаго. Только бы выздоровѣть, только бы избавиться отъ этого лимфознаго наводненія, которое связываетъ душу, притупляетъ способности, убиваетъ дѣятельность и уничтожаетъ воспріимчивость. Я жилъ доселѣ отрицательно; вспышки, негодованія были единственными источниками моей дѣятельности".

Объ одномъ изъ этихъ плановъ Бѣлинскій сообщалъ Бакунину: „Я составилъ планъ хорошаго сочиненія, гдѣ въ формѣ писемъ или переписки друзей хочу изложить всѣ истины, какъ постигъ я ихъ, о цѣли человѣческаго

бытія или счастія. Я дамъ этимъ истинамъ практическій характеръ, доступный всякому, у кого есть въ груди простое и живое чувство бытія... Здѣсь я разовью, какъ можно подробнѣе и картиннѣе, идею творчества, которая у насъ мало понята; словомъ, здѣсь я надѣюсь выразить всю основу нашей внутренней жизни".

Въ концѣ 1837 г. Бѣлинскій писалъ: „Теперь я началъ „Переписку двухъ друзей", большое сочиненіе, гдѣ въ формѣ переписки и въ формѣ какого-то полуромана будутъ высказаны всѣ тѣ идеи о жизни, которыя дастъ жизнь... Это будетъ собственно переписка прекрасной души съ духомъ; первое лицо, какъ разумѣется, будетъ моимъ субъективнымъ произведеніемъ, а второе—чисто-объективнымъ. Въ лицѣ перваго я поражу прекраснодушіе... Впрочемъ, въ представителѣ прекраснодушія я выведу лицо не пошлое, но полное жизни истинной, кипучей... Я изображу въ немъ одного изъ тѣхъ людей, которые понимаютъ истину, но хотятъ, чтобы она имъ досталась безъ труда, безъ пожертвованій, безъ борьбы и страданія... Въ этой прекрасной душѣ я изображу себя... И въ этомъ портретѣ я наплюю на самого себя и оплачу—самого себя. Я изображу себя въ двухъ эпохахъ жизни: въ той, въ которую я жилъ въ одномъ чувствѣ и пряталъ свое чувство отъ разума, какъ цвѣтокъ отъ мороза; и въ той, въ которую я созналъ тождество чувства съ разумомъ, любви съ сознаніемъ, но пріобрѣлъ черезъ это не полное блаженство жизни, а только объективное сознаніе его"... Философскій романъ этотъ, въ которомъ уже слышится не только сильное вліяніе Гегеля, но даже гегелевская терминологія, остановился въ

самомъ началѣ; врядъ ли эта вещь, будь она законченa, вплела бы новый лавръ въ писательскій вѣнецъ Бѣлинскаго, который впослѣдствіи отрекся отъ гегелизма и къ тому же не былъ беллетристомъ-художникомъ. На Кавказѣ его продолжала тревожить мысль о матеріальной нуждѣ. „Я бы выздоровѣлъ и душевно, и тѣлесно,—писалъ онъ,—если бы будущее не стояло передо мною въ грозномъ видѣ, если бы пріѣздъ мой въ Москву былъ обезпеченъ. Вотъ что меня убиваетъ и изсушаетъ во мнѣ источникъ жизни... Мучимый каждую минуту мыслью о долгахъ, о нищенствѣ, о попрошайствѣ, о моихъ лѣтахъ, въ которыя уже пора пріобрѣсти какую-нибудь нравственную самостоятельность, о погибшей безплодно юности, о бѣдности моихъ познаній, — могъ ли я отдаваться чистой идеѣ? Прикованный желѣзными цѣпями къ внѣшней жизни, могъ ли я возвыситься до абсолютной? Я увидѣлъ себя безчестнымъ, подлымъ, лѣнивымъ, ни къ чему неспособнымъ, какимъ-то жалкимъ недоноскомъ, и только въ моей внѣшней жизни видѣлъ причину всего этого“. А во „внѣшней“ жизни все обстояло крайне неблагополучно. Съ Кавказа онъ писалъ Аксакову: „Я получилъ извѣстіе, что дѣла мои насчетъ сбыта грамматики идутъ гадко. Впрочемъ, я привыкъ къ такому счастію... Но нищета, но необходимость жить на чужой счетъ—слуга покорный: или конецъ такой жизни, или чортъ возьми все, пожалуй, и меня самого съ руками и ногами!.. Если грамматика рѣшительно не пойдетъ, то обращаюсь къ чорту, какъ Громобой, и продаю мою душу съ аукціона Сенковскому, Гречу или Плюшару,—это все равно, кто больше дастъ.

Буду писать по совѣсти, но предоставлю покупщику души моей марать и править мою статью какъ угодно. Можетъ быть, найду работу и почестнѣе, но во всякомъ случаѣ ѣду въ Петербургъ, потому что въ Москвѣ, кромѣ голодной смерти и безчестія, ожидать нечего". Но уже въ слѣдующемъ письмѣ онъ каялся въ этихъ словахъ и говорилъ, что „все это было плодомъ минуты отчаянія и ожесточенія... Не почитаю этого переѣзда неизбѣжнымъ, не хочу продавать себя съ аукціона... Бѣда, да и только! Нѣтъ никакого выхода. Или продай свое убѣжденіе, сдѣлай изъ себя пишущую машину,—или умирай съ голоду... Это становится невыносимо. Я боюсь или сойти съ ума, или сдѣлаться пошлымъ человѣкомъ, пріобщиться къ этой толпѣ, которую такъ презираю и ненавижу... 1-го или 2-го сентября мы выѣзжаемъ въ Москву, къ которой рвется душа, и при одной мысли о которой замираетъ у меня сердце и кружится голова: такъ страшно мнѣ въѣхать въ нее. Этотъ въѣздъ представляется мнѣ какою-то ужасною катастрофою въ моей жизни. Одна надежда еще осталась, и та слабая: не тронется ли моя грамматика къ моему пріѣзду; безъ этого я погибъ"...

IV.

Въ такомъ тяжеломъ настроеніи духа возвратился Бѣлинскій въ Москву, но его оживили новыя надежды. Онъ разсчитывалъ попасть въ журналъ, который долженъ былъ издавать Н. А. Полевой, сблизившійся около того времени съ Бѣлинскимъ. „Это дастъ мнѣ, говорилъ Бѣлинскій,—мою настоящую жизнь,

при одной мысли о которой я уже оживаю и чувствую въ себѣ новую силу... О, если бы это сбылось... Тогда бы уже меня не стала мучить мысль о необходимости переѣхать въ Петербургъ". Но это не сбылось: Полевой оставилъ Москву, переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ принялъ „новый курсъ", сошелся съ Сенковскимъ, Гречемъ и Булгаринымъ; онъ понималъ, что Бѣлинскій по этому курсу не пойдетъ, и самъ далъ это понять Бѣлинскому. Впрочемъ, Бѣлинскій помѣстилъ въ „Сѣверной Пчелѣ" 1838 г., № 4, статью: „Мочаловъ въ роли Гамлета"; Бѣлинскій хотѣлъ продолжать статью, но этому помѣшали обстоятельства, о которыхъ Полевой писалъ своему брату: „Затягивать человѣка сюда (т.-е. въ Петербургъ), когда онъ притомъ такой неукладчивый (и довольно дорого себя цѣнитъ), было бы неосторожно всячески, и даже по политическимъ отношеніямъ". Сотрудничество Бѣлинскаго, конечно, не могло быть пріятно такимъ личностямъ, какъ новые друзья скользившаго по наклонной плоскости Полевого. Продолженіе статьи о Мочаловѣ въ роли Гамлета появилось уже въ „Московскомъ Наблюдателѣ".

Весной 1838 г. положеніе Бѣлинскаго нѣсколько улучшилось. Въ немъ уже цѣнили крупную литературную силу. Собираясь издавать „Москвитянинъ", М. П. Погодинъ и С. П. Шевыревъ въ концѣ 1837 г. думали о сотрудничествѣ Бѣлинскаго, который писалъ объ этомъ одному изъ своихъ друзей: „Мнѣ предлагали сотрудничество, но... не надо мнѣ ихъ денегъ, хоть осыпь они меня золотомъ съ головы до ногъ". Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ сталъ фактическимъ редакторомъ журнала,

въ которомъ прежде подвизались его противники, — „Московскаго Наблюдателя“, пріобрѣтеннаго типографомъ Степановымъ; Бѣлинскій погрузился по горло въ тяжелую, но любимую работу. Подъ вліяніемъ начинавшагося „примиренія“ съ дѣйствительностью „неистовый Виссаріонъ“, какъ звали Бѣлинскаго друзья, на нѣкоторое время усвоилъ себѣ такъ неидущій къ нему спокойно-академическій тонъ, сквозь который, хоть рѣдко, но все же прорывались иногда вспышки его бурнаго духа. Еще готовясь къ новой журнальной работѣ, не зная, гдѣ она устроится, Бѣлинскій писалъ: „Я разувѣрился въ достоинствѣ отрицательной любви къ добру и чувствую въ себѣ больше снисходительности къ подлостямъ и глупостямъ литературной братіи, но зато и больше ревности противоположнымъ образомъ дѣйствованія доказывать истину... Политика рѣшительно изгоняется изъ нашего журнала. Изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы и правда изгонялась изъ него, но дѣло въ манерѣ и тонѣ... Я имѣлъ несчастіе обратить на себя вниманіе правительства не тѣмъ, чтобы въ моихъ статьяхъ было что-нибудь противное его видамъ, но единственно рѣзкимъ тономъ, и это очень глупо; впередъ буду умнѣе“... Въ журналѣ приняли участіе московскіе друзья Бѣлинскаго; посторонніе сотрудники были случайными и не входили въ составъ редакціи. Самъ Бѣлинскій работалъ больше всѣхъ. Въ каждую книжку онъ давалъ литературную хронику; помѣстилъ большія статьи — „Мочаловъ въ роли Гамлета“, о сдѣланномъ Полевымъ переводѣ „Гамлета“, свою драму „Пятидесятилѣтній дядюшка“. Цѣль журнала была

въ распространеніи философскихъ и эстетическихъ воззрѣній, которыми напитанъ былъ кружокъ; тонъ изложенія былъ самый спокойный. Кружокъ, а за нимъ и Бѣлинскій вѣрилъ, что нравственное воззрѣніе на искусство нелѣпо, что философія и искусство не только не должны вооружать человѣка протестомъ противъ окружающихъ условій, но, наоборотъ, заставляютъ признать непреложность и мудрость всего существующаго, что истинная поэзія строго-объективна. Симпатіями журнала пользовалась только нѣмецкая поэзія, въ лицѣ Гете удовлетворяющая этому условію (такъ кружокъ понималъ Гете), и Бѣлинскій долго враждовалъ съ „французами", постоянно указывая на „французскую" бѣдность мысли и фразерство. Отъ полнаго, рабскаго подчиненія формулѣ, которой поклонялся кружокъ, Бѣлинскаго спасало его инстинктивно-вѣрное эстетическое чувство, которое онъ носилъ въ своей художнической душѣ.

Въ этотъ періодъ, какъ, впрочемъ, и въ послѣдующій, Бѣлинскій не создалъ никакой эстетической теоріи, да едва ли и считалъ возможной выработку такой теоріи. Такой отказъ дать эстетическое мѣрило слышится въ словахъ одной изъ его тогдашнихъ рецензій на стихи В. Г. Бенедиктова: „Возьмите любое изъ мелкихъ стихотвореній Пушкина, — какая удивительная простота и содержанія, и формы, и вмѣстѣ съ тѣмъ какая глубокая жизнь!.. Иногда случается встрѣтить въ толпѣ незнакомое лицо: въ немъ нѣтъ ничего особеннаго, а между тѣмъ оно врѣзывается въ память, и долго-долго силишься вспомнить, гдѣ встрѣ-

чалъ его... Вотъ какое впечатлѣніе производятъ мелкія стихотворенія Пушкина, когда ихъ прочтешь въ первый разъ, безъ особеннаго вниманія. Забудешь иногда и громкое имя поэта, и всѣмъ извѣстное названіе стихотворенія, а стихотвореніе помнишь, и когда помнишь смутно, то оно безпокоитъ душу, мучитъ ее. Отчего это? — Оттого, что во всякомъ такомъ стихотвореніи есть нѣчто, которое составляетъ тайну его эстетической жизни". Зато подчиненіе его мнѣніямъ кружка въ другихъ вопросахъ было полное. Вотъ какъ, напримѣръ, опредѣляетъ онъ „основную идею" всей французской литературы: „надутость и приторность въ идеальности и искренность въ невѣріи, какъ выраженіе конечнаго разсудка, который составляетъ сущность французовъ, и которымъ они торжественно превозносятся, величая его здравымъ смысломъ"; по мнѣнію Бѣлинскаго, французы „лишены мірового созерцанія". Журналъ шелъ плохо и не оправдывалъ надеждъ издателя. Бѣлинскій чувствовалъ, что его положеніе въ „Московскомъ Наблюдателѣ" становится шаткимъ, и собирался оставить его. Онъ писалъ И. И. Панаеву: „Я не могу издавать „Наблюдателя" и нахожу себя принужденнымъ нынѣ отказаться отъ него. Но между тѣмъ мнѣ надо чѣмъ-нибудь жить, чтобы не умереть съ голоду, — въ Москвѣ нечѣмъ мнѣ жить: въ ней, кромѣ любви, дружбы, добросовѣстности, нищеты и подобныхъ тому непитательныхъ блюдъ, ничего не готовится... Мнѣ надо ѣхать въ Питеръ, и чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше"... Очевидно, въ кружкѣ начались ссоры и разногласія. Степановъ платилъ Бѣлинскому жалкія 80 руб-

лей ассигнаціями; да и эту неимовѣрно-низкую плату давалъ неохотно, такъ какъ журналъ расходился слабо. „Я продаю себя, — писалъ Бѣлинскій Панаеву, — всѣмъ и каждому... кто больше дастъ, не стѣсняя притомъ моего образа мыслей, выраженія,—словомъ, моей литературной совѣсти, которая для меня такъ дорога, что во всемъ Петербургѣ нѣтъ и приблизительной суммы для ея купли. Если дѣло дойдетъ до того, что мнѣ скажутъ: независимость и самобытность убѣжденій или голодная смерть,—у меня достанетъ силы скорѣе издохнуть какъ собакѣ, нежели живому отдаться на позорное съѣденіе псамъ... Я готовъ взять на себя даже и черновую работу, корректуру и тому подобное, если только за все это будетъ платится соразмѣрно трудамъ. Денегъ! денегъ! А работать я могу, если только мнѣ дадутъ *мою* работу"... Панаевъ хлопоталъ, чтобы доставить ему работу, и предлагалъ участвовать въ „Отечественныхъ Запискахъ" и „Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду". Но Бѣлинскій снова взялся за изданіе „Московскаго Наблюдателя", котораго въ 1839 г. вышло еще нѣсколько книжекъ, и затѣмъ оставилъ его окончательно.

Нужда еще сильнѣе обострилась; приходилось приниматься за уроки; къ этому труду онъ былъ малопригоденъ, но на этотъ разъ немного помогло „примиреніе съ дѣйствительностью". Еще раньше оставленія журнала Бѣлинскій получилъ, съ помощью С. Т. Аксакова, мѣсто учителя въ Константиновскомъ Межевомъ институтѣ. Подъ вліяніемъ его общаго міроотношенія въ данный періодъ служба здѣсь казалась ему „великой и благодатной

своими слѣдствіями для общества. Пока есть сила, я самъ рѣшаюсь на все, чтобы принести на алтарь общественнаго блага и свою ленту. Къ намъ пріѣхалъ попечитель, назначилъ у себя въ комнатахъ экзамены выпускнымъ ученикамъ; я ожидалъ своего экзамена безъ робости, безъ безпокойства, сдѣлалъ его со всѣмъ присутствіемъ духа, смѣло, хорошо; попечитель меня обласкалъ, я говорилъ съ нимъ и — не узнавалъ самого себя... Да, дѣйствительность вводитъ въ дѣйствительность. Смотря на каждаго не по ранѣе заготовленной теоріи, а по даннымъ, имъ же самимъ представленнымъ, я начинаю умѣть становиться къ нему въ настоящія отношенія, и потому мною всѣ довольны, и я всѣми доволенъ... Надо во внѣшности своей походить на всѣхъ... Простота, и если сила и достоинство, то все-таки въ простотѣ, — вотъ главное". Бѣлинскій и не замѣтилъ, что, считая себя свободнымъ отъ ига теоріи, онъ именно подъ такимъ игомъ и находился, и его тогдашнее отношеніе къ жизни какъ разъ и было не простымъ, а навязаннымъ теоріей. Не скоро еще созналъ онъ это и сбросилъ съ себя бремя теоріи.

Подъ это бремя Бѣлинскій подпалъ, переживши первоначальный періодъ своей внутренней жизни—періодъ „абстрактнаго героизма". Въ жизни Бѣлинскаго философскія изученія имѣли безпримѣрное значеніе. Онъ былъ изъ числа тѣхъ людей, для которыхъ „внутренняя жизнь", какъ онъ ее называлъ, безконечно важнѣе „внѣшней". Послѣдовательность его была безпощадна, и его не пугали никакія крайности. Бѣлинскій никогда не могъ ограничиться простымъ пониманіемъ вещей и

отношеній; на этомъ пониманіи онъ немедленно ставилъ весь свой душевный строй и изъ своего философскаго міровоззрѣнія выводилъ и эстетическое воззрѣніе и нравственную догму. Выше было говорено о постепенномъ приближеніи его къ „примиренію съ дѣйствительностью". Могучимъ толчкомъ въ этомъ направленіи послужило сближеніе съ Бакунинымъ, который тогда изучалъ Фихте и, по выраженію Бѣлинскаго, „втащилъ въ фихтіянскую отвлеченность" своего друга. Бѣлинскій увѣровалъ, что наше „я" противоположно внѣшнему міру, что разумъ самодѣятеленъ, что міръ, какъ говорилъ Фихте, „можетъ быть понятъ только изъ духа, а духъ только изъ воли", — и „уцѣпился за фихтіянскій взглядъ съ энергіей, съ фанатизмомъ". Бѣлинскій проникся убѣжденіемъ, что „идеальная жизнь есть именно жизнь дѣйствительная, положительная, конкретная, а такъ называемая дѣйствительная жизнь есть отрицаніе, призракъ, ничтожество, пустота"; что „мышленіе есть нѣчто цѣлое, нѣчто одно, что въ немъ нѣтъ ничего особеннаго и случайнаго, но все выходитъ изъ одного общаго лона, которое есть Богъ, самъ себѣ открывающійся въ твореніи"; и жадный искатель истины „отбросилъ многое, что не вязалось съ цѣлымъ и потому было ложнымъ, было остаткомъ прежнихъ убѣжденій". Не легко давалась ему эта переработка идей: „я бралъ мысли готовыя, какъ подарокъ, — писалъ онъ, — но этимъ не все оканчивалось... Жизнію моею, цѣною слезъ, воплеій души усвоилъ я себѣ эти мысли, и онѣ вошли глубоко въ мое существо"... Это философское настроеніе онъ выразилъ въ на-

писанной въ Прямухинѣ рецензіи на „Опытъ системы нравственной философіи" А. Дроздова. „Человѣкъ, — говоритъ Бѣлинскій, — есть органъ сознанія природы, сосудъ духа Божія... Каждый человѣкъ развиваетъ собою одну сторону сознанія, и развиваетъ ее до извѣстной степени; возможно-конечное и возможно-всеобщее сознаніе должно произойти не иначе, какъ вслѣдствіе этихъ разностороннихъ и разнообразныхъ сознаній... Всякій индивидъ есть членъ, есть часть этого великаго цѣлаго, потому что, развивая свое собственное сознаніе, онъ необходимо отдаетъ, завѣщаетъ его въ общую сокровищницу человѣческаго духа. Каждый человѣкъ долженъ любить человѣчество, какъ идею полнаго развитія сознанія, которое составляетъ и его собственную цѣль, слѣдовательно, каждый человѣкъ долженъ любить въ человѣчествѣ свое собственное сознаніе въ будущемъ, а любя это сознаніе—долженъ споспѣшествовать ему. И вотъ его долгъ, его обязанности, его любовь къ человѣчеству. Эта сладкая вѣра и это святое убѣжденіе въ безконечномъ совершенствованіи человѣческаго рода должны обязывать насъ къ нашему личному, индивидуальному совершенствованію, должны давать намъ силу и твердость въ стремленіи къ нему. Иначе, что же была бы наша земная жизнь?.. Не напрасно человѣкъ стремится къ какому-то блаженству и ищетъ его всю жизнь,—ищетъ его и въ шумныхъ наслажденіяхъ юности, и въ безумномъ упоеніи пировъ, и въ ужасахъ кровавыхъ битвъ, и въ тревогахъ опасностей, и въ обольщеніи славы, и въ очарованіи власти, и въ нѣгѣ бездѣйствія, и въ сладости труда, и въ свѣтѣ

знанія, и въ наслажденіи искусствами, и въ любви другого сердца... И горе ему, если онъ искалъ этого блаженства путемъ ложнымъ, если думалъ обрѣсти его въ исполненіи своихъ безсознательныхъ, эгоистическихъ желаній; и благо ему, если онъ искалъ его тамъ, гдѣ оно есть, искалъ его въ сознаніи и путемъ сознанія... Вѣчность—не мечта, не мечта и жизнь, которая служитъ къ ней ступенью! Много въ ней дурного, но еще больше прекраснаго... есть паденіе, но есть и возстаніе; есть стремленіе, но есть и достиженіе; есть минуты сомнѣнія и отчаянія... но есть и упоительныя минуты вѣры, когда въ груди бываетъ такъ тепло, на душѣ такъ свѣтло, жизнь становится такъ прекрасна, такъ полна, такъ тождественна съ блаженствомъ"... Самого Фихте Бѣлинскій, плохо знавшій нѣмецкій языкъ, конечно, не читалъ, а воспринималъ его отъ Бакунина.

Вскорѣ друзья перешли къ изученію Гегеля. Великій метафизикъ создалъ стройную систему міропониманія; отвергая немыслимую кантову „вещь въ себѣ", Гегель призналъ, что все сущее есть мыслимое, и вывелъ изъ этого единства тождество мышленія и бытія, субъекта и объекта, познающаго и познаваемаго; философское мышленіе есть самосознаніе въ человѣкѣ Абсолютнаго Духа; весь видимый міръ есть проявленіе этой абсолютной идеи, которая стремится сама себя раскрыть и идетъ къ этому разными ступенями развитія; такими ступенями являются искусство, государственность: первое — воплощеніе красоты, вторая — воплощеніе разума. Бѣлинскаго захватила грандіозность всепоглощающей системы такъ же, какъ и его друзей. Герценъ

писалъ объ этомъ увлеченіи всеобъемлющей философіей: „Молодые люди такъ преисполнились ученіемъ берлинскаго философа, что у нихъ отношеніе къ жизни, къ дѣйствительности сдѣлалось школьное, книжное... Человѣкъ, который шелъ гулять, шелъ для того, чтобы отдаваться пантеистическому чувству своего единства съ космосомъ... Слеза, навертывавшаяся на вѣкахъ, была строго отнесена къ своему порядку, къ „гемюту“ или къ „трагическому въ сердцѣ“... Бѣлинскому, съ его совершенной философской организаціей ума, съ рѣдкой дисциплинированностью мысли, легко было усвоить себѣ философію Гегеля даже въ пересказѣ Бакунина, безъ непосредственнаго знакомства съ подлинникомъ, и онъ понялъ все въ ней, за исключеніемъ одного (и это была общая ошибка всѣхъ русскихъ гегеліанцевъ),—что, хотя Гегель и признавалъ разумное дѣйствительнымъ, а дѣйствительное разумнымъ, но не все въ жизни считалъ дѣйствительностью, а только то, что помогаетъ развитію самопознанія абсолютной идеи. Но въ русскихъ умахъ, и въ томъ числѣ въ умѣ Бѣлинскаго, Гегель отразился невѣрно: русскіе гегеліанцы искали въ философіи указанія, какъ надо жить, и вывели изъ гегелевскаго міровоззрѣнія, что все въ мірѣ само идетъ къ совершенству, что бороться не для чего, протестовать неразумно, надо жить въ сферѣ мыслей и мышленьемъ служить самораскрытію абсолюта. Такъ увѣровалъ и Бѣлинскій и, переживъ періодъ отчаянія и безвѣрія, съ головой ринулся въ созданную этимъ ложнымъ истолкованіемъ Гегеля нирвану. Первый такъ понялъ гегелевскую философію Бакунинъ, изло-

жившій свой взглядъ въ предисловіи къ „Гимназическимъ рѣчамъ“ Гегеля, въ „Московскомъ Наблюдателѣ“ 1838 г., когда журналъ перешелъ въ руки Бѣлинскаго, и въ немъ стали участвовать его друзья. „Съ природой и жизнью опять примирись!— проповѣдывалъ Бакунинъ словами поэта. „Прекрасна вселенная... все въ жизни къ великому средство; и горе и радость—все къ цѣли одной... въ жизни все прекрасно, все благо“... Бакунинъ бранилъ „прекраснодушіе“, это „призрачное самоосклабленіе“, и совѣтовалъ примиреніе съ дѣйствительностью, „потому что дѣйствительность всегда побѣждаетъ, и человѣку остается или помириться съ нею и сознать себя въ ней и полюбить ее, или разрушиться самому“... Въ области эстетики, что очень важно для пониманія тогдашнихъ литературныхъ мнѣній Бѣлинскаго, Бакунинъ указывалъ на примѣры Шиллера, который былъ прекраснодушнымъ, пока „богатая субстанція вынесла его изъ отвлеченности, и каждый новый годъ его жизни былъ шагомъ къ примиренію съ дѣйствительностью“, и Пушкина, который также началъ прекраснодушной борьбою съ дѣйствительностью, и лишь „геніальная субстанція насильно привела его къ примиренію съ дѣйствительностью“.

Вступивъ въ полосу „примиренія“, Бѣлинскій сталъ съ обычнымъ своимъ жаромъ служить новому идолу. Первые проблески новаго воззрѣнія въ его писаніяхъ встрѣчаются въ статьѣ „Мочаловъ въ роли Гамлета“ („Московскій Наблюдатель“ 1838 г.): „для Шекспира нѣтъ ни добра ни зла; для него существуетъ только жизнь, которую онъ спокойно созер-

цаетъ и сознаетъ въ своихъ созданіяхъ, ничѣмъ не увлекаясь, ничему не отдавая преимущества. И если у него злодѣй представляется палачомъ самого себя, то это не для назидательности и не по ненависти къ злу, а потому, что это такъ бываетъ въ дѣйствительности, по вѣчному закону разума... Эта объективность совсѣмъ не есть безстрастіе: безстрастіе разрушаетъ поэзію, а Шекспиръ—великій поэтъ. Онъ только не жертвуетъ дѣйствительностію своимъ любимымъ идеямъ... Для людей собственно жизнь есть подвигъ, выполненіе котораго есть блаженство... но только тогда, когда человѣкъ, уничтоживъ свое „я" во внутреннемъ созерцаніи или сознаніи абсолютной жизни, снова обрѣтаетъ его въ ней"... Отголосокъ увлеченія Гегелемъ слышится и въ другомъ мѣстѣ этой статьи, гдѣ Бѣлинскій говоритъ о „той міробъемлющей и послѣдней философіи нашего вѣка, которая, развернувшись какъ величественное дерево изъ одного зерна, покрыла собою и заключила въ себѣ, по свободной необходимости, всѣ моменты развитія духа и, не принимая въ себя ничего чуждаго, но живя собственной жизнію, изъ своихъ уже нѣдръ развитою, во всякомъ, даже конечномъ развитіи видитъ развитіе абсолютнаго духа, конкретно слитаго съ явленіемъ"... Объ этомъ упоеніи философіей говоритъ одно письмо Бѣлинскаго къ пріятелю: „Только въ ней ты найдешь отвѣты на вопросы души твоей, только она дастъ миръ и гармонію душѣ твоей и подаритъ тебя такимъ счастіемъ, какого толпа и не подозрѣваетъ, и какого внѣшняя жизнь не можетъ ни дать тебѣ, ни отнять у тебя. Ты бу-

дешь не въ мірѣ, но весь міръ будетъ въ тебѣ. Въ самомъ себѣ, въ сокровенномъ святилищѣ своего духа найдешь ты высшее счастіе, и тогда твоя маленькая комнатка, твой убогій и тѣсный кабинетъ будетъ истиннымъ храмомъ счастія. Ты будешь свободенъ, потому что не будешь ничего просить у міра, и міръ оставитъ тебя въ покоѣ, видя, что ты ничего у него не просишь". Далѣе Бѣлинскій дѣлаетъ частный, практическій выводъ изъ сказаннаго: „Пуще всего оставь политику... Политика у насъ въ Россіи не имѣетъ смысла, и ею могутъ заниматься только пустыя головы. Люби добро, и тогда ты будешь необходимо полезенъ своему обществу, не думая и не стараясь быть ему полезнымъ. Если бы каждый изъ индивидовъ, составляющихъ Россію, путемъ любви дошелъ до совершенства, тогда Россія безъ всякой политики сдѣлалась бы счастливѣйшею страною въ мірѣ. Просвѣщеніе—вотъ путь ея къ счастію... Мы еще не имѣемъ правъ, мы еще рабы, если угодно, но это оттого, что мы еще должны быть рабами. Россія еще дитя, для котораго нужна нянька, въ груди которой билось бы сердце, полное любви къ своему питомцу, а въ рукѣ которой была бы лоза, готовая наказывать за шалости... Гражданская свобода должна быть плодомъ внутренней свободы каждаго индивида, составляющаго народъ, а внутренняя свобода пріобрѣтается сознаніемъ. Вино полезно для людей взрослыхъ и умѣющихъ имъ пользоваться, но гибельно для дѣтей, а политика есть вино, которое въ Россіи можетъ превратиться даже въ опіумъ... Итакъ, оставимъ идти дѣламъ, какъ они идутъ, и будемъ вѣрить свято и

непреложно, что все идетъ къ лучшему, что существуетъ одно добро"...

Полуголодный хвалитель разлитаго въ окружающей дѣйствительности счастья остановиться на этомъ, конечно, не могъ; служеніе догмѣ должно было свершиться до конца, надо было идти вплоть до тупика. И Бѣлинскій пошелъ. Въ числѣ помѣщенныхъ имъ въ „Московскомъ Наблюдателѣ“ 1838 г. рецензій есть одна небольшая замѣтка о книжкахъ нѣкоего А. Тейльса, которыя Бѣлинскій рекомендуетъ какъ „полезное и назидательное чтеніе для крѣпостныхъ людей, сборъ истинъ, принадлежащихъ къ быту этого сословія“. Тѣ мѣста Гоголевской „Переписки съ друзьями“ которыя черезъ нѣсколько лѣтъ такъ ужаснули Бѣлинскаго своимъ крѣпостническимъ духомъ, представляютъ собою розовую водицу въ сравненіи съ рекомендованными Бѣлинскимъ книжками, авторъ которыхъ проповѣдуетъ крестьянамъ: „Барыня—мать ваша; она кормилица и васъ, и дѣтей вашихъ, и семейныхъ вашихъ, — надо отслужить; не успокаивающій господъ своихъ, невѣрный имъ, противникъ, недоброжелатель—все это встрѣтитъ въ дѣтяхъ своихъ, они отплатятъ за господъ; взыщутъ съ кого изъ васъ по приказу ли барина или и самъ баринъ, помолитесь Господу, чтобы Онъ умилостивилъ опять до васъ барина“... Самое же характерное выраженіе настроенія, владѣвшаго тогда Бѣлинскимъ, и плѣнявшихъ его умъ мыслей находимъ въ трехъ статьяхъ — по поводу „Бородинской годовщины“ Жуковскаго, „Очерковъ бородинскаго сраженія“ Ѳ. Н. Глинки и о критикѣ Гете — Менцелѣ. „Ничто такъ не расширяетъ

духа человѣческаго, — писалъ Бѣлинскій въ первой статьѣ, — ничто не окрыляетъ его такимъ могучимъ орлинымъ полетомъ въ безбрежныя равнины царства безконечнаго, какъ созерцаніе міровыхъ явленій жизни... Вотъ гдѣ скрывается абсолютное значеніе исторіи, и вотъ почему занятіе ею есть такое блаженство, какого не можетъ замѣнить человѣку ни одна изъ абсолютныхъ сферъ, въ которыхъ открывается его духу сущность сущаго и родственно сливается съ нимъ до блаженнаго уничтоженія его индивидуальной единичности. Да, кто способенъ выходить изъ внутренняго міра своихъ душевныхъ, субъективныхъ интересовъ, чей духъ столько могучъ, что въ силахъ переступить за черту заколдованнаго круга прекрасныхъ, обаятельныхъ радостей и страданій своей человѣческой личности, вырваться изъ ихъ милыхъ, лелѣющихъ объятій, чтобы созерцать великія явленія объективнаго міра и ихъ особность усвоять въ субъективную собственность чрезъ сознаніе своей съ ними родственности, — того ожидаетъ высокая награда, безконечное блаженство... Но когда міровое историческое событіе есть въ то же время и фактъ отечественной исторіи, и его субстанціальная родственность съ духомъ созерцающаго просвѣтлитъ до прозрачности его таинственную сущность,—о, тогда его блаженство будетъ еще шире, безконечнѣе... Къ такимъ-то великимъ міровымъ явленіямъ принадлежитъ битва Бородинская... Великое прошлое родило великое настоящее,—говоритъ Бѣлинскій объ открытіи памятника на Бородинскомъ полѣ и заворшаетъ статью истолкованіемъ сокровеннаго смысла этого „великаго

настоящаго", въ которомъ видна „не случайность, а самая строгая, самая разумная необходимость, открывающая себя въ исторіи народа русскаго. Ходъ нашей исторіи обратный въ отношеніи къ европейской: въ Европѣ точкою отправленія жизни всегда была борьба и побѣда низшихъ ступеней государственной жизни надъ высшими... у насъ совсѣмъ наоборотъ: у насъ правительство всегда шло впереди народа, всегда было звѣздою путеводною къ его высокому назначенію; царская власть всегда была живымъ источникомъ, въ которомъ не изсякали воды обновленія, солнцемъ, лучи котораго, исходя отъ центра, разбѣгались по суставамъ исполинской корпораціи государственнаго тѣла и проникали ихъ жизнью и свѣтомъ. Отношеніе высшихъ сословій къ низшимъ прежде состояло въ патріархальной власти первыхъ и патріархальной подчиненности вторыхъ, а теперь въ спокойномъ пребываніи каждаго въ своихъ законныхъ предѣлахъ, и еще въ томъ, что высшія сословія мирно передаютъ образованность низшимъ, а низшія мирно ее принимаютъ... И потому-то всякій шагъ впередъ русскаго народа, каждый моментъ развитія его жизни всегда былъ актомъ царской власти; но эта власть никогда не была абстрактною и произвольно-случайною, потому что она всегда таинственно сливалась съ волею Провидѣнія — съ разумною дѣйствительностью, мудро угадывая потребности государства, сокрытыя въ немъ, безъ вѣдома его самого, и приводя ихъ въ сознаніе... Жизнь всякаго народа есть разумно-необходимая форма обще-міровой идеи, и въ этой идеѣ заключается и знаніе, и сила, и мощь,

и поэзія народной жизни; а живое, разумное сознаніе этой идеи есть и цѣль жизни народа и вмѣстѣ ея внутренній двигатель. Петръ Великій, пріобщивъ Россію къ европейской [illegible] далъ чрезъ это русской жизни новую, обширнѣйшую форму, но отнюдь не измѣнилъ ея субстанціальнаго основанія... Вотъ взглядъ— истинный и единый, который долженъ взять за основаніе историкъ русскаго народа... Будемъ умѣть быть гордыми собственною національностію, основными стихіями своей народной индивидуальности... Достиженіе цѣли возможно только чрезъ разумное развитіе не какого-нибудь чуждаго и внѣшняго, а субстанціальнаго, родного начала народной жизни, и таинственное зерно, корень, сущность и жизненный пульсъ нашей народной жизни выражается словомъ „царь"... Бородинское торжество нынѣшняго года невольно навело насъ на эти мысли: оно было мыслію царя, перешедшею въ торжество народа"...

Представивъ себѣ такимъ образомъ въ своемъ распаленномъ воображеніи несчастную Россію, опутанную крѣпостничествомъ и всяческимъ произволомъ какъ какую-то счастливую Аркадію, страну всеобщаго блаженства и царство безпрепятственно осуществляющаго свою волю абсолютнаго разума, Бѣлинскій въ другой своей „бородинской" статьѣ-рецензіи на книгу Ѳ. Глинки объяснялъ свои мысли еще шире: „Государство есть высшій моментъ общественной жизни и ея высшая и единая разумная форма: Только ставши членомъ государства человѣкъ перестаетъ быть рабомъ природы, но дѣлается ея повелителемъ, и только какъ членъ государства является онъ

существомъ истинно-разумнымъ. Государство есть разумное, а потому и священное явленіе. Коренныя государственныя постановленія священны, потому что они суть основныя идеи не какого-нибудь извѣстнаго народа, но каждаго народа, и еще потому, что они, перешедши въ явленія, ставши фактомъ, діалектически развивались въ историческомъ движеніи, такъ что самыя ихъ измѣненія суть моменты ихъ же собственной идеи... Нѣтъ власти, которая бы не была отъ Бога, но всякая власть отъ Бога, говоритъ Св. Писаніе, и эти слова заключаютъ въ себѣ глубокую мысль и непреложную истину... Кто внушилъ человѣку чувство мистическаго, религіознаго уваженія къ виновнику дней своихъ, освятилъ самъ и званіе отца, тотъ освятилъ самъ и званіе царя, превознесъ его главу превыше всѣхъ смертныхъ и земную участь его поставилъ внѣ зависимости отъ случайной воли людской, сдѣлавъ личность его священною и неприкосновенною. Человѣчество не помнитъ, когда преклонило оно колѣни передъ царскою властію, потому что эта власть была не его установленіемъ, но установленіемъ Божіимъ, не въ извѣстное и опредѣленное время совершившимся, но отъ вѣка въ божественной мысли пребывшимъ. Поэтому царь есть намѣстникъ Божій, а царская власть, замыкающая въ себѣ всѣ частныя воли, есть преобразованіе единодержавія вѣчнаго и довременнаго разума. Имя монарха для подданныхъ есть слово мистическое, таинственное, священное: оно заставляетъ магической силой заключенной въ немъ идеи признавать цѣлый народъ какъ единаго человѣка и безконечное множество индивидуаль-

ныхъ особностей сливаетъ во единое тѣло, во единую живую душу, имѣющую въ своемъ актѣ сознанія единое я... Изъ милліоновъ людей онъ одинъ избранъ Богомъ, и милліоны не могутъ ревновать его избранію и добровольно преклоняютъ передъ нимъ колѣни, какъ передъ существомъ высшаго рода, и охотно повинуются ему... Всякій человѣкъ есть самъ себѣ цѣль, и жизнь дана ему какъ удовлетвореніе, какъ счастье, какъ блаженство, къ которымъ онъ имѣетъ полное право стремиться, особенно съ своими личными потребностями, наклонностями и средствами. Внутри себя носитъ онъ таинственный и безконечный міръ, полный желаній, порывовъ, стремленій, страданій и радостей, и только черезъ удовлетвореніе этого своего міра можетъ онъ достигнуть счастія. Это міръ внутренній, міръ субъективный человѣка, сфера, въ которой онъ самъ себѣ цѣль и, кромѣ себя и личнаго своего удовлетворенія, имѣетъ право никого и ничего не знать"...

Правда, у Бѣлинскаго все это было смягчено замѣчаніями, что „субъективная личность не должна быть эгоистическою"; что „почва, на которой выростаютъ благородные плоды разумнаго опыта, есть нравственное чувство", но все же главный нервъ статьи составляетъ славословіе царящей дѣйствительности, „разумной и непреложной необходимости". „Сила есть право, и право есть сила", вывелъ изъ Гегеля Бѣлинскій и долго питался этою мыслью. О своей статьѣ по поводу книги Глинки онъ говорилъ Панаеву, что читалъ ее Бакунину. „Онъ пришелъ отъ нея въ восторгъ... Я самъ чувствую, что статейка вытанцовалась... Противъ убѣжденій никакая сила не заставитъ

меня написать ни одной строчки... Мнѣ легче умереть съ голоду, чѣмъ потоптать свое человѣческое достоинство, унизить себя передъ кѣмъ бы то ни было или продать себя... Эта статья рѣзка, — я знаю; но у меня въ головѣ рядъ статей еще болѣе рѣзкихъ". Герценъ однажды замѣтилъ ему: „Знаете ли, что съ вашей точки зрѣнія вы можете доказать, что и чудовищный произволъ разуменъ и долженъ существовать?" Бѣлинскій отвѣтилъ: „Безъ всякаго сомнѣнія". И прочелъ Герцену „Бородинскую годовщину" Пушкина. Выборъ этого стихотворенія знаменателенъ; онъ показываетъ, до какой степени Бѣлинскій былъ поглощенъ теоріей. Патріотическая пьеса Пушкина очень мало подходитъ къ теоріи оправданія всего существующаго, но для Бѣлинскаго было достаточно и того, что это—пѣсня торжествующей, побѣдившей, а потому, конечно, и правой силы. Еще рѣзче и ярче преклоненіе передъ дѣйствительностью въ статьѣ „Менцель, критикъ Гете". Бѣлинскій патетически восклицаетъ: „Дѣло Питтовъ, Фоксовъ, О'Коннелей, Талейрановъ, Кауницевъ и Меттернихòвъ—участвовать въ судьбѣ народовъ и испытывать свое вліяніе въ политической сферѣ человѣчества. Дѣло художниковъ — созерцать „полное славы твореніе" и быть его органомъ, а не вмѣшиваться въ дѣла политическія и правительственныя... Все, что есть, необходимо, разумно и дѣйствительно. Посмотрите на природу, припникните съ любовью къ ея материнской груди, прислушайтесь къ біенію ея сердца, и увидите въ ея безконечномъ разнообразіи удивительное единство, въ ея безконечномъ противорѣчіи удивительную гар-

монію... Если же міръ природы, столь разнообразный, столь, повидимому, противорѣчивый, такъ разумно дѣйствителенъ, то неужели высшій его міръ исторіи есть не такое же разумно-дѣйствительное развитіе [illegible] идеи?.. Разумъ не создаетъ дѣйствительности, а сознаетъ ее, предварительно взявъ за аксіому, что все, что есть, все то и необходимо, и законно, и разумно... Для него всѣ народы и всѣ эпохи равно велики и важны, какъ выраженія абсолютной идеи, діалектически въ нихъ развивающейся... Такъ же точно смотритъ разумъ и на всѣ явленія дѣйствительности, видя въ нихъ необходимыя явленія духа. Блаженство и радость, стремленіе и отчаяніе, вѣра и сомнѣніе, дѣятельность и бездѣйствіе, побѣда и паденіе, борьба, раздоръ и примиреніе, торжество страстей и торжество духа, самыя преступленія, какъ бы они ни были ужасны,—все это для него явленія одной и той же дѣйствительности, выражающія необходимые моменты духа или уклоненія его отъ нормальности вслѣдствіе внутреннихъ и внѣшнихъ причинъ... Искусство есть воспроизведеніе дѣйствительности; слѣдовательно, его задача не поправлять и не прикрашивать жизнь, а показывать ее такъ, какъ она есть въ самомъ дѣлѣ... Шекспиръ не думаетъ ничего развивать и доказывать, а изображаетъ жизнь, какъ она есть". Развивая рядомъ съ нравственно-политической эту эстетическую теорію, Бѣлинскій излагалъ мысль, которой касался довольно давно, еще въ одной рецензіи на стихи Полежаева. Бѣлинскій отказывался признать его поэтомъ, потому что его творенія — „стонъ нестерпимой муки субъек-

тивнаго духа, а не пѣсни, не гимны, то веселые и радостные, то важные и торжественные, прекрасному бытію, объективно созерцаемому. Истинный поэтъ не есть ни горлица, тоскливо воркующая грустную пѣснь любви, ни кукушка, надрывающая душу однообразнымъ стономъ скорби, но звучный, гармоническій, разнообразный соловей, поющій пѣснь природѣ... Созданія истиннаго поэта суть гимнъ Богу, прославленіе его великаго творенія... Въ царствѣ Божіемъ нѣтъ плача и скрежета зубовъ, — въ немъ одна просвѣтленная радость, свѣтлое ликованіе, и самая печаль въ немъ есть только грустная радость... Вопли растерзаннаго духа, сосредоточеніе въ скорбяхъ и противорѣчіяхъ земной жизни доказываютъ пребываніе на землѣ, и только тщетное порываніе къ свѣтлому, голубому небу — подножію престола Вседѣсущаго". Такъ разсуждалъ Бѣлинскій, не замѣчая, куда заводили его эти мысли, шедшія отъ чистаго служенія абстрактной идеѣ. Есть основанія согласиться съ высказаннымъ Е. А. Соловьевымъ мнѣніемъ, что въ этихъ проповѣдяхъ „слышится тонъ измученнаго человѣка“. Прославленіе дѣйствительности шло у Бѣлинскаго одновременно съ отчаянной матеріальной нуждой. Савлъ долго боролся и страдалъ, пока сталъ Павломъ. и самъ непохожъ на проповѣдываемые имъ „примиреніе“, „спокойствіе“; „созерцаніе“ бурный, порывистый тонъ его статей! Вскорѣ ему было суждено, наконецъ, обрѣсти вѣру.

Этотъ душевный переломъ былъ тѣсно связанъ съ внѣшнимъ переломомъ въ жизни Бѣлинскаго—переѣздомъ въ Петербургъ, куда, послѣ долгихъ сборовъ и колебаній, наконецъ,

рѣшился ѣхать Бѣлинскій. Краевскій далъ ему единовременно небольшую сумму на уплату долговъ и на подъемъ и обѣщалъ платить 3.500 рублей ассигнаціями въ годъ, и Бѣлинскій взялъ на себя отдѣлы критики и библіографіи въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Условія эти были очень тяжелыя для Бѣлинскаго. Съ этихъ поръ онъ на долгіе годы попалъ въ кабалу къ Краевскому, который заваливалъ его работой. Краевскій систематически обращалъ благороднаго коня въ водовозную клячу. Бѣлинскому приходилось писать о всякомъ книжномъ вздорѣ, не стоящемъ вниманія. Бѣлинскій тогда еще мало зналъ Краевскаго; впрочемъ, онъ нисколько не обманывалъ себя мечтами и не возлагалъ на будущее розовыхъ надеждъ. Прежде всего нужно было бѣжать изъ опостылѣвшей Москвы. Собираясь въ Петербургъ, онъ писалъ Станкевичу: „Ѣду въ Питеръ на житье. Зачѣмъ?— „Горе мыкать, жизнью тѣшиться, съ злою долей перевѣдаться“. Безъ фразъ, я узналъ теперь, что не годится порядочному человѣку отдавать свою жизнь и свое счастье на волю случайностей, что для того и другого надо побороться, поработать... Мнѣ страшно самому себѣ выговорить мои намѣренія, не только другому. Чтобы привести ихъ въ исполненіе, мнѣ надо оторваться отъ своего родного круга, мнѣ, — робкой, запертой въ самой себѣ натурѣ, — перенестись въ сферу чуждую, враждебную,—страшно подумать, а время близко! Этотъ послѣдній опытъ не удастся, — всѣ надежды къ чорту! Москва погубила меня, въ ней почѣмъ жить, и нечего дѣлать, и нельзя дѣлать, а разстаться съ нею тяжелый опытъ“.

V.

Въ октябрѣ 1839 года Бѣлинскій оставилъ Москву и переѣхалъ въ такъ долго привлекавшій, но и страшившій его Петербургъ, въ мысли о которомъ для него было, по его словамъ, „что-то горькое, сжимающее грудь тоскою, но вмѣстѣ съ тѣмъ и что-то дающее силу, возбуждающее дѣятельность и гордость духа“. О впечатлѣніи, произведенномъ Петербургомъ на Бѣлинскаго, говоритъ его статья (1845 г.): „Петербургъ и Москва“: „Петербургъ оригинальнѣе всѣхъ городовъ Америки, потому что онъ есть новый городъ въ старой странѣ, слѣдовательно, есть новая надежда, прекрасное будущее этой страны... Иностранецъ Альгаротти сказалъ: „Петербургъ есть окно, черезъ которое Россія смотритъ на Европу“,—счастливое выраженіе, въ немногихъ словахъ удачно схватившее великую мысль. Вотъ въ чемъ его идея и, слѣдовательно, его великое значеніе, его святое право на вѣковѣчное существованіе! Говорятъ, что Петербургъ выражаетъ собою только внѣшній европеизмъ. Положимъ, что и такъ; но при развитіи Россіи, совершенно противоположномъ европейскому, то-есть при развитіи сверху внизъ, а не снизу вверхъ, внѣшность имѣетъ гораздо высшее значеніе, бо́льшую важность, нежели какъ думаютъ... Петербургъ есть образецъ для всей Россіи во всемъ, что касается до формъ жизни, начиная отъ моды до свѣтскаго тона, отъ манеры класть кирпичи до высшихъ таинствъ архитектурнаго искусства, отъ типографскаго изящества до журналовъ, исключительно владѣ-

ющихъ вниманіемъ публики". „Петербургъ, говоритъ Пыпинъ,—поразилъ Бѣлинскаго, какъ новое явленіе русской жизни, невольно приковывавшее къ себѣ вниманіе. Та „дѣйствительность", которой съ такою ревностью доискивался Бѣлинскій въ своихъ кабинетныхъ теоріяхъ, предстала передъ нимъ во всей своей реальности и была рѣшительно непохожа на теорію. Эта дѣйствительность сама бросалась въ глаза; отъ нея нельзя было укрыться, какъ въ Москвѣ, въ своемъ кружкѣ, гдѣ друзья жили какъ въ укромномъ захолустьѣ, не видя и не слыша той машины, которая управляла ихъ теоретической дѣйствительностью... Здѣсь въ первый разъ „общество" является ему не какъ отвлеченное представленіе, а какъ живое собраніе извѣстныхъ сословій, разрядовъ людей, типовъ, характеровъ; онъ долженъ былъ увидѣть и настоящія свойства и вліяніе этого „общества", тяготѣющее надъ нимъ самимъ и его дѣйствительностью. Ему надо было только отложить на минуту въ сторону теоретическія отвлеченности, чтобы жизнь явилась передъ нимъ въ совершенно иномъ свѣтѣ"... Московскія вліянія начали въ душѣ Бѣлинскаго „перегорать", онъ уже побѣждалъ ихъ и сбрасывалъ съ себя ихъ путы. Процессъ этотъ совершался въ немъ нелегко, болѣзненно, но это была, такъ сказать, „нормальная болѣзненность", обычныя терзанія духа, рвущагося на волю изъ ставшей для него тѣсной оболочки. Въ его первыхъ петербургскихъ статьяхъ еще чувствуются отголоски московскихъ понятій, но эти отголоски становятся все слабѣе и слабѣе и вскорѣ замираютъ навсегда. Дѣло тутъ, конечно, не столько во

внѣшней обстановкѣ Петербурга, въ сущности, мало отличавшейся отъ московской, сколько просто въ томъ, что Бѣлинскій былъ приведенъ къ перелому естественнымъ ходомъ своего развитія; „Петербургъ“ въ этомъ случаѣ только мѣстное и хронологическое, внѣшнее обозначеніе. Какъ ни былъ далекъ онъ отъ жизни, но ея голосъ проникъ и въ его уголокъ, и понятно, какъ долженъ былъ откликнуться Бѣлинскій, увидѣвъ жизнь такою, какова она есть, а не сквозь призму эстетическаго оптимизма.

И года не прошло со времени перехода Бѣлинскаго въ „Отечеств. Записки“, какъ онъ явился совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ былъ раньше, и „сжегъ то, чему поклонялся“. Въ самомъ концѣ 1839 г. онъ писалъ Боткину: „Скоро ли настанетъ время, когда я перестану стыдиться написаннаго или сказаннаго мною, перестану переходить отъ одной дѣтскости къ другой... Скоро ли мое слово будетъ мыслію, а не фразою, скоро ли ощущенія, производимыя на меня объективнымъ міромъ, будутъ формироваться во мнѣ мыслями, а не случайными порывами“... Черезъ пять недѣль онъ писалъ ему уже яснѣе и опредѣленнѣе: „Въ душѣ моей сухость, досада, злость, желчь, апатія, бѣшенство и проч., и проч. Вѣра въ жизнь, въ Духа, въ дѣйствительность отложена въ неопредѣленный срокъ, до лучшаго времени, а пока въ ней— безвѣріе и отчаяніе... Петербургъ былъ для меня страшною скалою, о которую больно стукнулось мое прекраснодушіе. Это было необходимо, и лишь бы послѣ стало лучше, я буду благословлять судьбу, загнавшую меня на эти финскія болота. Но пока это невыно-

симо, выше всякой мѣры терпѣнія... Насъ губилъ китаизмъ... Мы весь божій свѣтъ видѣли въ своемъ кружкѣ... Чтобъ узнать, что такое русская читающая публика, надо пожить въ П... Что же сказать о моемъ новѣйшемъ и настоящемъ вступленіи въ разборъ брошюрокъ о бород. битвѣ? Дорого далъ бы я, чтобы истребить его". Черезъ нѣсколько дней Бѣлинскій пишетъ ему: „Въ Питеръ бы васъ, дураковъ,—тамъ бы вы поумнѣли, тамъ бы вы узнали, что такое россійская дѣйствительность"... Спустя мѣсяцъ онъ пишетъ: „По-прежнему брезгаю французами... Но идея общества обхватила меня крѣпче, и пока въ душѣ останется хоть искорка, а въ рукахъ держится перо, — я дѣйствую. Мочи нѣтъ, куда ни взглянешь, — душа возмущается, чувства оскорбляются... Куда приклонить голову, гдѣ сочувствіе, гдѣ пониманіе, гдѣ человѣчность? Нѣтъ, къ чорту всѣ высшія стремленія и цѣли! Мы живемъ въ страшное время, судьба налагаетъ на насъ схиму, мы должны страдать, чтобы нашимъ внукамъ было легче жить... Умру на журналѣ и въ гробъ велю положить подъ голову книжку „О. З.". Я литераторъ— говорю это съ болѣзненнымъ и вмѣстѣ радостнымъ и гордымъ убѣжденіемъ. Литературѣ россійской моя жизнь и моя кровь".

Эти знаменитыя слова являются кульминаціоннымъ пунктомъ литературной дѣятельности Бѣлинскаго; даже онъ, такой возвышенный, рѣдко доходилъ до такой духовной высоты и чистоты. Въ іюнѣ Бѣлинскій писалъ Боткину: „На насъ обрушилось безалаберное состояніе общества, въ насъ отразился одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ моментовъ общества, силою

отторгнутаго отъ своей непосредственности и принужденнаго тернистымъ путемъ итти къ пріобрѣтенію разумной непосредственности, къ очеловѣченію. Положеніе истинно-трагическое!.. Что дѣлать? Гибель частнаго въ пользу общаго—міровой законъ... Обстоятельства жизни (причина которыхъ въ состояніи общества) не дали намъ положительнаго образованія и лишили всякой возможности сродниться съ наукою; съ дѣйствительностью мы въ ссорѣ и по праву ненавидимъ и презираемъ ее. Гдѣ жъ убѣжище намъ?—На необитаемомъ островѣ, которымъ и былъ нашъ кружокъ... Въ Петербургѣ съ необитаемаго острова я очутился въ столицѣ, журналъ поставилъ меня лицомъ къ лицу съ обществомъ, и Богу извѣстно, какъ много перенесъ я!.. Меня убило это зрѣлище общества, въ которомъ властвуютъ и играютъ роли подлецы и дюжинныя посредственности, а все благородное и даровитое лежитъ въ позорномъ бездѣйствіи на необитаемомъ островѣ... Съ французами я помирился совершенно; не люблю ихъ, но уважаю. Ихъ всемірно-историческое значеніе велико. Они не понимаютъ абсолютнаго и конкретнаго, но живутъ и дѣйствуютъ въ ихъ сферѣ. Любовь моя къ родному, къ русскому стала грустнѣе: это уже не прекраснодушный энтузіазмъ, но страдальческое чувство. Все субстанціальное, говорилъ Бѣлинскій своими гегельянскими терминами,—въ нашемъ народѣ велико, необъятно, но опредѣленіе гнусно, грязно, подло". Еще ярче, еще горячѣе звучитъ духовный переворотъ въ октябрьскомъ письмѣ Бѣлинскаго: „Проклинаю мое гнусное стремленіе къ примиренію съ гнусною дѣйствительностью! Да

здравствуетъ великій Шиллеръ, благородный адвокатъ человѣчества, яркая звѣзда спасенія, эманципаторъ общества отъ кровавыхъ предразсудковъ преданія! Для меня теперь человѣческая личность выше исторіи, выше общества, выше человѣчества. Это мысль и душа вѣка! Боже мой, что со мною было—горячка или помѣшательство ума—я словно выздоравливающій“... Въ слѣдующемъ письмѣ Бѣлинскій говоритъ: „Нѣтъ въ мірѣ мѣста гнуснѣе Питера, нѣтъ поганѣе интересовъ дѣйствительности, но я отъ нея не потерялъ, а пріобрѣлъ я глубже чувствую, больше понимаю, во мнѣ стало больше внутренняго и духовнаго. Если бы гнусная дѣйствительность не высасывала изъ меня капля по каплѣ крови,—я бы помѣшался. Оторваться отъ общества и затвориться въ себѣ—плохое убѣжище... Для меня такъ человѣческая природа есть оправданіе всего. Событіе—вздоръ, чортъ съ нимъ... Важна личность человѣка, надо дорожить ею выше всего“... Въ концѣ года Бѣлинскій писалъ Боткину: „Я ужасно измѣняюсь; но это не страшитъ меня, ибо съ пошлою дѣйствительностью я все болѣе и болѣе расхожусь, въ душѣ чувствую больше жара и энергіи, больше готовности умереть и пострадать за свои убѣжденія. Боже мой, сколько отвратительныхъ мерзостей сказалъ я печатно, со всею искренностью, со всѣмъ фанатизмомъ дикаго убѣжденія!.. Тяжело и больно вспомнить! Проснулся я—и страшно вспомнить мнѣ о моемъ снѣ... А это насильственное примиреніе съ гнусною рассейскою дѣйствительностью!“ На этотъ разъ Бѣлинскій дѣйствовалъ и мыслилъ вполнѣ самостоятельно, не воспринимая ничьихъ взглядовъ. Какъ мы

видѣли, первая встрѣча съ яркимъ представителемъ того направленія, къ которому теперь примкнулъ Бѣлинскій, Герценомъ только укрѣпила Бѣлинскаго въ его тогдашнихъ воззрѣніяхъ; сблизился онъ съ Герценомъ лишь тогда, когда душевная перемѣна въ немъ уже завершилась. Эстетическое міроотношеніе смѣнилось широкимъ гуманно-политическимъ и „новому“ Бѣлинскому было стыдно вспоминать о „прежнемъ“ Бѣлинскомъ. Найдя однажды у Панаева на столѣ книжку „Отеч. Записокъ“, развернутую на статьѣ о Менцелѣ, Бѣлинскій внѣ себя швырнулъ книжку на полъ и сказалъ: „Что, вы это нарочно хотите поддразнивать меня, подсовывая мнѣ на глаза эту статью?“ Панаевъ едва его успокоилъ. Дѣятельность его теперь приняла общественный характеръ, и „Отечественныя Записки“ стали благодаря имени Бѣлинскаго благороднымъ поприщемъ, на которомъ подвизались лучшіе представители русскаго общества сороковыхъ годовъ. Въ этой плеядѣ Бѣлинскій былъ самой яркой звѣздой.

Внѣшнія условія жизни Бѣлинскаго измѣнились очень немного. Попрежнему онъ изнывалъ подъ бременемъ тяжелой срочной работы, которую наваливалъ на его плечи эксплуататоръ Краевскій, сущій „жидъ“, какъ называлъ его Бѣлинскій. Геніальный критикъ долженъ былъ разбирать все, что присылалось изъ редакціи: водевили, календари, сонники, сельско-хозяйственныя руководства. Бѣлинскій былъ вѣчно заваленъ грудами печатнаго матеріала. Ему приходилось вести полемику, слѣдя за всѣми выходками Греча, Булгарина, Сенковскаго съ братіей, писать большія крити-

ческія статьи и обзоры, поставлять рецензіи на все, что появлялось на книжномъ рынкѣ. При всей своей трудоспособности и усидчивости Бѣлинскій не былъ способенъ работать правильно, по стольку-то часовъ въ день, и трудился ненормально, урывками, такъ сказать „запоемъ“, надрывая такимъ образомъ свое и безъ того слабое здоровье. Тягость этого поистинѣ каторжнаго труда еще усиливалась внутренней борьбой, которая разрывала душу Бѣлинскаго, ломкой старыхъ воззрѣній и выработкой новыхъ, которая далась ему нелегко. Отзвуки этого настроенія слышатся часто въ его перепискѣ. Иногда онъ отказывался понимать существующее, и жизнь начинала казаться ему какой-то безобразной хаотической игрой, лишенной идеи и цѣли. „Жизнь—ловушка,—писалъ онъ однажды,—а мы—мыши; инымъ удается сорвать приманку и выйти изъ западни, но большая часть гибнетъ въ ней, а приманку въ ней развѣ понюхаетъ. Будемъ же пить и веселиться, если можемъ, нынѣшній день нашъ,—вѣдь нигдѣ на нашъ вопль нѣту отзыва! Живетъ одно общее, а мы—китайскія тѣни, волны океана—океанъ одинъ, а волнъ много было, много есть и много будетъ, и кому дѣло до той или другой? Да, жизнь игра въ банкъ; сорвалъ—твое, сорвали—бросайся въ рѣку, если боишься быть нищимъ“... Часто вдохновенно и съ жаромъ начатыя строки у него, въ концѣ-концовъ, какъ говорилъ онъ, „не вытанцовывались“, и онъ съ горечью въ душѣ перечитывалъ написанное: „ту же бы пѣсенку, да не такъ бы спѣлъ“. Сотрудничество Бѣлинскаго въ изданіяхъ Краевскаго началось съ напечатанной въ

„Литерат. Прибавл. къ Русс. Инвалиду" 1839 г., т. II, № 6, небольшой рецензіи на какую-то глупую книжонку „Новѣйшій и самый полный Астрономическій Телескопъ". „Отечественныя Записки" сначала расходились довольно слабо, что безпокоило Бѣлинскаго, уже привыкшаго въ Москвѣ къ обширной читательской аудиторіи. и онъ сталъ заботиться о „большой" публикѣ, жадно читавшей тогда Булгарина, Греча и Сенковскаго. Бѣлинскій признавалъ, что успѣху „Отеч. Записокъ" мѣшаютъ „Гречъ съ Булгаринымъ,—хвала и честь россійской публикѣ... Живя въ Москвѣ, я даже стыдился и говорить о Гречѣ, считая его призракомъ; но въ Питерѣ онъ авторитетъ больше Сенковскаго".

Предъ Бѣлинскимъ обрисовалась тяжелая задача—начать воспитаніе читателя съ самыхъ азовъ, завоевать себѣ публику,—и успѣхъ сикофантовъ литературы заставилъ его крѣпко призадуматься, отбросить аристократическія литературныя привычки кружка Станкевича, взяться за работу въ своемъ родѣ черную. Такой работой представлялась ему теперь журналистика. Онъ писалъ Боткину, „что для нашего общества журналъ все, и что нигдѣ въ мірѣ не имѣетъ онъ такого важнаго и великаго значенія, какъ у насъ... Журналъ поглотилъ теперь у насъ всю литературу; публика не хочетъ книгъ, хочетъ журналовъ,—и въ журналахъ печатаютъ цѣликомъ драмы и романы, а книжки журналовъ—каждая въ пудъ вѣсомъ. Теперь у насъ великую пользу можетъ приносить, для настоящаго, и еще больше для будущаго, каѳедра, но журналъ бо́льшую, ибо для нашего общества прежде науки нужна

человѣчность, гуманистическое образованіе". Такъ смотрѣлъ теперь Бѣлинскій на свое призваніе, видя въ немъ служеніе освобожденію и развитію личности. Его старая, „московская" вѣра рухнула непоправимо: все, что видѣлъ онъ вокругъ себя, противорѣчило теперь прежнему принципу, все звало къ борьбѣ и протесту.

Измѣнились и эстетическія воззрѣнія Бѣлинскаго; ему самому казалось страннымъ его прежнее требованіе отъ творчества невозмутимости и безстрастія. Въ 1843 г. онъ писалъ: „Духъ нашего времени таковъ, что величайшая творческая сила можетъ только изумить на время, если она ограничивается птичьимъ пѣніемъ, создаетъ себѣ свой міръ, не имѣющій ничего общаго съ философскою и историческою дѣйствительностью современности, если она воображаетъ, что земля недостойна ея, что ея мѣсто на облакахъ, что мірскія страданія и надежды не должны смущать ея таинственныхъ сновидѣній и поэтическихъ созерцаній! Свобода творчества легко согласуется съ служеніемъ современности: для этого не нужно принуждать себя писать на темы, насиловать фантазію; для этого нужно только быть гражданиномъ, сыномъ своего отечества, своей эпохи, усвоить себѣ его интересы, слить свои стремленія съ его стремленіями; для этого нужна симпатія, любовь, здоровое практическое чувство истины, которое не отдѣляетъ убѣжденій отъ дѣла, сочиненія отъ жизни". Наконецъ сознанный и твердо поставленный великій философскій и политическій принципъ блага личности уяснилъ Бѣлинскому настоящее его отношеніе къ дѣйствительности, и

искатель правды отвернулся отъ своего стараго гегельянства. „Я имѣю,—писалъ онъ,—особенно важныя причины злиться на Гегеля, ибо чувствую, что былъ вѣренъ ему (въ ощущеніи), мирясь съ расейскою дѣйствительностію, хваля Загоскина и подобныя гнусности и ненавидя Шиллера... Судьба субъекта, индивидуума, личности важнѣе судебъ всего міра... Мнѣ говорятъ: развивай всѣ сокровища своего духа для свободнаго самонаслажденія духомъ, плачь, дабы утѣшиться, скорби, дабы возрадоваться, стремись къ совершенству, лѣзь на верхнюю ступень лѣстницы развитія, а споткнешься,—падай, чортъ съ тобою... Благодарю покорно, Егоръ Өедорычъ [Гегель], кланяюсь вашему философскому колпаку; но со всѣмъ подобающимъ вашему философскому филистерству уваженіемъ честь имѣю донести вамъ, что если бы мнѣ и удалось взлѣзть на верхнюю ступень лѣстницы развитія,—я и тамъ попросилъ бы васъ отдать мнѣ отчетъ во всѣхъ жертвахъ условій жизни и исторіи, во всѣхъ жертвахъ случайностей, суевѣрія, инквизиціи, Филиппа II и пр. и пр.; иначе я съ верхней ступени бросаюсь внизъ головою. Я не хочу счастія и даромъ, если не буду спокоенъ насчетъ каждаго изъ моихъ братій по крови... Это, кажется, мое послѣднее міросозерцаніе, съ которымъ я и умру. Впрочемъ, я отъ этого страдаю, но не стыжусь этого... Годъ назадъ я думалъ діаметрально противоположно тому, какъ думаю теперь,—и, право, я не знаю, счастіе или несчастіе для меня то, что для меня думать и чувствовать, понимать и страдать—одно и то же".

Бѣлинскаго часто упрекали въ ренегатствѣ, „измѣнѣ убѣжденіямъ". Лучшій отвѣтъ на

такой упрекъ далъ онъ въ прекрасныхъ словахъ, сказанныхъ въ рецензіи на „Рѣчь о критикѣ“ А. В. Никитенки („Отеч. Записки“ 1842 г., № 9): „Подвинуться впередъ въ сознаніи, отъ низшей его ступени перейти къ высшей не значитъ измѣнять своимъ убѣжденіямъ. Убѣжденіе должно быть дорого потому только, что оно истинно, а не потому, что оно наше. Какъ скоро убѣжденіе человѣка перестало быть въ его разумѣніи истиннымъ, онъ уже не долженъ называть его своимъ: иначе онъ принесетъ истину въ жертву пустому, ничтожному самолюбію и будетъ называть „своимъ“ ложь. Людей послѣдняго разряда довольно на бѣломъ свѣтѣ; они заставляютъ себя насильно вѣрить тому, чему вѣрили прежде свободно, и чему теперь уже имъ не вѣрится. Они думаютъ унизиться, отказавшись отъ одного убѣжденія въ пользу другого, забывая, что это другое есть истина, и что истина выше человѣка. Другое дѣло переходить отъ убѣжденія къ убѣжденію вслѣдствіе внѣшнихъ расчетовъ, эгоистическихъ побужденій: это низко и подло“... „Талантъ, — говорилъ Бѣлинскій, — самъ по себѣ не рѣдкость; но онъ всегда былъ и будетъ рѣдкостью въ соединеніи съ страстнымъ убѣжденіемъ, съ страстной дѣятельностью, потому что только тогда онъ можетъ быть дѣйствительно полезенъ обществу. Что касается до вопроса, сообразна ли съ способностью страстнаго, глубокаго убѣжденія способность измѣнять его, онъ давно рѣшенъ для всѣхъ тѣхъ, кто любитъ истину больше себя и всегда готовъ пожертвовать ей своимъ самолюбіемъ“...

Гуманность озарила эстетическое пониманіе Бѣлинскаго, который говорилъ въ цитированной выше рецензіи: „Горько думать, что между людьми, при рожденіи помазанными свыше елеемъ вдохновенія, есть „птицы": они счастливы, если имъ поется, они выше человѣчества, выше своихъ страждущихъ братій, тщетно обращающихъ къ нимъ полныя мольбы и ожиданія очи; они живутъ въ себѣ, они въ душѣ своей умѣютъ находить радости и утѣшенія и этотъ опоэтизированный эгоизмъ называютъ жизнью въ непреходящемъ и вѣчномъ, чуждомъ мелкой современности... Искусство подчинено, какъ и все живое и абсолютное, процессу историческаго развитія; искусство нашего времени есть выражене, осуществлене въ изящныхъ образахъ современнаго сознанія, современной думы о значеніи и цѣли жизни, о путяхъ человѣчества, о вѣчныхъ истинахъ бытія... Многіе изъ эгоистическаго и малодушнаго чувства сдѣлали себѣ начало, доктрину, правило жизни, наконецъ догматъ высокой мудрости. Они имъ горды, они съ презрѣніемъ смотрятъ на міръ... Къ этому еще присоединилась обаятельная сила нѣмецкихъ воззрѣній на искусство, въ которыхъ дѣйствительно много глубокости, истины и свѣта, но въ которыхъ также много и нѣмецкаго, филистерскаго, аскетическаго, антиобщественнаго. Что же изъ этого должно было выйти? — Гибель талантовъ, которые при другомъ направленіи оставили бы по себѣ въ обществѣ яркіе слѣды своего существованія, могли бы развиваться, идти впередъ, мужать въ силахъ... Въ наше время талантъ, въ чемъ бы ни проявлялся — въ практической

ли общественной дѣятельности, или въ наукѣ и искусствѣ, долженъ быть добродѣтелью, или гибнуть въ себѣ самомъ и черезъ себя самого"... Этимъ воззрѣніямъ на жизнь и искусство Бѣлинскій не измѣнилъ до могилы.

Съ этого времени значеніе Бѣлинскаго окончательно опредѣляется и все болѣе и болѣе возрастаетъ. Все лучшее въ Россіи становится его публикой, и имя Бѣлинскаго дѣлается своего рода лозунгомъ мыслящей Россіи. Герценъ въ своихъ воспоминаніяхъ „Былое и думы" далъ прекрасную характеристику Бѣлинскаго этой эпохи: „Въ рядѣ критическихъ статей онъ кстати и некстати касается всего, вездѣ вѣрный своей ненависти къ авторитетамъ, часто подымаясь до поэтическаго одушевленія. Разбираемая книга служила ему по большей части матеріальной точкой отправленія: на полдорогѣ онъ бросалъ ее и впивался въ какой-нибудь вопросъ... Какая вѣрность своимъ началамъ, какая неустрашимая послѣдовательность, ловкость плаванія между цензурными отмелями, и какая смѣлость въ нападкахъ на литературную аристократію, на писателей первыхъ трехъ классовъ, на статсъ-секретарей литературы, готовыхъ взять противника не мытьемъ, такъ катаньемъ, не антикритикой, такъ доносомъ. Бѣлинскій стегалъ ихъ безпощадно, терзая мелкое самолюбіе ченорныхъ, ограниченныхъ творцовъ эклогъ, любителей образованія, благотворительности и нѣжностей; онъ отдавалъ на посмѣяніе ихъ дорогія задушевныя мысли, ихъ поэтическія мечтанія, цвѣтущія подъ сѣдинами, ихъ наивность, прикрытую лентой. Какъ же за это его и ненавидѣли!.. Статьи Бѣлинскаго судо-

ровно ожидались въ Москвѣ и Петербургѣ съ 25-го числа каждаго мѣсяца. Пять разъ хаживали студенты въ кофейныя спрашивать, получены ли „О. З.“, тяжелый № рвали изъ рукъ въ руки: „есть Бѣлинскаго статья?“ Есть — и она поглощалась съ лихорадочнымъ сочувствіемъ, со смѣхомъ, со спорами... и трехъ-четырехъ вѣрованій, уваженій какъ не бывало“... Статьи Бѣлинскаго подняли „Отеч. Записки“ на неслыханную высоту; ни до того, ни впослѣдствіи ни одинъ журналъ не игралъ такой важной общественной роли въ исторіи развитія русской мысли. Безжалостно эксплуатируемый Краевскимъ, еще безжалостнѣе урѣзываемый цензурою, Бѣлинскій работалъ не покладая рукъ; единственная выгода его положенія заключалась только въ той свободѣ, которую онъ выговорилъ себѣ у Краевскаго, беззаботнаго насчетъ направленія и думавшаго только о матеріальномъ успѣхѣ журнала. Еще у Краевскаго Бѣлинскій прославлялъ дѣйствительность, и издатель ему не мѣшалъ; не мѣшалъ онъ ему и тогда, когда Бѣлинскій отрекся отъ своихъ прежнихъ взглядовъ; онъ предоставлялъ Бѣлинскому работать и работать. „Рука отекла отъ писанья, — жаловался однажды Бѣлинскій Панаеву, — я часовъ восемь писалъ сряду, не вставая. Говорятъ, я самъ виноватъ, потому что откладываю писанье свое до послѣднихъ дней мѣсяца. Можетъ быть, это отчасти и правда, но взгляните, ради Бога, сколько книгъ мнѣ присылаютъ... И какія еще книги — посмотрите: азбуки, грамматики, сонники, гадательныя книжонки! И я долженъ хоть по нѣскольку словъ написать объ каждой изъ этихъ книжонокъ!..“

Не разъ приходилось ему приниматься за статью „подъ вліяніемъ вдохновительной и поощрительной мысли, что ее всю изрѣжутъ и исковеркаютъ. Все это и другія причины огадили мнѣ русскую литературу и вранье о ней сдѣлали пыткою". Но для великаго литератора въ этой пыткѣ было наслажденіе: „Ужъ и 15-ое число на дворѣ, Краевскій рычитъ, у меня въ головѣ ни полмысли; не знаю, какъ начну, что скажу; беру перо, и статья будетъ готова, — какъ, не знаю, но будетъ готова". Эти слова проливаютъ свѣтъ на творческую работу Бѣлинскаго. Онъ менѣе всего былъ способенъ спокойно излагать свои мысли. Лучшія его статьи—импровизаціи, что видно по ихъ страстному, порывистому тону. Онъ мыслилъ съ перомъ въ рукѣ, и блестящія идеи приходили къ нему такъ, какъ риѳмы къ Пушкину: „двѣ придутъ сами, третью приведутъ", словно какой-то даръ свыше. Страстная жажда высказываться мучила его, и не разъ пустѣйшая книжонка или глупая статья срывала съ его пера полныя огня и вдохновенія строки.

Бѣлинскому тяжело было сознавать, что въ современномъ ему обществѣ такъ мало развито чувство общественности, а „безъ общества, — писалъ онъ, — нѣтъ ни дружбы, ни любви, ни духовныхъ интересовъ, а есть только порыванія ко всему этому, порыванія неровныя, безсильныя, безъ достиженія, болѣзненныя, недѣйствительныя. Вся наша жизнь, наши отношенія служатъ лучшимъ доказательствомъ этой горькой истины. Общество живетъ извѣстною суммой извѣстныхъ принциповъ. Ученые профессора наши—педанты, гниль обще-

ства; полуграмотный купецъ Полевой даетъ толчокъ обществу, дѣлаетъ эпоху въ его литературѣ и жизни, а потомъ вдругъ... отступаетъ... Не знаю, имѣю ли я право упомянуть тутъ и о себѣ, но вѣдь и обо мнѣ говорятъ же, меня знаютъ многіе, кого я не знаю... Я понимаю Гете и Шиллера лучше тѣхъ, которые знаютъ ихъ наизусть, а не знаю по-нѣмецки. Такъ повинить ли мнѣ себя? О нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Мнѣ кажется, дай мнѣ свободу дѣйствовать для общества хоть на десять лѣтъ... и я, можетъ быть, въ три года возвратилъ бы мою потерянную молодость... полюбилъ бы трудъ, нашелъ бы силу воли. Да, въ иныя минуты я глубоко чувствую, что это—свѣтлое сознаніе своего призванія, а не голосъ мелкаго самолюбія, которое силится оправдать свою личность, апатію, слабость воли, безсиліе и ничтожность натуры... Я теперь забился въ одну идею, которая поглотила и пожрала меня всего... Я весь въ идеѣ гражданской доблести, весь въ паѳосѣ правды и чести и мимо ихъ мало замѣчаю какое бы то ни было величіе... Во мнѣ развилась какая-то фанатическая любовь къ свободѣ и независимости человѣческой личности, которая возможна только при обществѣ, основанномъ на правдѣ и доблести... Я все болѣе и болѣе гражданинъ вселенной. Безумная жажда любви все болѣе и болѣе пожираетъ мою внутренность, тоска тяжелѣе и упорнѣе. Личность человѣческая сдѣлалась пунктомъ, на которомъ я боюсь сойти съ ума. Я начинаю любить человѣчество маратовски: чтобы сдѣлать счастливою малѣйшую часть его, я, кажется, огнемъ и мечомъ истребилъ бы остальную".

„Соціальность—вотъ девизъ мой,—писалъ онъ Боткину.—Что мнѣ въ томъ, что живетъ общее, когда страдаетъ личность? Что мнѣ въ томъ, что геній на землѣ живетъ въ небѣ, когда толпа валяется въ грязи? Что мнѣ въ томъ, что я понимаю идею, что мнѣ открытъ міръ идей въ искусствѣ, въ религіи, въ исторіи, когда я не могу этимъ дѣлиться со всѣми, кто долженъ быть моими братьями по человѣчеству, моими ближними во Христѣ, но кто мнѣ чужіе и враги по своему невѣжеству? Что мнѣ въ томъ, что для избранныхъ есть блаженство, когда большая часть и не подозрѣваетъ его возможностей? Прочь отъ меня блаженство, если оно достояніе мнѣ одному изъ тысячъ!.. Не хочу я его, если оно у меня не общее съ меньшими братьями моими! Сердце мое обливается кровью и судорожно содрогается при взглядѣ на толпу и ея представителей... И это общество, на разумныхъ началахъ существующее,—явленіе дѣйствительности! И послѣ этого имѣетъ ли право человѣкъ забываться въ искусствѣ, въ знаніи!“ Въ 1841 г. Бѣлинскій писалъ одному изъ друзей: „Я уже не та экстатическая, прекрасная душа, которая, обливаясь кровавыми слезами, измучеванная внутренними и внѣшними бѣдами, оскорбленная въ самыхъ законныхъ и святыхъ стремленіяхъ и желаніяхъ, клялась и увѣряла всѣхъ и каждаго, а вмѣстѣ и себя, что жизнь—блаженство, и что лучше жизни нѣтъ ничего на свѣтѣ. Опытъ сорвалъ покровъ съ жизни,—и я увидѣлъ румяна на очаровательныхъ щекахъ этого призрака, увидѣлъ, что объ руку съ нимъ идетъ смерть и тлѣніе,—противорѣчіе. Она хороша для тѣхъ, для кого хороша,

и только на то время, когда хороша. Для меня она никогда не была добра, и я безкорыстно курилъ ей оиміамъ, какъ Донъ-Кихотъ своей Дульцинеѣ"... И въ Бѣлинскомъ зрѣла рѣшимость на борьбу съ жизнью, представшей передъ нимъ въ своей неприглядной наготѣ; темпераментъ бойца разгорался: „Пусть бьетъ она (жизнь) меня, но я буду знать, кто и что она, и на удары буду отвѣчать проклятіями: это лучше, чѣмъ позволить ей спеленать себя и убаюкивать какъ ребенка. Гете сравнилъ мужа съ кораблемъ, презирающимъ ярость волнъ и бури, — прекрасное сравненіе! Такъ вонъ же изъ мирной и тихой пристани, гдѣ только плѣсень зеленая, тина мягкая да квакающія лягушки, дальше отъ нихъ, туда, гдѣ только волны да небо,—предательскія волны, предательское небо! Конечно, разсудокъ говоритъ, что гдѣ бы ни утонуть,—все равно, но я лучше хотѣлъ бы утонуть въ морѣ, чѣмъ въ лужѣ. Море—это дѣйствительность; лужа—это мечты о дѣйствительности".

Дѣятельность Бѣлинскаго была теперь отдана всецѣло „Отечеств. Запискамъ", изъ которыхъ онъ сдѣлалъ свой боевой журналъ, въ чемъ ему не мѣшалъ разсчетливый Краевскій. Весь интересъ къ этому журналу основывался на отдѣлѣ литературной критики. Бѣлинскій давалъ тонъ всему журналу, къ участію въ которомъ привлекъ своихъ московскихъ друзей. Встрѣчаясь теперь съ нѣкоторыми изъ своихъ прежнихъ противниковъ, Бѣлинскій становился ихъ сторонникомъ. Онъ опять очутился въ центрѣ кружка, состоявшаго изъ лучшихъ людей сороковыхъ годовъ, какъ Герценъ, Анненковъ, Боткинъ, Грановскій. „Въ

теоретическомъ содержаніи новаго кружка, — говоритъ Пыпинъ, — соединились стремленія двухъ прежнихъ, изъ которыхъ онъ составился: одни были гегеліанцы и эстетики; другіе издавна увлекались общественными идеями и соціальной литературой. Теперь эти разныя изученія слились какъ двѣ стороны одного вопроса. Для Бѣлинскаго соціальная идея, достоинство и право личности становится краеугольнымъ камнемъ его взглядовъ на „дѣйствительность“; Герценъ, въ свою очередь, съ ревностью изучаетъ Гегеля, въ свою очередь, увлекается его грандіозными построеніями, въ которыхъ часто находитъ геніальную фантазію, и не находитъ опроверженія своимъ соціальнымъ идеямъ, какъ это думали прежде его противники... Подъ вліяніемъ общихъ изученій, споровъ и бесѣдъ, съ новыми явленіями русской литературы, съ новымъ вниманіемъ къ русской дѣйствительности, у друзей кружка образовался тотъ взглядъ на вещи, который остался его исторической заслугой въ развитіи общественныхъ понятій. Этотъ взглядъ далеко расходился съ преданіями и господствующими понятіями; основою его была мысль о необходимости преобразованія“. Высокій литературный и этическій уровень „Отеч. Записокъ“ почти мимоходомъ, но безповоротно сокрушилъ въ глазахъ широкой публики мнимые авторитеты Полевого, Греча, Сенковскаго и Булгарина.

Изъ крупныхъ статей Бѣлинскаго, появившихся въ первое время его участія въ „Отечеств. Записк.“, нужно отмѣтить прежде всего напечатанное въ № 3 журнала 1841 г. „Раздѣленіе поэзіи на роды и виды“. Это

была первая попытка осуществить занимавшее Бѣлинскаго и такъ и не осуществившееся намѣреніе написать теоретическій и критическій курсъ русской литературы. Редакція заявила въ особомъ примѣчаніи къ статьѣ, что Бѣлинскій, „любя отечественную словесность и будучи съ давнихъ поръ внимательнымъ наблюдателемъ ея хода и имѣя достаточный запасъ свѣдѣній по этой части, можетъ, повидимому, надѣяться, что трудъ его будетъ не совсѣмъ неудаченъ, хотя и представитъ собою рѣшительно первый опытъ подобнаго сочиненія на русскомъ языкѣ. Сверхъ изложенныхъ причинъ, его побудило приступить къ этому труду и желаніе представить публикѣ, въ особой книгѣ и въ систематическомъ изложеніи, сводъ своихъ идей объ изящномъ и о русской литературѣ, разсѣянныхъ по статьямъ его въ разныхъ журналахъ,—идей, по крайней мѣрѣ, оригинальныхъ и совершенно отличныхъ отъ всѣхъ, доселѣ обращавшихся въ нашей литературѣ... Книга выйдетъ въ началѣ слѣдующаго 1842 г. и будетъ состоять изъ тридцати листовъ компактнаго изданія... Издателемъ вызвался быть одинъ изъ петербургскихъ книгопродавцевъ". Но книга эта не появилась, хотя, судя по различнымъ приступамъ къ большой, цѣльной подобной работѣ, изъ которыхъ самымъ рѣшительнымъ являются статьи о Пушкинѣ, Бѣлинскій былъ какъ нельзя лучше подготовленъ къ своей задачѣ, и книга его представляла бы высокій интересъ, если не научно-историческій, то эстетическій. Сообщая Боткину о недостаткахъ предпринимаемаго опыта, Бѣлинскій писалъ: „Если я не дамъ теоріи поэзіи, то убью старыя, убью на-

новалъ наши риторики, піитики и эстетики“. Бѣлинскій дѣйствительно „убилъ“ старую эстетику, но, конечно, не историческимъ курсомъ, которому не суждено было выйти, а всей своею критической дѣятельностью. О характерѣ задуманнаго труда можно судить по слѣдующимъ строкамъ, извлеченнымъ изъ одного отрывка: „Всѣ явленія природы суть не что иное, какъ частныя и особныя проявленія общаго. Общее есть идея... Идеи суть матери жизни, ея субстанціальная сила и содержаніе, тотъ неизсякаемый резервуаръ, изъ котораго немолчно текутъ волны жизни. Идея по существу своему есть общее, ибо она не принадлежитъ ни извѣстному времени ни извѣстному пространству; переходя въ явленіе, она дѣлается особнымъ, индивидуальнымъ, личнымъ. Вся лѣстница творенія есть не что иное, какъ обособленіе общаго въ частное явленіе общаго частнымъ“. Искусство Бѣлинскій опредѣлялъ какъ „непосредственное созерцаніе истины или мышленіе въ образахъ“ и видѣлъ въ развитии этого опредѣленія искусства всю теорію искусства. Это геніальное опредѣленіе вошло въ литературную теорію и литературное сознаніе и стало критическимъ мѣриломъ.

Въ появившейся въ № 4 „Отеч. Записокъ“ 1841 г. статьѣ „Россія до Петра Великаго“ находимъ начало полемики съ славянофилами, такъ спокойно мирившимися съ той самой дѣйствительностью, которую Бѣлинскій горячо ненавидѣлъ и презиралъ, и обзывавшими „гнилью“ европейскую культуру, къ которой теперь такъ страстно привязался Бѣлинскій. Въ первомъ же № появившагося въ 1841 г. славянофильскаго органа, „Москвитянина“,

Шевыревъ торжественно провозгласилъ, что величіе пало лишь на долю Востока, а Западъ объятъ гніеніемъ. Вскорѣ „Москвитянинъ" прямо напалъ на „Отеч. Зап." и Бѣлинскаго, который не остался въ долгу, и съ этихъ поръ разладъ между Бѣлинскимъ и славянофилами только усиливался. Если къ славянофиламъ и примыкали такія личности, какъ Конст. Аксаковъ, котораго любили и Бѣлинскій и Герценъ, то это не могло измѣнить отношенія Бѣлинскаго къ людямъ, которые ненавидѣли Западъ и его культуру,—какъ разъ то, чѣмъ дышалъ Бѣлинскій, среди которыхъ были Погодинъ, считавшій Бѣлинскаго „дрянью и сволочью", и Мих. Дмитріевъ, способный прибѣгнуть въ борьбѣ съ идейнымъ противникомъ къ „юридической бумагѣ", какъ назывались тогда, не безъ иронической деликатности, доносы. Нечего уже говорить объ идейномъ разномысліи, которое заставляло Бѣлинскаго называть себя „жидомъ" и брезгливо отворачиваться отъ „филистимлянъ". Въ 1842 г. полемика еще сильнѣе обострилась. Въ первой книгѣ „Москвитянина" 1842 г. Шевыревъ напалъ на Бѣлинскаго какъ на одного изъ представителей „черной стороны" литературы и изобразилъ его какимъ-то проходимцемъ, „челядинцемъ, кондотьери" Краевскаго, „безыменнымъ рыцаремъ", „литературнымъ бобылемъ", „закованнымъ въ броню наглости", „съ мѣднымъ лбомъ", стремящимся къ опустошенію „кармановъ съ помощью литературы". Бѣлинскій отвѣтилъ на этотъ озлобленный вздоръ, да еще окрашенный въ „голубой" цвѣтъ, какъ выразился князь В. Ѳ. Одоевскій, намекая на элементъ доноса въ статьѣ Шевырева, статьей „Педантъ,

литературный типъ". Признавая въ Шевыревѣ человѣка „со вкусомъ, умомъ и дарованіемъ", Бѣлинскій нападалъ на него за то, „что онъ принимаетъ подъ свое критическое покровительство все бездарное и ложно-моральное и наповалъ бранитъ все, въ чемъ есть душа, жизнь, талантъ", за то, что у него „критика похожа на позывъ къ отвѣту за дѣланіе фальшивой монеты". Когда Грановскій напечаталъ одну свою статью въ „Москвитянинѣ", Бѣлинскій отказался ее читать, говоря: „Я не люблю видѣться съ друзьями въ неприличныхъ мѣстахъ". Исповѣдуя „офиціальную народность", издатели „Москвитянина" считали западниковъ врагами основныхъ началъ русской государственности. Славянофиламъ Петръ Великій былъ ненавистенъ, какъ создатель „Петербургскаго періода", направившій народъ на „ложный" путь; въ глазахъ Бѣлинскаго Петръ тѣмъ и былъ великъ, что осуществилъ таившуюся въ народѣ потенцію, претворилъ скрытую силу въ возможность и, стало-быть, былъ органически народенъ. Смиреніе и послушаніе, великія добродѣтели, проповѣдуемыя славянофилами, были не въ духѣ протестанта Бѣлинскаго. Попавъ въ 1846 году въ Крымъ, онъ нашелъ, что бараны, верблюды и татары, какъ шутилъ онъ въ письмѣ къ Герцену, „смотрятъ рѣшительно славянофилами, своего мнѣнія не имѣютъ, буйной воли и буйнаго разума боятся пуще чумы и безконечно уважаютъ старшаго въ родѣ, т.-е. татарина; принципъ смиренія и кротости постигнутъ ими въ совершенствѣ, и на этотъ счетъ они могли бы проблеять что-нибудь поинтереснѣе того, что блеетъ Шевырко и вся почтен-

ная славянофильская братія". Кое-что цѣнное и вѣрное, что было въ ученіи славянофиловъ, Бѣлинскій сумѣлъ понять. „Славянофилы правы во многихъ отношеніяхъ, — писалъ онъ, — но, тѣмъ не менѣе, роль ихъ чисто отрицательная, хотя и полезная на время. Главная причина ихъ странныхъ выводовъ заключается въ томъ, что они произвольно упреждаютъ время, процессъ развитія принимаютъ за его результатъ. Каковы бы ни были ихъ понятія или, по-нашему, ошибки и заблужденія, мы уважаемъ ихъ источникъ. Да, въ русскихъ есть національная жизнь; мы призваны сказать міру свое слово, свою мысль, но какое это слово, какая это мысль, объ этомъ пока еще рано намъ хлопотать. Въ чемъ состоитъ эта русская національность, этого пока еще нельзя опредѣлить; для насъ пока довольно того, что элементы ея уже начинаютъ пробиваться и обнаруживаться сквозь безцвѣтность и подражательность, въ которыя ввергла насъ реформа Петра Великаго. Мы, наконецъ, поняли, что у Россіи была своя исторія, нисколько не похожая на исторію ни одного европейскаго государства, и что ее должно изучать... Славянофильство, безъ всякаго сомнѣнія, касается самыхъ жизненныхъ, самыхъ важныхъ вопросовъ нашей общественности", съ удивительной критической тонкостью говорилъ Бѣлинскій, отмѣчая заслугу въ самой постановкѣ вопросовъ гражданскаго быта, которые занимали славянофиловъ. Западомъ слѣпо Бѣлинскій не увлекался, и равнодушно-гуманный космополитизмъ не нашелъ въ немъ сторонника. „Народности, — писалъ Бѣлинскій, — суть личности человѣчества; въ отношеніи къ этому

вопросу я скорѣе готовъ перейти на сторону славянофильства, нежели оставаться на сторонѣ гуманистическихъ космополитовъ. Къ счастью, я надѣюсь остаться на своемъ мѣстѣ, не переходя ни къ кому. Пора намъ перестать восхищаться европейскимъ потому только, что оно не азіатское, но любить, уважать его потому, что оно человѣческое, и на этомъ основаніи все европейское, въ чемъ нѣтъ человѣческаго, отвергать съ такой же энергіей, какъ и все азіатское, въ чемъ нѣтъ человѣческаго". Борьба Бѣлинскаго съ славянофилами немало содѣйствовала благимъ перемѣнамъ въ самомъ славянофильствѣ, вскорѣ сбросившемъ варварскую окраску „Москвитянина", обскурантизмъ и высокомѣріе, и ставшемъ гуманнѣе и чище.

VI.

Крупная перемѣна произошла въ жизни Бѣлинскаго въ 1843 году: онъ женился. Робкій, застѣнчивый, Бѣлинскій терялся въ женскомъ обществѣ, сторонился женщинъ и любилъ выставлять себя свирѣпымъ женоненавистникомъ. А на самомъ дѣлѣ едва ли кто-нибудь такъ тосковалъ по женской любви и ласкѣ, какъ Бѣлинскій. Взглядъ его на женщину былъ серьезенъ и высокъ. Въ одномъ изъ писемъ къ Боткину онъ разсказываетъ о дѣвушкѣ, которую видалъ когда-то, и въ которой воплощался его идеалъ женщины: „Лучшей я не встрѣчалъ; красота, грація, женственность, гуманизмъ, доступность изящному и всему человѣческому въ жизни и въ искусствѣ, стыдливость, готовность скорѣе умереть, чѣмъ перенести безчестіе, способность къ простой,

дѣтской, но безконечной преданности къ избранному, — вотъ стихіи, изъ которыхъ она была составлена, и лучше этого ничего нельзя вообразить". И Бѣлинскій самъ признавался, что его мучила „мечта о любви и женщинѣ". Мечты о любимой женщинѣ особенно возвышали его общій взглядъ на женщину. Тургеневъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Бѣлинскомъ разсказываетъ объ его „благородныхъ, чистыхъ воззрѣніяхъ на женщинъ вообще и въ особенности на русскихъ женщинъ, на ихъ положеніе, на ихъ будущность, на ихъ неотъемлемыя права, на недостаточность ихъ воспитанія. Уваженіе къ женщинамъ, признаніе ихъ свободы, ихъ не только семейнаго, но и общественнаго значенія сказываются у него всюду, гдѣ только онъ касается этого вопроса". „Мы въ дѣлѣ женщинъ, — говоритъ Бѣлинскій, ушли не дальше индѣйцевъ и турокъ... Получая воспитаніе хуже, чѣмъ жалкое и ничтожное, хуже, чѣмъ превратное и неестественное, скованныя по рукамъ и ногамъ желѣзнымъ деспотизмомъ варварскихъ обычаевъ и приличій, жертвы чуждой, безусловной власти всю жизнь свою, до замужества—рабы родителей, послѣ замужества — вещи мужей, считая за стыдъ и за грѣхъ предаться вполнѣ какому-нибудь нравственному интересу, напримѣръ, искусству, наукѣ,—онѣ, эти бѣдныя женщины, всѣ запрещенныя имъ коранами общественнаго мнѣнія блага жизни хотятъ, во что бы то ни стало, найти въ одной любви и, разумѣется, почти всегда горько и страшно разочаровываются въ своей надеждѣ. Бѣдная, для нея въ этомъ столько счастья, тогда какъ только Маниловъ-мужчина способенъ найти въ этомъ

все свое счастье"... Этотъ взглядъ на женщину Бѣлинскій внесъ въ свои собственный романъ, и исторія его отношеній къ той, которая стала его женою, является одною изъ самыхъ прекрасныхъ, трогательныхъ страницъ его біографіи.

Еще въ 1835 г., въ Москвѣ, Бѣлинскій познакомился съ Марьей Васильевной Орловой, классной дамой Екатерининскаго института. Орлова родилась въ 1812 г., окончила курсъ первою, съ медалью, въ Александровскомъ институтѣ; она была очень хороша собою. По окончаніи курса она осталась пепиньеркою при институтѣ, а въ 1835 г. поступила на службу въ Екатерининскій институтъ. Познакомившись съ нею, Бѣлинскій часто навѣщалъ ее; она производила на него сильное впечатлѣніе, и, оставивъ Москву, Бѣлинскій унесъ съ собою ея образъ, который, быть-можетъ, отразился въ нарисованной имъ въ цитированномъ письмѣ къ Боткину идеальной женщинѣ. Лѣто 1843 года Бѣлинскій провелъ въ Москвѣ, часто встрѣчался съ Орловой, и прежнее чувство ярко разгорѣлось въ его душѣ. Весь сентябрь и октябрь Бѣлинскій буквально забрасывалъ Марью Васильевну страстными письмами, полными любви и тоски. По своему высокому паѳосу, чистотѣ и искренности чувства эти письма мѣстами звучатъ настоящей любовной лирикой. Въ нихъ нѣтъ и тѣни сомнѣнія въ силахъ, страха передъ жизнью, обычной робости Бѣлинскаго: тонъ ихъ нѣженъ, но настойчивъ; въ нихъ слышится властное, жадное требованіе личнаго счастья. „Я разорванъ пополамъ, — писалъ онъ уже въ первомъ письмѣ, — и чувствую

что недостаетъ цѣлой половины меня самого, что жизнь моя неполна, и что я тогда только буду жить, когда вы будете со мною, подлѣ меня. Бываютъ минуты страстнаго, тоскливаго стремленія къ вамъ. Вотъ полетѣлъ бы хотя на минуту, крѣпко-крѣпко пожалъ бы вамъ руку, тихо сказалъ бы вамъ на ухо, какъ много я люблю васъ, какъ пуста и безсмысленна для меня жизнь безъ васъ. Нѣтъ, нѣтъ, скорѣе, скорѣе, или я съ ума сойду". Въ слѣдующій разъ онъ пишетъ: „Храни васъ Господь! Пусть добрые духи окружаютъ васъ днемъ, нашептываютъ вамъ слова любви и счастья, а ночью посылаютъ вамъ хорошіе сны. А я, я хотѣлъ бы теперь хотя на минуту увидать васъ, долго, долго посмотрѣть вамъ въ глаза, обнять ваши колѣна и поцѣловать край вашего платья. Но нѣтъ, лучше дольше, какъ можно дольше не видѣться совсѣмъ, нежели увидѣться на одну только минуту и вновь разстаться, какъ мы уже разстались разъ. Простите меня за эту болтовню; грудь моя горитъ, на глазахъ накипаетъ слеза... Въ мечтахъ я лучше говорю съ вами, чѣмъ на письмѣ, какъ нѣкогда заочно я лучше говорилъ съ вами, чѣмъ при свиданіяхъ. Что-то теперь Сокольники? Что завѣтная дорожка, зеленая скамеечка, великолѣпная аллея? Какъ грустно вспоминать обо всемъ этомъ, и сколько отрады и счастья въ грусти этого воспоминанія!" 20 сентября Бѣлинскій писалъ невѣстѣ: „Я надѣюсь, что мы будемъ счастливы, но рѣшеніе на этотъ вопросъ можетъ дать ни надежда, ни предчувствіе, ни разсчетъ, а только сама дѣйствительность. И потому пойдемъ впередъ безъ оглядокъ и будемъ готовы

на все: быть человѣчески достойными счастья, если судьба дастъ намъ его; съ достоинствомъ по-человѣчески нести несчастье, въ которомъ никто изъ насъ не будетъ виноватъ. Кто не стремится, тотъ и не достигаетъ: кто не дерзаетъ, тотъ и не получаетъ. Вы больны,—это правда, но вѣдь и я боленъ; я былъ бы въ тягость здоровой женѣ, которая не знала бы по себѣ, что такое страданіе. Какъ добрые друзья будемъ подавать другъ другу лѣкарства, и онѣ не такъ горьки будутъ намъ казаться. Дайте мнѣ вашу руку, мой добрый, милый другъ, то опираясь на нее, то поддерживая ее, я готовъ идти по дорогѣ моей жизни, съ надеждой и бодро. Я вѣрю, что чувствовать подлѣ своего сердца такое сердце, какъ ваше, быть любимымъ такой душой, какъ ваша, есть не наказаніе, а награда выше мѣры и заслуги".

Бѣлинскому, какъ Пушкину, было противно все, что связано съ офиціальнымъ „жениховствомъ", съ публичной оглаской того, что составляетъ высокое духовное таинство: фракъ, бѣлый жилетъ, офиціальныя улыбки, любезности и поздравленія, — „вся эта дрянь" наводила на Бѣлинскаго ужасъ; онъ видѣлъ въ этомъ „униженіе и позоръ китайскихъ и тибетскихъ обычаевъ", глубоко чувствовалъ „позоръ подчиненія законамъ подлой, безсмысленной и презираемой толпы". Поступить иначе значило, по мнѣнію Бѣлинскаго, поступить вопреки своимъ убѣжденіямъ, а этого сдѣлать онъ органически не могъ. Влюбленный женихъ предлагалъ невѣстѣ пріѣхать къ нему и обвѣнчаться въ Петербургѣ безъ всякихъ церемоній, безъ родственныхъ поздравленій и

прочей „китайщины", примириться съ которой никакъ не могъ. „Я съ дѣтства моего считалъ за пріятнѣйшую жертву для Бога истины и разума — плевать въ рожу общественному мнѣнію тамъ, гдѣ оно глупо или подло, или то и другое вмѣстѣ; поступить наперекоръ ему, когда есть возможность достигнуть той же цѣли тихо и скромно, для меня божественное наслажденіе". Марья Васильевна долго боролась, очевидно, подъ вліяніемъ родныхъ, которымъ нарушеніе патріархальныхъ традицій казалось едва ли не страшнѣе, чѣмъ Бѣлинскому подчиненіе „китайщинѣ", и въ глазахъ которыхъ свадьба безъ шампанскаго и поздравленій не была „настоящей" свадьбой. Для Бѣлинскаго „союзъ брачный долженъ быть чуждъ всякой публичности, это дѣло касается только двоихъ, больше никого"; онъ просилъ невѣсту стряхнуть съ себя иго „подлыхъ обычаевъ" и, невзирая на родственные страхи, свершить это столь ужасное въ глазахъ институтской классной дамы сороковыхъ годовъ дѣло — пріѣхать къ жениху и скромно обвѣнчаться съ нимъ. Бѣлинскій уговаривалъ ее: „Я глубоко скорблю и глубоко страдаю отъ мысли, что вы не поймете моего отвращенія къ позорнымъ приличіямъ и шутовскимъ церемоніямъ. Вы пишете, что теперь поняли всю дикость нашего общества и проч. Знаете ли, что вѣдь ваши слова не болѣе, какъ слова, слова, слова... Ибо они не оправдываются дѣломъ. Общество улучшается черезъ благороднѣйшихъ своихъ представителей, и вѣдь кому-нибудь надо же начинать. Вы похожи на раба-отпущенника, который хотя и знаетъ, что его бывшій ба-

ринъ уже не имѣетъ надъ нимъ никакой власти, но все, по старой привычкѣ, почтительно снимаетъ передъ нимъ шапку и робко потупляетъ передъ нимъ глаза. Вы, которая такъ умѣете чувствовать, понимать и любить, вамъ ли быть рабою мнѣній дикой толпы? Вамъ ли имѣть такъ мало силы, характера и воли и дрожать призраковъ и тѣней, которые пугаютъ только глупцовъ? О нѣтъ, я увѣренъ, что это только непривычка къ новымъ мыслямъ. Вамъ Богъ далъ столько ума: зачѣмъ же ему ограничиться одной теоріей и не перейти въ жизнь, дабы самымъ дѣломъ служить Господу и хвалить Его? Мнѣ далъ васъ Богъ, и потому я хочу, чтобы вы были моею не только передъ людьми и свѣтомъ, но и передъ Богомъ, а это возможно только тогда, когда вы и чувствомъ, и словомъ, и дѣломъ вмѣстѣ со мною станете передъ Нимъ на колѣна... Вопреки первой заповѣди вы сотворили себѣ кумиръ, и изъ чего же?—Изъ презираемыхъ вами мнѣній презираемой вами толпы. Вы чувствуете одно; вѣруете одному, а дѣлаете другое. А это невеликодушно и неблагородно. Это значитъ молиться Богу своему втайнѣ, а въявь приносить жертвы идоламъ". Наконецъ, Орлова сдалась и пріѣхала въ Петербургъ; въ началѣ ноября Бѣлинскій сталъ семьяниномъ.

Какъ таилъ Бѣлинскій свои чувства, какъ стыдился онъ высказывать ихъ, говорить о нихъ, видно изъ словъ близко знавшаго его Тургенева, который категорически заявилъ: „Бракъ свой онъ заключилъ не по страсти". Если и были въ семейной жизни этихъ людей, больныхъ и нервныхъ, нѣкоторые нелады, то конечно, они не могли еще отравить ихъ

счастья, основывавшагося на прочномъ фундаментѣ взаимной любви, уваженія и пониманія. Все, что мы знаемъ изъ писемъ самого Бѣлинскаго объ его домашнемъ очагѣ, говоритъ, что у этого очага ему было хорошо и тепло, и что онъ зналъ въ своей трудовой, тяжелой жизни немало минутъ настоящаго семейнаго счастья. О домѣ, о домашнихъ, даже о домашней собакѣ Бѣлинскій писалъ съ любовью. Тучки, иногда омрачавшія семейный горизонтъ Бѣлинскаго, расходились быстро, благодаря взаимному пониманію. „Разлука,—писалъ онъ однажды женѣ изъ-за границы,—сдѣлаетъ насъ уступчивѣе въ отношеніи другъ друга... Разлука будетъ очень полезна для насъ: мы будемъ снисходительнѣе, терпѣливѣе къ недостаткамъ одинъ другого и будемъ объяснять ихъ болѣзненностью, нервическою раздражительностью, недостаткомъ воспитанія, а не какими-нибудь дурными чувствами, которыхъ, надѣюсь, мы оба чужды". Бѣлинскій былъ счастливый мужъ и счастливый отецъ. Жена избавляла его отъ многихъ мелочныхъ заботъ, окружала его возможнымъ комфортомъ и покоемъ и, насколько могла, скрасила горечь его послѣднихъ часовъ. Одна дама, сообщая Тургеневу о смерти Бѣлинскаго, писала: „Бѣдная жена не отходила отъ него ни на минуту и совершенно одна прислуживала ему, поворачивала и поднимала его съ постели. Эта женщина, право, заслуживаетъ всеобщее уваженіе; такъ усердно, съ такимъ терпѣніемъ, такъ безропотно ухаживала она за больнымъ мужемъ всю зиму". М. В. Бѣлинская на много лѣтъ пережила своего мужа; она умерла въ 1890 году.

Но не только семейная обстановка окружила Бѣлинскаго въ Петербургѣ. Его нѣжной, теплой натурѣ необходимъ былъ дружескій кружокъ. Отъ своихъ московскихъ друзей онъ отдалился благодаря разнымъ обстоятельствамъ и, главнымъ образомъ, благодаря переѣзду въ Петербургъ; здѣсь онъ первое время страдалъ отъ одиночества. Постепенно вокругъ него, какъ въ Москвѣ, образовался кружокъ друзей. Въ него вошли самые крупные люди сороковыхъ годовъ: П. В. Анненковъ, И. И. Панаевъ, А. И. Герценъ; потомъ Н. А. Некрасовъ, И. С. Тургеневъ, К. Д. Кавелинъ; еще позднѣе И. А. Гончаровъ, Ѳ. М. Достоевскій, Д. В. Григоровичъ; къ этому кружку присоединились московскіе друзья Бѣлинскаго: Н. Х. Кетчеръ (впослѣдствіи издатель его сочиненій) и Боткинъ. Такъ называемаго „общества", съ его лживостью, пошлостью, условностью, Бѣлинскій боялся и избѣгалъ; попадая въ него иногда, былъ застѣнчивъ и робокъ, но въ своемъ кругу чувствовалъ себя легко и свободно. Тургеневъ, первое появленіе котораго въ литературѣ Бѣлинскій радушно привѣтствовалъ, тѣсно сошелся съ нимъ. Какова была та „атмосфера дѣлъ и мыслей", которую, по чудесному выраженію Державина, „простиралъ" за собой Бѣлинскій, можно судить по разсказу Тургенева. „Я часто ходилъ къ нему отводить душу... Тяжелыя тогда стояли времена... Бросишь вокругъ себя мысленный взоръ: взяточничество процвѣтаетъ, крѣпостное право стоитъ какъ скала, казарма на первомъ планѣ, суда нѣтъ, носятся слухи о закрытіи университетовъ, вскорѣ потомъ сведенныхъ на трехсотенный комплектъ, поѣздки за границу ста-

новится невозможны, путной книги выписать нельзя, какая-то темная туча постоянно висить надъ всѣмъ такъ называемымъ ученымъ литературнымъ вѣдомствомъ, а тутъ еще шипятъ и расползаются доносы: между молодежью ни общей связи, ни общихъ интересовъ; страхъ и приниженность во всѣхъ, хоть рукой махни! Ну, вотъ и придешь на квартиру Бѣлинскаго, придетъ другой, третій пріятель, затѣется разговоръ, и легче станетъ... Общій колоритъ нашихъ бесѣдъ былъ философско-литературный, критико-эстетическій и, пожалуй, соціальный, рѣдко историческій... Въ разговорѣ такъ же, какъ и съ перомъ въ рукѣ, онъ не блисталъ остроуміемъ, не обладалъ тѣмъ, что французы называютъ esprit, не ослѣплялъ игрою искусной діалектики, но въ немъ жила та неотразимая мощь, которая дается честной и непреклонной мысли, и выражалась она своеобразно и, въ концѣ-концовъ, увлекательно. При совершенномъ отсутствіи того, что обыкновенно величаютъ элоквенціей, при явной неспособности и неохотѣ къ уснащиванію, къ фразѣ, — Бѣлинскій былъ однимъ изъ краснорѣчивѣйшихъ русскихъ людей, если принимать слово „краснорѣчіе“ въ смыслѣ силы убѣжденія... Когда онъ былъ въ ударѣ и умѣлъ сдерживать свои нервы... не было возможности представить человѣка болѣе краснорѣчиваго въ лучшемъ, въ русскомъ смыслѣ этого слова... Это было неудержимое изліяніе нетерпѣливаго и порывистаго, но свѣтлаго и здраваго ума, согрѣтаго всѣмъ жаромъ чистаго и страстнаго сердца и руководимаго тѣмъ тонкимъ и вѣрнымъ чутьемъ правды и красоты, котораго почти ничѣмъ не замѣнишь“. И это умилен-

ное воспоминаніе, такое теплое и восторженное, принадлежитъ человѣку, который неоднократно журилъ Тургенева, тогда еще юношу, за легкомысліе и фатовство.

Въ своемъ кругу Бѣлинскій былъ высокимъ нравственнымъ авторитетомъ. „Онъ, — разсказываетъ Кавелинъ, — имѣлъ на всѣхъ насъ чарующее дѣйствіе. Это было нѣчто гораздо больше оцѣнки ума, обаянія таланта, нѣтъ, это было дѣйствіе человѣка, который не только шелъ далеко впереди насъ яснымъ пониманіемъ стремленій и потребностей того мыслящаго меньшинства, къ которому мы принадлежали: не только освѣщалъ и указывалъ намъ путь, но всѣмъ своимъ существомъ жилъ для тѣхъ идей и стремленій, которыя жили во всѣхъ насъ, отдавался имъ страстно, наполнялъ ими все свое бытіе. Прибавьте къ этому гражданскую, политическую и всяческую безупречность, безпощадность къ самому себѣ при большомъ самолюбіи, и вы поймете, почему этотъ человѣкъ господствовалъ въ кружкѣ неограниченно. Мы понимали, что онъ въ своихъ сужденіяхъ часто бывалъ не правъ, увлекался страстью далеко за предѣлы истины; мы знали, что свѣдѣнія его (кромѣ русской литературы и ея исторіи) бывали недостаточны; мы видѣли, что Бѣлинскій часто поступалъ какъ ребенокъ, какъ ребенокъ капризничалъ, малодушествовалъ и увлекался... Но все это исчезало передъ подавляющимъ авторитетомъ великаго таланта, страстной, благороднѣйшей гражданской мысли и чистой личности, безъ пятна, — личности, которой нельзя было подкупить ничѣмъ, даже ловкой игрой на струнѣ самолюбія. Бѣлинскаго въ нашемъ

кружкѣ не только нѣжно любили и уважали, но и побаивались. Каждый пряталъ гниль, которую носилъ въ своей душѣ, какъ можно подальше. Бѣда, если она попадала на глаза Бѣлинскаго: онъ ее выворачивалъ тотчасъ же на показъ всѣмъ и неумолимо, язвительно преслѣдовалъ несчастнаго дни и недѣли, не келейно, а соборнѣ, предъ всѣмъ кружкомъ. Извѣстно, что и себя онъ тоже не щадилъ... Вліяніе Бѣлинскаго на мое нравственное и умственное воспитаніе за этотъ періодъ моей жизни было неизмѣримо, и онъ никогда не изгладится изъ моей памяти... Мы мечтали о лучшемъ будущемъ, не формулируя положительно, какимъ оно должно быть; жадно собирали всѣ анекдоты, слухи и разсказы, изъ которыхъ прямо или косвенно слѣдовало... приближеніе иного времени... также жадно и зорко слѣдили за всякимъ проявленіемъ въ словѣ или печати мыслей и стремленій, которыми были преисполнены. Каждый мѣсяцъ приносилъ намъ новинку—статью, а иногда и больше, Бѣлинскаго, которую читали и перечитывали. За событіями политическими въ Европѣ мы слѣдили внимательно, но нельзя сказать, чтобъ съ настоящимъ пониманіемъ. Взаимныя отношенія членовъ кружка были самыя дружескія, нѣжныя, интимныя. Камертонъ намъ давалъ Бѣлинскій. Шуткамъ и остроуміямъ, часто и неостроумнымъ, не было конца. Запѣвалой былъ почти всегда Бѣлинскій. Споры и серьезные разговоры не велись методически, а всегда перемежались и смѣшивались съ остротами и шутками... Бѣлинскій работалъ, какъ истинно-русскій человѣкъ, запоемъ, и когда могъ отдыхать, т.-е. когда необходимость не заста-

вляла его работать, охотно лѣнился, болталъ и игралъ въ карты ради препровожденія времени. Игрокомъ онъ никогда не былъ. Съ половины мѣсяца или такъ между 15 и 20 числами Бѣлинскій запирался и писалъ для журнала. Ходить къ нему въ это время было неделикатно. Бѣлинскій болталъ охотно, но проведенное въ разговорѣ время приходилось ему наверстывать ночью, потому что работа была срочная... Съ выходомъ книжки Бѣлинскій становился свободнымъ“... Въ эти промежутки онъ часто развлекался картами; карточные вечера, въ которыхъ участвовалъ Бѣлинскій, увѣковѣчены юмористической книжкой его пріятеля Кульчицкаго о преферансѣ, на которую Бѣлинскій написалъ забавную рецензію. Страстность своего темперамента Бѣлинскій проявлялъ и въ любимомъ преферансѣ. „Повѣритъ ли читатель, — говоритъ Кавелинъ, — что въ нашу игру, невиннѣйшую изъ невинныхъ, которая въ худшемъ случаѣ оканчивалась рублемъ-двумя, Бѣлинскій вносилъ всѣ перипетіи страсти, отчаянія и радости, точно участвовалъ въ великихъ историческихъ событіяхъ. Садился онъ играть съ большимъ увлеченіемъ и, если ему везло, былъ доволенъ и веселъ... Поставя нѣсколько ремизовъ, Бѣлинскій становился мрачнымъ, жаловался на судьбу, которая его во всемъ преслѣдуетъ, и, наконецъ, съ отчаяніемъ бросалъ карты и уходилъ въ темную комнату“. Выходилъ онъ оттуда лишь послѣ того, какъ ремизился еще кто-нибудь, и съ облегченнымъ сердцемъ садился снова за игру. Объ этой удивительной чертѣ Бѣлинскаго разсказываетъ и Тургеневъ: „Игралъ онъ плохо, но съ тою же искренностью впечатлѣ-

ній, съ тою же страстностью, которыя были ему присущи, что бы онъ ни дѣлалъ! Помнится, мы однажды играли съ нимъ, не въ деньги, а такъ; онъ выигрывалъ и торжествовалъ, но вдругъ оремизился, остался безъ четырехъ. Потемнѣлъ мой Бѣлинскій пуще осенней ночи, опустилъ голову, какъ къ смерти приговоренный. Выраженіе страданія, отчаянія такъ было искренне на его лицѣ, что я, наконецъ, не выдержалъ и воскликнулъ, что это уже ни на что непохоже; что если такъ огорчаться, такъ лучше совсѣмъ бросить карты!—„Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ глухо и взглянулъ на меня исподлобья,—все кончено: я только до бубновой игры и жилъ!“ И въ это мгновеніе, я ручаюсь, онъ дѣйствительно былъ убѣжденъ въ томъ, что говорилъ“. Изъ большихъ свѣтскихъ домовъ Бѣлинскій посѣщалъ иногда только домъ князя В. Ѳ. Одоевскаго. Вообще же онъ, передаетъ Панаевъ, ходилъ къ немногимъ искреннимъ пріятелямъ, чтобы отдыхать отъ работы и отводить душу въ спорахъ и толкахъ о томъ, что его сильно тревожило; но онъ больше любилъ домашній уголъ и устраивалъ его всегда, по мѣрѣ средствъ своихъ, съ нѣкоторымъ комфортомъ... Къ нему часто сходились по вечерамъ его пріятели, и онъ всегда встрѣчалъ ихъ радушно и съ шутками, если былъ въ хорошемъ расположеніи духа, т. е. свободенъ отъ работы и не страдалъ своими обычными припадками. Въ такихъ случаяхъ онъ обыкновенно зажигалъ нѣсколько свѣчей въ своемъ кабинетѣ. Свѣтъ и тепло поддерживали всегда еще болѣе хорошее расположеніе его духа“. Бѣлинскій умѣлъ привязывать къ себѣ и суровыя сердца такихъ не-

щедрыхъ на изліянія и похвалы людей, какъ, напримѣръ, Некрасовъ, который вспоминалъ о немъ съ той же любовью, съ тѣмъ же умиленіемъ, какъ и о своей несчастной матери. Чѣмъ былъ Бѣлинскій для своихъ друзей, видно изъ словъ Панаева: „Кружокъ, въ которомъ жилъ Бѣлинскій, былъ тѣсно сплоченъ и сохранялся во всей чистотѣ до самой его смерти. Онъ поддерживался силою его духа и убѣжденія“.

1844—1846 годы, послѣдніе годы участія Бѣлинскаго въ „Отечественныхъ Запискахъ“, были лучшей порою для этого журнала. Не говоря объ общей физіономіи „Отечественныхъ Записокъ“, ставшихъ органомъ лучшихъ представителей русской литературы и умѣвшихъ выдвигать, при самыхъ тяжелыхъ цензурныхъ условіяхъ, важные современные общественные вопросы, въ этомъ журналѣ совершилась самая благородная духовная эволюція Бѣлинскаго, ставшаго изъ абсолютнаго эстетика, какимъ былъ онъ въ предшествующій „абсолютный“, „гегеліанскій“ періодъ, критикомъ-публицистомъ. Этому періоду принадлежитъ рядъ извѣстныхъ статей о Пушкинѣ, которымъ Бѣлинскій предпослалъ обзоръ всей новой русской литературы, крупные годовые критическіе обзоры, рецензіи, театральныя обозрѣнія, полемическія статьи. Борьба съ славянофилами, которую горячо продолжалъ Бѣлинскій, была для него борьбой за самое дорогое, за первые ростки русскаго гуманизма. Въ увлеченіяхъ своихъ Бѣлинскій, какъ извѣстно, впадалъ въ крайности. Въ пылу спора онъ какъ-то заявилъ, что черногорцевъ слѣдовало бы всѣхъ до единаго вырѣзать. По поводу

одной книги, гдѣ говорилось о россійскихъ шлемахъ, латахъ и тому подобныхъ доспѣхахъ романтическаго рыцарства, Бѣлинскій написалъ, что никто этихъ вещей у насъ не видывалъ въ глаза, но всѣмъ знакомы рогожи, лапти, мочалы и палки. Всякая узость, всякое проявленіе провинціализма, раздувающаго себя въ явленіе высокой міровой важности, были ненавистны Бѣлинскому, и онъ высказывался противъ нихъ съ своей обычной рѣзкостью, создавшей ему враговъ, которые умѣли пользоваться его крайностями и промахами. Въ панславизмѣ онъ видѣлъ нелѣпо-огромную претензію, для осуществленія которой въ рукахъ Россіи нѣтъ нравственныхъ средствъ; въ областныхъ литературахъ, въ родѣ малороссійской, національную исключительность, противопоставленную общечеловѣческой цивилизаціи.

Тяжелая журнальная работа заѣдала Бѣлинскаго, губила его здоровье; положеніе усугублялось стѣснительными цензурными условіями. „Не могу печатно сказать,—писалъ онъ Герцену,—все, что я думаю и какъ я думаю. А чортъ ли въ истинѣ, если ея нельзя популяризировать и обнародовать — мертвый капиталъ“. За всѣмъ кружкомъ Бѣлинскаго уже давно слѣдило правительство; въ перепискѣ своей друзья не смѣли прямо назвать Пьера Леру и таинственно именовали его „Петромъ Рыжимъ“. Осенью 1845 г. Бѣлинскій тяжко болѣлъ, но издателю „Отечественныхъ Записокъ“ до этого было мало дѣла, и онъ усердно его понукалъ. Слабохарактерный въ практическихъ повседневныхъ дѣлахъ, Бѣлинскій давно хотѣлъ порвать съ Краевскимъ, но никакъ не рѣшался; къ тому же ему, вѣроятно,

страшно было остаться безъ печатнаго органа и лишиться драгоцѣнной, хотя мучительной возможности общенія съ читателемъ. Въ 1843 г. Бѣлинскому предложилъ одинъ знакомый, человѣкъ очень богатый, ѣхать съ нимъ на два года за границу, на хорошемъ жалованьѣ. Бѣлинскій отказался: „Этотъ случай посланъ мнѣ судьбою въ насмѣшку надо мною, видитъ око, да зубъ неймётъ; хороша клубничка, да жена сторожитъ. А жена эта—старая, кривая, рябая, злая, глупая старуха,—словомъ, россійская литература, чортъ бы ее съѣлъ, да и подавился бы ею. Другой на моемъ мѣстѣ, чтобы только отъ нея убѣжать, бросился бы хоть въ киргизскія степи, а я, Донъ-Кихотъ нравственный, отказываюсь отъ поѣздки въ Италію, Францію, Германію, Голландію, на Рейнъ и проч.; отказываюсь отъ чудесъ природы, искусства, цивилизаціи, отъ здоровья и, можетъ-быть, еще чего-нибудь большаго. Такова ужъ моя натура“. „Видно насъ,—писалъ онъ Краевскому,—самъ чортъ связалъ веревочкой, и намъ, видно, не развязаться... Не считаю себя въ правѣ для своей выгоды поставить васъ въ затруднительное положеніе“. Краевскій былъ типичный литературный лавочникъ; еще въ началѣ своихъ сношеній съ Бѣлинскимъ онъ говорилъ Кольцову: „Бѣлинскій—большой негодяй, пишетъ чортъ знаетъ что... Его статьи никуда негодны. Человѣкъ началъ писать о томъ, повелъ рѣчь вовсе о постороннемъ; потомъ завлекся, что и не поймешь. Сдѣлалъ мнѣ предложеніе, чтобы въ журналѣ быть въ родѣ панибрата. Я ему пишу, что въ этомъ журналѣ хозяинъ я,—а другого ничему не надобно, и я, братъ, въ

тебѣ не нуждаюсь". Тѣмъ не менѣе, вскорѣ хозяину очень понадобился Бѣлинскій, и долго несчастный сотрудникъ, постоянно опутанный хозяйскими авансами, не могъ развязаться со своимъ эксплуататоромъ. Въ началѣ 1846 г. терпѣніе Бѣлинскаго, наконецъ, лопнуло: онъ горячо жаловался Герцену: „Журнальная срочная работа высасываетъ изъ меня силы, какъ вампиръ кровь. Обыкновенно я недѣлю въ мѣсяцъ работаю, съ страшнымъ лихорадочнымъ напряженіемъ, до того, что пальцы деревенѣютъ и отказываются держать перо. Другія двѣ недѣли я, словно съ похмелья послѣ двухнедѣльной оргіи, праздно шатаюсь и считаю за трудъ прочесть даже романъ. Способности мои тупѣютъ, особенно память, страшно заваленная грязью и соромъ россійской словесности. Здоровье, видимо, разрушается. Но трудъ мнѣ не опротивѣлъ... Мнѣ невыносима и вредна только срочная журнальная работа; она тупитъ мою голову, разрушаетъ здоровье, искажаетъ характеръ, и безъ того брюзгливый и мелочно-раздражительный... Съ Краевскимъ невозможно имѣть дѣло. Это, можетъ-быть, очень хорошій человѣкъ, но онъ пріобрѣтатель, слѣдовательно, вампиръ, всегда готовый высосать изъ человѣка кровь и душу, а потомъ бросить его за окно, какъ выжатый лимонъ". Въ другомъ письмѣ Бѣлинскій отзывался о Краевскомъ еще рѣзче: „Это не человѣкъ, а дьяволъ... Онъ сдѣлалъ изъ меня враля, шарлатана, свою собаку, осла, на которомъ онъ въѣзжаетъ въ Іерусалимъ своихъ успѣховъ. Булгаринъ ему въ ученики не годится"...

Отказавшись отъ работы у Краевскаго, который пытался его удержать, предлагая своему

вѣчно нуждавшемуся сотруднику денегъ, Бѣлинскій не имѣлъ предъ собою почти никакихъ видовъ и надеждъ. О своемъ журналѣ въ тѣ времена нечего было и помышлять. Успѣхъ изданнаго Некрасовымъ „Петербургскаго Сборника“, въ которомъ участвовалъ и Бѣлинскій, подалъ ему мысль самому выпустить подобное изданіе. Въ силахъ недостатка не было: уже успѣли выдвинуться Герценъ, Тургеневъ, Григоровичъ, Гончаровъ, Достоевскій, Майковъ, Некрасовъ. Бѣлинскій надѣялся на ихъ поддержку и разсчитывалъ къ Пасхѣ 1846 г. выпустить „толстый огромный альманахъ“, подъ названіемъ „Левіаѳанъ“... „Достоевскій дастъ повѣсть,—писалъ онъ Герцену, Тургеневъ — повѣсть и поэму, Некрасовъ — юмористическую статью въ стихахъ, Панаевъ повѣсть; надѣюсь у Майкова выпросить поэмку“. Бѣлинскій просилъ у Герцена вторую часть романа „Кто виноватъ?“, ждалъ отъ Грановскаго исторической статьи. Бѣлинскій повеселѣлъ и радовался перемѣнѣ въ своей жизни и писалъ друзьямъ, что надо радоваться его избавленію отъ Краевскаго: „Дѣло идетъ не только о здоровьѣ, о жизни, но и объ умѣ моемъ. Вѣдь я тупѣю со дня на день. Памяти нѣтъ, въ головѣ хаосъ отъ русскихъ книгъ, а въ рукѣ всегда готовыя общія мѣста и казенная манера писать обо всемъ... Я могу прожить и безъ „Отеч. Записокъ“, можетъ-быть, еще лучше. Въ головѣ у меня много дѣльныхъ предпріятій и затѣй, которыя при прочихъ занятіяхъ никогда бы не выполнились“... Однимъ изъ такихъ предпріятій была „Исторія русской литературы“, уже давно задуманная и такъ и не осуществившая-

ся. Не осуществился и затѣянный альманахъ... Желая доставить Бѣлинскому возможность сколько - нибудь поправить свое здоровье, друзья устроили ему поѣздку на югъ вмѣстѣ съ извѣстнымъ актеромъ М. С. Щепкинымъ, отправлявшимся въ провинцію на гастроли. Бѣлинскій былъ радъ этому случаю: „сдѣлать верстъ тысячи четыре на югъ, дорогою спать, ѣсть, пить, глазѣть по сторонамъ, ни о чемъ не заботиться, не писать, даже не читать русскихъ книгъ для библіографіи, — да это для меня лучше магометова рая... Я ѣду не только за здоровьемъ, но и за жизнью. Дорога, воздухъ, климатъ, лѣнь, законная праздность, беззаботность, новые предметы — да я отъ одной мысли объ этомъ чувствую себя здоровѣе"... Въ концѣ апрѣля Бѣлинскій выѣхалъ съ Щепкинымъ въ Москву, гдѣ пробылъ до половины мая, а затѣмъ отправился на югъ. Въ Москвѣ его освѣжила встрѣча съ Герценомъ, Грановскимъ, Кетчеромъ и другими друзьями. Въ Москвѣ и въ провинціи Бѣлинскій узналъ, какъ любимо и цѣнимо его имя всей русской публикой, и это сознаніе доставило ему немало отрадныхъ минутъ. Побывалъ онъ въ Калугѣ, Воронежѣ, Харьковѣ, Екатеринославѣ, недѣли три провелъ въ Одессѣ; затѣмъ побывалъ въ Николаевѣ, Херсонѣ, Симферополѣ, Севастополѣ и въ первой половинѣ октября вернулся въ Петербургъ, сравнительно бодрымъ и свѣжимъ.

Между тѣмъ въ его отсутствіе друзья его рѣшили основать свой органъ; для этой цѣли они пріобрѣли пушкинскій „Современникъ", къ тому времени окончательно захирѣвшій въ рукахъ такихъ безцвѣтныхъ людей, какъ

Плетневъ, Я. К. Гротъ и другіе. Бѣлинскій былъ приглашенъ въ новый журналъ на то самое амплуа, которое занималъ онъ въ „Отеч. Запискахъ“, и уступилъ новой редакціи весь матеріалъ, добытый имъ для своего сборника. Во главѣ „Современника“ стали Панаевъ и Некрасовъ. Бѣлинскій былъ очень доволенъ этимъ оборотомъ дѣла: „Мой альманахъ, имѣй онъ даже большой успѣхъ, помогъ бы мнѣ только временно. Безъ журнала я не могъ существовать“. Въ обновленномъ „Современникѣ“, начавшемъ выходить въ 1847 г., Бѣлинскій дебютировалъ обзоромъ русской литературы 1846 года; въ этой статьѣ Бѣлинскій указываетъ на зрѣлость русской литературы, признакъ которой усматриваетъ въ пробудившемся интересѣ къ народности. Въ „Современникѣ“ же вскорѣ явилась рецензія Бѣлинскаго на гоголевскія „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“. По поводу этой рецензіи на ужаснувшую его своимъ наивнымъ, но безпросвѣтнымъ внѣшнимъ мракобѣсіемъ книгу Бѣлинскій писалъ Боткину: „Я принужденъ дѣйствовать внѣ моей натуры, внѣ моего характера. Природа осудила меня лаять собакою и выть шакаломъ, а обстоятельства велятъ мнѣ мурлыкать кошкою, вилять хвостомъ по-лисьи... Статья о гнусной книгѣ Гоголя могла бы выйти замѣчательно хорошею, если бы я въ ней могъ, зажмуривъ глаза, отдаться моему негодованію и бѣшенству“. Прочитавъ рецензію Бѣлинскаго, Гоголь написалъ ему колкое и двусмысленное письмо, считая Бѣлинскаго „разсерженнымъ“ полученнымъ имъ „щелчкомъ“. Бѣлинскій вскорѣ отвѣтилъ ему знаменитымъ письмомъ,

въ которомъ далъ своей «saeva indignatio» полную волю.

Несмотря на работу въ „Современникѣ", который далъ Бѣлинскому гораздо больше, чѣмъ получалъ онъ въ „Отеч. Запискахъ", матеріальное положеніе Бѣлинскаго, значительную долю заработка котораго поглощала болѣзнь, не улучшалось. Чахотка развивалась въ этомъ истощенномъ, измученномъ организмѣ, а больной жадно цѣплялся слабѣющими руками за жизнь. Ему было предписано ѣхать за границу лѣчиться. Предъ отъѣздомъ онъ писалъ Боткину: „О, если бы только мнѣ ожить... во мнѣ убита только сила работать, но не сила души; меня все занимаетъ, волнуетъ, бѣситъ попрежнему, голова работаетъ безпрестанно. Но если не поправлюсь физически, погибъ всячески, погибъ страшно!" Съ помощью П. В. Анненкова поѣздка устроилась, и въ началѣ мая 1847 г. Бѣлинскій выѣхалъ черезъ Штеттинъ въ Берлинъ, гдѣ нашелъ Тургенева... Проведя нѣсколько дней въ Берлинѣ, они поѣхали въ Дрезденъ, побывали въ саксонской Швейцаріи, а оттуда Бѣлинскій отправился въ Зальцбруннъ; на тамошнія минеральныя воды онъ особенно надѣялся. Въ Зальцбруннѣ Бѣлинскій получилъ письмо Гоголя о „Перепискѣ съ друзьями", на которое отвѣтилъ ему цѣлымъ посланіемъ, полнымъ жгучаго негодованія. „Нельзя,—писалъ онъ,—перенести оскорбленнаго чувства истины, чувства человѣческаго достоинства; нельзя молчать, когда подъ покровомъ религіи и защитою кнута проповѣдуютъ ложь и безнравственность какъ истину и добродѣтель.... Если бы вы обнаружили покушеніе на мою жизнь,

и тогда бы я не болѣе возненавидѣлъ васъ, какъ за эти позорныя строки... Проповѣдникъ кнута, апостолъ невѣжества, поборникъ обскурантизма и мракобѣсія, панегиристъ татарскихъ нравовъ,—что вы дѣлаете! Взгляните себѣ подъ ноги, вѣдь вы стоите надъ бездною... Вы сильно ошибаетесь, если не шутя думаете, что ваша книга пала не отъ ея дурного направленія, а отъ рѣзкости истинъ, будто бы высказанныхъ вами всѣмъ и каждому. Старая школа, дѣйствительно, сердилась на васъ до бѣшенства, но „Ревизоръ" и „Мертвыя души" отъ того не пали, тогда какъ ваша послѣдняя книга позорно провалилась сквозь землю. И публика тутъ права: она видитъ въ русскихъ писателяхъ своихъ единственныхъ вождей, защитниковъ и спасителей и потому, всегда готовая простить писателю плохую книгу, никогда не проститъ ему зловредной книги. Это показываетъ, сколько лежитъ въ нашемъ обществѣ, хотя еще въ зародышѣ, свѣжаго здороваго чутья, и это же показываетъ, что у него есть будущность. Если вы любите Россію, порадуйтесь вмѣстѣ со мною паденію вашей книги!.. Тутъ дѣло идетъ не о моей или вашей личности, но о предметѣ, который гораздо выше не только меня, но даже и васъ; тутъ дѣло идетъ объ истинѣ, о русскомъ обществѣ, о Россіи"... Письмо Бѣлинскаго, быстро распространившееся въ спискахъ, сыграло въ исторіи русской общественной мысли роль еще важнѣе, чѣмъ въ тридцатыхъ годахъ извѣстное „философическое письмо" Чаадаева. Вскорѣ оно дошло и до правительства, и только смерть избавила Бѣлинскаго отъ несомнѣнно висѣвшей надъ нимъ грозной кары. Въ

1849 г. судили петрашевцевъ; въ числѣ преступленій, за которыя Достоевскій и Пальмъ были приговорены къ смертной казни, между прочимъ, было и „недонесеніе о распространеніи письма Бѣлинскаго"; Плещеевъ за распространеніе письма былъ сосланъ въ каторгу на четыре года. Отвѣтъ Гоголя Бѣлинскому былъ жалокъ и вялъ. Впрочемъ, общественнику и мистику-моралисту, несмотря на очевидную общность ихъ идеаловъ, трудно было понять другъ друга и придти къ согласію относительно ближайшихъ путей къ нравственному усовершенствованію общественной жизни.

Въ началѣ іюля Бѣлинскій выѣхалъ изъ Зальцбрунна и направился въ Парижъ, гдѣ хотѣлъ закончить лѣченіе. Онъ побывалъ въ Дрезденѣ, Франкфуртѣ, Майнцѣ, Кельнѣ и Брюсселѣ. Въ половинѣ іюля Бѣлинскій прибылъ въ Парижъ, гдѣ засталъ Герцена, Боткина, Бакунина. Западъ не произвелъ особенно сильнаго впечатлѣнія на крѣпко связаннаго съ Россіей, только ей отдававшаго свои помыслы Бѣлинскаго. „Онъ изнывалъ за границей отъ скуки, писалъ Тургеневъ,—его такъ и тянуло назадъ, въ Россію... Ужъ очень онъ былъ русскій человѣкъ и внѣ Россіи замиралъ, какъ рыба на воздухѣ... Онъ не зналъ иностранныхъ языковъ и потому не могъ изучать тамошнихъ людей, а праздное любопытство, глазѣніе было не въ его характерѣ. Музыка и живопись его трогали мало; а то, чѣмъ такъ сильно дѣйствуетъ Парижъ на многихъ нашихъ соотечественниковъ, возмущало его чистое, почти аскетическое нравственное чувство. Да и, наконецъ, ему всего оставалось жить нѣсколько мѣсяцевъ... Онъ уже усталъ

и охладѣлъ“... Въ Парижѣ здоровье его значительно поправилось, хотя на недолгое время, за которымъ опять наступила реакція. Впрочемъ, домой онъ возвращался бодрый и довольно веселый. Въ Петербургѣ Бѣлинскій засталъ обычную гнилую осень, и уже черезъ нѣсколько дней болѣзнь снова захватила его шаткій организмъ. Лѣчившій его врачъ готовъ былъ считать любой день его жизни послѣднимъ. Въ этомъ ужасномъ состояніи ему приходилось работать. Онъ садился за статью и не могъ писать, но быстро справлялся съ собою; лихорадка проходила, и Бѣлинскій долженъ былъ „въ шесть дней намахать три съ половиною листа“; привычный работникъ, онъ, впрочемъ, только за работой и чувствовалъ себя сносно, отвлекался отъ мучительныхъ думъ о чахоткѣ и жилъ своими любимыми мыслями. „Я еще могу работать, — говорилъ онъ, — стало-быть, пока еще не пропалъ“. Его длинныя, попрежнему живыя, разнообразныя письма къ пріятелямъ полны литературныхъ интересовъ, журнальныхъ новостей. Въ концѣ 1847 г. разнесся слухъ, будто правительство намѣрено уничтожить крѣпостное право; Бѣлинскій жадно прислушивается ко всѣмъ толкамъ объ этомъ и пишетъ Анненкову огромное письмо. Въ „Современникѣ“ появилась еще одна его статья противъ славянофиловъ — „Отвѣтъ Москвитянину“; въ этой статьѣ друзья Бѣлинскаго усмотрѣли поводъ обвинить его самого въ славянофильствѣ, и онъ отвѣчалъ: „Я люблю русскаго человѣка и вѣрю великой будущности Россіи. Но я ничего не строю на основаніи этой любви и вѣры; не употребляю ихъ

какъ неопровержимыя доказательства". Но близился зловѣщій 1848 г., и дѣйствительность безпощадно разбивала иллюзію Бѣлинскаго. Цензурныя преслѣдованія достигли чудовищныхъ размѣровъ; въ обществѣ воцарилась паника. Напуганное революціоннымъ движеніемъ въ Европѣ правительство принялось за самыя грозныя репрессіи по отношенію къ русскому обществу. Бѣлинскій попрежнему былъ стѣсненъ матеріально, болѣзнь его развивалась и росла. Гнилая петербургская погода помогала ей. „У Бѣлинскаго, разсказываетъ Панаевъ, —возобновилось снова удушье, еще въ болѣе сильной степени сравнительно съ прежнимъ; кашель начиналъ опять сильно мучить его днемъ и ночью, отчего кровь безпрестанно приливала у него къ головѣ. По вечерамъ чаще и чаще лихорадочное состояніе, жаръ... Силы его гаснули замѣтно съ каждымъ днемъ". Но онъ продолжалъ писать. Въ первыхъ четырехъ книгахъ „Современника" 1848 г. явился цѣлый рядъ его статей и рецензій, между прочимъ, двѣ крупныя статьи о русской литературѣ въ 1847 г., посвященныя защитѣ натуральной школы, послѣдній критико-философскій трактатъ Бѣлинскаго, его лебединая пѣсня. „Съ физическими силами,— продолжаетъ Панаевъ, — падали и силы его духа. Онъ выходилъ изъ дому рѣдко; дома, когда у него собирались пріятели, онъ мало одушевлялся и часто повторялъ, что ему уже недолго остается жить. Говорятъ, что больные чахоткой обыкновенно не сознаютъ опасности своего положенія... У Бѣлинскаго не было этой иллюзіи; онъ не разсчитывалъ на жизнь и не утѣшалъ себя никакими надеждами... Болѣз-

ненныя страданія Бѣлинскаго развились страшно въ послѣднее время отъ петербургскаго климата, отъ разныхъ огорченій, непріятностей и отъ тяжелыхъ и смутныхъ предчувствій чего-то недобраго. Стали носиться какіе-то неблагопріятные для него слухи, все какъ-то душнѣе и мрачнѣе становилось кругомъ него, статьи разсматривались все строже и строже... Туча нависла надъ литературой вообще, и на Бѣлинскаго свыше было обращено особое вниманіе. Въ февралѣ и въ мартѣ Бѣлинскій получилъ отъ М. М. Попова, своего бывшаго учителя, оставившаго педагогію для службы въ III отдѣленіи, два приглашенія явиться въ III отдѣленіе, начальникъ котораго желалъ съ нимъ „познакомиться"... Умирающаго оставили, впрочемъ, въ покоѣ. „Къ веснѣ, — продолжаетъ Панаевъ,—болѣзнь начала дѣйствовать быстро и разрушительно. Щеки его провалились, глаза потухали, изрѣдка только горя лихорадочнымъ огнемъ; грудь впала, онъ еле передвигалъ ноги и начиналъ дышать страшно. Даже присутствіе друзей уже было ему въ тягость".

26 мая 1848 г., въ 6-омъ часу утра, Бѣлинскій умеръ. Смерть эта была такъ же прекрасна и трогательна, какъ вся его страдальческая жизнь. Въ постель онъ окончательно слегъ дня за три до смерти; онъ былъ апатиченъ, и самые любимые предметы его не занимали. Передъ самой кончиной Бѣлинскій вдругъ оживился; завѣтныя мысли о Россіи, о русскомъ народѣ зароились въ его головѣ и понеслись безпорядочнымъ вихремъ. „Онъ говорилъ,—писала Тургеневу ихъ общая знакомая,—два часа не переставая, какъ будто къ

русскому народу, и часто обращался къ женѣ, просилъ ее все хорошенько запомнить и вѣрно передать эти слова кому слѣдуетъ; но изъ этой длинной рѣчи почти ничего уже нельзя было разобрать"... Жена Бѣлинскаго разсказывала своей сестрѣ, что передъ смертью Бѣлинскій внезапно сталъ приподниматься. „Необыкновенно громко, но отрывочно началъ онъ произносить какъ будто рѣчь къ народу. Онъ говорилъ о геніи, о честности, спѣшилъ, задыхался. Вдругъ съ невыразимой тоской, съ болѣзненнымъ воплемъ говоритъ: „А они меня не понимаютъ, совсѣмъ не понимаютъ"... Похоронили Бѣлинскаго на Волковомъ кладбищѣ; на погребеніи присутствовали лишь нѣсколько человѣкъ, изъ близкихъ друзей покойнаго; они сложились и собрали деньги на похороны Бѣлинскаго. Въ періодической печати кончина Бѣлинскаго была еле отмѣчена. „Отеч. Записки" и „Современникъ" могли сказать только нѣсколько безцвѣтныхъ словъ о своемъ лучшемъ сотрудникѣ, вынесшемъ на своихъ плечахъ оба эти органа (вплоть до 1856 г. было гонимо въ литературѣ имя Бѣлинскаго, котораго описательно звали „критикомъ сороковыхъ годовъ". „Отечеств. Записки" писали, что имъ „никакія журнальныя отношенія не помѣшаютъ сказать, что Бѣлинскій отличался непреклонной честностью и благородствомъ поступковъ въ частной жизни, нерѣдко заблуждался... Но кто изъ насъ не заблуждался, кто такъ самоувѣренъ, что почтетъ себя въ правѣ бросить камень въ эту свѣтлую могилу?" „Сынъ Отечества" въ 1849 г. отмѣтилъ смерть Бѣлинскаго и заявлялъ, что не раздѣлялъ его образа мыслей, и что „Бѣ-

линскій отъ природы былъ чахоточнаго сложенія, любилъ литературу и ей посвятилъ всю свою жизнь"...

До насъ дошли, помимо портретовъ, нѣсколько описаній наружности Бѣлинскаго. „Это былъ,—разсказываетъ Тургеневъ,—человѣкъ средняго роста, на первый взглядъ довольно некрасивый и даже нескладный, худощавый, съ впалой грудью и понурой головою. Одна лопатка замѣтно выдавалась больше другой. Всякаго, даже не медика, немедленно поражали въ немъ всѣ главные признаки чахотки. Притомъ же онъ почти постоянно кашлялъ. Лицо онъ имѣлъ небольшое, блѣдно-красноватое, носъ неправильный, какъ бы приплюснутый, ротъ слегка искривленный, особенно когда раскрывался; маленькіе частые зубы; густые бѣлокурые волосы падали клокомъ на бѣлый, прекрасный, хоть и низкій лобъ. Я не видывалъ глазъ болѣе прелестныхъ, чѣмъ у Бѣлинскаго. Голубые, съ золотыми искорками въ глубинѣ зрачковъ, эти глаза, въ обычное время полузакрытые рѣсницами, расширялись и сверкали въ минуты воодушевленія; въ минуты веселости взглядъ ихъ принималъ плѣнительное выраженіе привѣтливой доброты и безпечнаго счастья. Голосъ у Бѣлинскаго былъ слабъ, съ хрипотою, но пріятенъ; говорилъ онъ съ особенными удареніями и придыханіями... Его выговоръ, манеры, тѣлодвиженія живо напоминали его происхожденіе; вся его повадка была чисто-русская"... Кавелинъ такъ описываетъ наружность Бѣлинскаго: „Онъ былъ небольшого роста, очень невзраченъ съ виду, сутуловатъ и страшно застѣнчивъ и неловокъ. Значительна была

его голова, и въ ней особенно глаза. Несмотря на весьма некрасивые, плоскіе волосы, прекрасно сформированный интеллигентный лобъ бросался въ глаза. Большіе, сѣрые, страшно проницательные глаза загорались и блестѣли при малѣйшемъ оживленіи. Въ нихъ страстная натура Бѣлинскаго выражалась съ особенною яркостью. Характеристично было въ его лицѣ, что конецъ носа былъ неровенъ, и верхняя губа съ одной стороны была слегка приподнята: то и другое можно видѣть на его маскѣ. Спокойнымъ онъ почти никогда не бывалъ. Въ спокойныя минуты глаза его бывали полузакрыты, губы слегка двигались. Очень некрасивы были у него слегка выдававшіяся скулы. Ходилъ онъ большими шагами, слегка опускаясь при каждомъ шагѣ... Вѣчно бывалъ онъ нервно возбужденъ или въ полной нервной агоніи и разслабленіи"... Эти описанія находятъ себѣ подтвержденіе въ портретахъ Бѣлинскаго. Самый ранній портретъ, акварель неизвѣстнаго живописца, изображающая Бѣлинскаго въ возрастѣ 27—28 лѣтъ, носитъ черты болѣзненности. Онъ приложенъ къ II тому венгеровскаго изданія сочиненій Бѣлинскаго. Другой портретъ — литографія 1843 г. съ писаннаго масляными красками портрета, работы К. А. Горбунова. Третій портретъ Бѣлинскаго былъ дорисованъ Горбуновымъ по его же рисунку 1843 г. на другой день послѣ смерти Бѣлинскаго; оба послѣдніе портрета не отличаются особеннымъ сходствомъ. Четвертый портретъ, изданный въ 1859 г. и скомпонованный по горбуновскому портрету, еще менѣе вѣренъ; кажется, въ этомъ портретѣ Тургеневъ усмотрѣлъ „какое-

то повелительно-вдохновенное выраженіе, какой-то военный, чуть не генеральскій поворотъ, неестественную позу, что вовсе не соотвѣтствовало дѣйствительности и нисколько не согласовалось съ характеромъ и обычаемъ Бѣлинскаго". Пятый и лучшій портретъ Бѣлинскаго выпущенъ въ 1881 г. И. А. Астафьевымъ, который создалъ его на основаніи очень плохой маски и невѣрныхъ портретовъ, но руководствовался отзывами друзей и знакомыхъ Бѣлинскаго и сумѣлъ художественнымъ чутьемъ угадать истинныя черты великаго писателя. Кавелинъ восхищался этимъ портретомъ и нашелъ, что онъ лучше даже прекраснаго бюста работы Ге. (Здѣсь приложенъ снимокъ съ этого портрета.)

Отзывы о личности Бѣлинскаго еще согласнѣе между собою, чѣмъ описанія его наружности. Всѣ, на чью долю выпало счастье знать Бѣлинскаго, сохранили навсегда въ своихъ сердцахъ радостное, умиленное воспоминаніе объ этомъ человѣкѣ; имъ трудно было говорить о немъ равнодушно. „Я вызвалъ его дорогую тѣнь,—писалъ Тургеневъ,—заканчивая свои воспоминанія о Бѣлинскомъ:—не знаю, насколько мнѣ удалось передать читателямъ главныя черты его образа; но я уже доволенъ тѣмъ, что онъ побылъ со мною, въ моемъ воспоминаніи"... Это было „великое сердце", по мѣткому и прекрасному опредѣленію Венгерова,—сердце, бившееся правдой и любовью. Бѣлинскому былъ данъ божественный, хотя тягостный даръ — вынашивать въ своемъ сердцѣ убѣжденіе и заражать имъ другихъ. „Какъ скоро, — писалъ онъ однажды, — дѣло касается до моихъ задушевныхъ убѣжденій, я

тотчасъ забываю себя, выхожу изъ себя, и тутъ давай мнѣ каѳедру и толпу народа: я ощущу въ себѣ присутствіе Божіе, мое маленькое „я" исчезнетъ, и слова, полныя жара и силы, рѣкою польются съ языка моего"...

„Въ этомъ застѣнчивомъ человѣкѣ, въ этомъ хиломъ тѣлѣ, — сказалъ Герценъ, — обитала мощная, гладіаторская натура. Да, это былъ сильный боецъ!" Знавшій его также близко Тургеневъ писалъ: „Бѣлинскій былъ, что у насъ рѣдко, дѣйствительно страстный и дѣйствительно искренній человѣкъ, способный къ увлеченію беззавѣтному, но исключительно преданный правдѣ, раздражительный, но не самолюбивый, умѣвшій любить и ненавидѣть безкорыстно... душа цѣломудренная до стыдливости, мягкая до нѣжности, честная до рыцарства... Правдивость его была слишкомъ велика, онъ не могъ измѣнить ей даже ради шутки... Бѣлинскій былъ идеалистъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова". Если онъ могъ сначала преклониться предъ ужасающей дѣйствительностью, а потомъ отъ нея съ презрѣніемъ отвернуться, если онъ могъ сначала превозносить абстрактную „птичью" эстетику а потомъ требовать отъ искусства служенія добру, то и въ томъ, и въ другомъ фазисѣ своей духовной жизни онъ былъ движимъ одинаковой любовью къ истинѣ и ни разу не солгалъ, ни разу не измѣнилъ себѣ, никогда и ни ради чего не пошелъ на компромиссъ со своею совѣстью. Въ русской литературѣ Бѣлинскій такой же яркій представитель нравственной правды, какъ Пушкинъ — эстетической красоты. Его литературная дѣятельность, трудъ генія, [illegible] въ глухое безвре-

меньe въ безправной, едва не полудикой странѣ,—настоящее подвижничество во имя правды; его страдальческая, трудовая жизнь — жизнь святого. Вѣрно охарактеризовалъ его Некрасовъ: „Наивная и страстная душа, въ комъ помыслы высокіе кипѣли! Упорствуя, волнуясь и спѣша, ты честно шелъ къ одной высокой цѣли, кипѣлъ, горѣлъ“...

VII.

Бѣлинскій является не только величайшимъ русскимъ критикомъ, но и первымъ крупнымъ историкомъ новой русской литературы. Выработанные имъ критическіе взгляды вошли въ русское литературное сознаніе; великіе писатели XIX вѣка нашли въ немъ достойнаго истолкователя. По красивому и образному опредѣленію Аполлона Григорьева, „имя Бѣлинскаго, какъ плющъ, обросло четыре поэтическихъ вѣнца, четыре великихъ и славныхъ имени—Пушкина, Грибоѣдова, Гоголя, Лермонтова—сплелось съ ними такъ, что, говоря о нихъ какъ объ источникѣ современнаго литературнаго движенія, постоянно бываешь поставленъ въ необходимость говорить и о немъ“. Свой эстетическій вкусъ Бѣлинскій воспиталъ прежде всего на поэзіи Пушкина, и Бѣлинскій понималъ, чѣмъ обязанъ былъ онъ геніальному поэту, ставилъ его на недосягаемую высоту, всегда благоговѣлъ передъ нимъ. Его отзывы о Пушкинѣ проникнуты восторженностью. Въ 1839 г. онъ писалъ одному пріятелю: „У меня теперь три бога искусства, отъ которыхъ я почти каждый день неистовствую и свирѣпствую: Гомеръ, Шекспиръ и Пуш-

кинъ"... Когда Грановскій сказалъ ему, что Шиллеръ выше Пушкина, Бѣлинскій возмутился: „Шиллеру до Пушкина—далеко кулику до Петрова дня!.. „Моцартъ и Сальери", „Полтава", „Борисъ Годуновъ", „Скупой рыцарь" и, наконецъ, перлъ всемірно-человѣческой литературы — „Каменный гость". Нѣтъ, пріятели, убирайтесь къ чорту съ вашими нѣмцами — тутъ пахнетъ Шекспиромъ новаго міра"... Въ 1840 г. онъ писалъ Боткину, что „Бахчисарайскій Фонтанъ, — великое міровое созданіе". Его плѣняла гармоническая цѣлостность натуры Пушкина: „Счастіе наше, что натура Пушкина не поддалась рефлексіи, оттого онъ и великій поэтъ". Еще въ своихъ юношескихъ „Литературныхъ Мечтаніяхъ", приступая къ разбору Пушкина, Бѣлинскій говорилъ: „Что могу я сказать новаго объ этомъ человѣкѣ?.. Жалѣю о томъ, что природа не дала мнѣ поэтическаго таланта, ибо въ природѣ есть такіе предметы, о коихъ грѣшно говорить смиренною прозою!.. Періодъ Пушкинскій былъ ознаменованъ движеніемъ жизни въ высочайшей степени. Въ это десятилѣтіе мы перечувствовали, перемыслили и пережили всю умственную жизнь Европы... Пушкинъ былъ совершеннымъ выразителемъ своего времени". Сочиненія Бѣлинскаго полны встрѣчающихся на каждомъ шагу замѣчаній о Пушкинѣ, который всегда былъ для него высшимъ образцомъ прекраснаго, и Бѣлинскій воздвигъ великому поэту памятникъ рядомъ статей о немъ, составляющихъ цѣлый томъ. Въ Пушкинѣ Бѣлинскій видѣлъ синтезъ всей русской литературы, и съ этой точки зрѣнія смотрѣлъ на предшествовавшую ему литературу. Его

широкій обзоръ пушкинскаго поэтическаго наслѣдія до сихъ поръ первый по своей полнотѣ, а высказанные имъ взгляды вошли въ краеугольный камень нашей критики, воспитали и опредѣлили литературные взгляды цѣлыхъ поколѣній, стали историко-литературной азбукой. Правда, Бѣлинскій не все въ Пушкинѣ понялъ и счелъ его „по преимуществу художникомъ и больше ничѣмъ", но многое въ Пушкинѣ, который и для Бѣлинскаго былъ слишкомъ грандіознымъ явленіемъ, онъ сознавалъ и оцѣнилъ.

Гоголь былъ въ глазахъ Бѣлинскаго начинателемъ новаго, послѣ-пушкинскаго періода въ литературѣ. Когда такіе критики, какъ Полевой, видѣли въ Гоголѣ легкаго юмориста, Бѣлинскій еще задолго до „Ревизора" и „Мертвыхъ душъ" указалъ высокое значеніе его сатирическаго паѳоса. Еще въ студенческіе годы Бѣлинскаго Гоголемъ восхищался весь кружокъ Станкевича; фразы изъ Гоголя попадаются въ письмахъ Бѣлинскаго очень часто. Его первая большая статья о Гоголѣ („Телескопъ" 1835 г.), давшая Бѣлинскому поводъ написать исторію русской повѣсти вообще, явилась первой справедливой оцѣнкой этого писателя. Высказанныя имъ мысли, что „комическое одушевленіе Гоголя всегда побѣждается глубокимъ чувствомъ грусти и унынія", что „Гоголь есть поэтъ жизни дѣйствительной", ставшія послѣ такими простыми и общепризнанными, въ тридцатыхъ годахъ прозвучали откровеніемъ. Гоголь еще самъ не сознавалъ и не формулировалъ своего творчества, когда оно было геніально опредѣлено Бѣлинскимъ. Анненковъ прямо говоритъ: „Нѣтъ

сомнѣнія, что Бѣлинскій первый положилъ твердый камень въ основаніе всей послѣдующей его извѣстности, началъ первый объяснять смыслъ и значеніе его произведеній. Можно думать, что Бѣлинскій уяснилъ самому Гоголю его призваніе и открылъ ему глаза на самого себя". Во всю свою литературную дѣятельность Бѣлинскій зорко слѣдилъ за развитіемъ генія Гоголя. Въ небольшой статьѣ о „Мертвыхъ душахъ" („Отечеств. Записки" 1842 г., № 7) Бѣлинскій первый провозгласилъ „Мертвыя души" великимъ произведеніемъ: „Гоголь первый взглянулъ смѣло и прямо на русскую дѣйствительность",—писалъ Бѣлинскій и отмѣтилъ „его глубокій юморъ, его безконечную иронію", указалъ, что поэма Гоголя—„твореніе чисто-русское, національное, выхваченное изъ тайника народной жизни, безпощадно сдергивающее покровъ съ дѣйствительности и дышащее страстною, нервистою, кровною любовію къ плодовитому зерну русской жизни; твореніе необъятно-художественное по концепціи и выполненію, по характерамъ дѣйствующихъ лицъ и подробностямъ русскаго быта и въ то же время глубокое по мысли, соціальное, общественное, историческое"... Эти мысли Бѣлинскій потомъ долго повторялъ и развивалъ въ цѣломъ рядѣ статей. Въ статьѣ о „Горѣ отъ ума" Бѣлинскій посвятилъ нѣсколько горячихъ страницъ повѣстямъ Гоголя и его „Ревизору", въ которомъ видѣлъ образецъ художественно-созданной комедіи.

Далеко не съ тою справедливостью и проницательностью отнесся онъ къ „Горю отъ ума", и слова Аполлона Григорьева, приведен-

ныя выше, очерчиваютъ роль Бѣлинскаго не совсѣмъ вѣрно только по отношенію къ одному Грибоѣдову. Его большая статья о „Горѣ отъ ума", появившаяся въ „Отеч. Зап." 1840 г., была написана въ тотъ періодъ, когда Бѣлинскій пылалъ неразсуждающимъ преклоненіемъ передъ дѣйствительностью. Къ Чацкому, какъ безпокойному человѣку, онъ отнесся съ насмѣшкой и отрицаніемъ, и эта статья вскорѣ стала для него предметомъ тяжелыхъ воспоминаній. Онъ писалъ Боткину: „Всего тяжелѣе мнѣ вспомнить о „Горѣ отъ ума", которое я осудилъ съ художественной точки зрѣнія и о которомъ говорилъ свысока, съ пренебреженіемъ, не догадываясь, что это благороднѣйшее, гуманическое произведеніе, энергическій (и притомъ первый) протестъ противъ гнусной рассейской дѣйствительности"... Впослѣдствіи онъ иначе отзывался о комедіи Грибоѣдова, но опровергнуть свое прежнее мнѣніе такой же капитальной статьею, какъ первая, ему не довелось. Указавъ съ формальной стороны недостатки комедіи, Бѣлинскій, охваченный поклоненіемъ дѣйствительности, не оцѣнилъ лучшаго элемента „Горя отъ ума" — протеста. „Общество всегда (!) правѣе и выше частнаго человѣка, — писалъ Бѣлинскій, — и частная индивидуальность только до той степени и дѣйствительность, а не призракъ, до какой она выражаетъ собою общество. Нѣтъ, эти люди не были представителями русскаго общества,—говоритъ Бѣлинскій о Фамусовыхъ, Молчалиныхъ, Загорѣцкихъ, — а только представителями одной стороны его, слѣдственно (?) были другіе круги общества, болѣе близкіе и родственные Чацкому. Въ такомъ случаѣ,

зачѣмъ же онъ лѣзъ къ нимъ и не искалъ круга болѣе по себѣ? Слѣдовательно, противорѣчіе Чацкаго случайное, а не дѣйствительное; не противорѣчіе съ обществомъ, а противорѣчіе съ кружкомъ общества. Гдѣ жъ тутъ идея?.. Чацкій—крикунъ, фразеръ, идеальный шутъ, на каждомъ шагу профанирующій все святое, о которомъ говоритъ... Это новый Донъ-Кихотъ... Кто, кромѣ помѣшаннаго, предается такому откровенному, задушевному изліянію своихъ чувствъ на балахъ, среди людей, чуждыхъ ему?" Вплоть до гончаровскаго „Мильона терзаній" въ литературѣ царилъ этотъ взглядъ на Чацкаго какъ на сумасшедшаго. „Горе отъ ума", — заключалъ Бѣлинскій, — не есть комедія по отсутствію или, лучше сказать, по ложности своей основной идеи; не есть художественное созданіе по отсутствію самоцѣльности, а слѣдовательно, и объективности, составляющей необходимое условіе творчества. „Горе отъ ума"—сатира, а не комедія, сатира же не можетъ быть художественнымъ произведеніемъ... Но „Горе отъ ума" есть въ высшей степени поэтическое созданіе, рядъ отдѣльныхъ картинъ и самобытныхъ характеровъ, безъ отношенія къ цѣлому, художественно - нарисованныхъ кистію широкою, мастерскою, рукою твердою, которая, если и дрожала, то не отъ слабости, а отъ кипучаго, благороднаго негодованія, которымъ молодая душа еще не въ силахъ была совладѣть... Грибоѣдовъ принадлежитъ къ самымъ могучимъ проявленіямъ русскаго духа. Разумный опытъ жизни и благодѣтельная сила лѣтъ уравновѣсили бы волнованія кипучей натуры, погасъ бы ея огонь, и исчезло бы его пламя,

споръ прояснился бы и возвысился до спокойнаго и объективнаго созерцанія жизни, въ которой все необходимо и разумно",—такъ кончаетъ Бѣлинскій на свой обычный тогдашній ладъ разборъ безсмертной комедіи.

Зато Бѣлинскому не измѣнило его критическое пониманіе и художественное чутье въ оцѣнкѣ Лермонтова. Осенью 1839 г. онъ писалъ Станкевичу: „На Руси явилось новое могучее дарованіе — Лермонтовъ“. „Пушкинъ умеръ не безъ наслѣдника, — писалъ Бѣлинскій, прочитавъ „Героевъ“ Лермонтова. „Пиши мнѣ, пиши о каждомъ стихотвореніи Лермонтова“, просилъ онъ Боткина. Познакомившись лично съ Лермонтовымъ, Бѣлинскій писалъ Боткину: „Глубокій и могучій духъ! Какъ онъ вѣрно смотритъ на искусство, какой глубокій и чисто-непосредственный вкусъ изящнаго! О, это будетъ русскій поэтъ съ Ивана Великаго... Мнѣ отрадно было видѣть въ его разсудочномъ, охлажденномъ и озлобленномъ взглядѣ на жизнь и людей сѣмена глубокой вѣры въ достоинство того и другого“. Въ „Отеч. Запискахъ“ 1840 г. Бѣлинскій напечаталъ подробный разборъ „Героя нашего времени“. „Въ этомъ романѣ, — сказалъ Бѣлинскій,—удивительная замкнутость созданія, но не та высшая, художественная, которая сообщается созданію чрезъ единство поэтической идеи, а происходящая отъ единства поэтическаго ощущенія, которымъ онъ такъ глубоко поражаетъ душу читателя. Въ немъ есть что-то неразгаданное, какъ бы недоговоренное, и потому есть что-то тяжелое въ его впечатлѣніи. Но этотъ недостатокъ есть въ то же время и достоинство романа Лермонтова: таковы бы-

ваютъ всѣ современные общественные вопросы, высказанные въ поэтическихъ произведеніяхъ: это вопль страданія, но вопль, который облегчаетъ страданіе"... Здѣсь Бѣлинскій уже отрѣшается отъ недавняго прекраснодушія и позволяетъ поэзіи выражать страданіе. Въ слѣдующемъ году Бѣлинскій посвятилъ стихотвореніямъ Лермонтова большую статью въ „Отеч. Запискахъ", одно изъ лучшихъ изліяній его „великаго сердца". По силѣ паѳоса, по глубинѣ психологическаго анализа, по геніальному прозрѣнію эта статья является великолѣпнымъ введеніемъ въ лермонтовскую поэзію. Бѣлинскій охарактеризовалъ послѣднюю въ пламенныхъ, энергическихъ выраженіяхъ: „Несокрушимая сила и мощь духа, смиренье жалобъ, елейное благоуханіе молитвы, пламенное, бурное одушевленіе, тихая грусть, кроткая задумчивость, вопли гордаго страданія, стоны отчаянія, таинственная нѣжность чувства, неукротимые порывы дерзкихъ желаній, цѣломудренная чистота, недуги современнаго общества, картины міровой жизни, хмельныя обаянія жизни, укоры совѣсти, умилительное раскаяніе, рыданія страсти и тихія слезы, какъ звукъ за звукомъ льющіяся въ полнотѣ умиреннаго бурею жизни сердца, упоенія любви, трепетъ разлуки, радость свиданія, чувство матери, презрѣніе къ прозѣ жизни, безумная жажда восторговъ, полнота упивающагося роскошью бытія духа, пламенная вѣра, мука душевной пустоты, стонъ отвращающагося самого себя чувства замершей жизни, ядъ отрицанія, холодъ сомнѣнія, борьба полноты чувства съ разрушающею силою рефлексіи, падшій духъ неба, гордый демонъ

и невинный младенецъ, буйная вакханка и чистая дѣва,—все, все въ поэзіи Лермонтова: и небо, и земля, и рай, и адъ... Имя его въ литературѣ сдѣлается народнымъ именемъ“... Въ то время, когда вся русская критика смотрѣла на Печорина какъ на скучающую отъ бездѣлья и пресыщенія натуру, Бѣлинскій сумѣлъ его понять: „Въ идеяхъ Печорина много ложнаго, въ ощущеніяхъ его есть искаженіе; но все это выкупается его богатою натурою; его во многихъ отношеніяхъ дурное настоящее обѣщаетъ прекрасное будущее“. Бѣлинскій, такимъ образомъ, предсказалъ, что герою безвременья суждено еще обрѣсти приложеніе своимъ богатымъ силамъ и явиться со временемъ уже не лишнимъ, не знающимъ куда дѣваться отъ тоски человѣкомъ, а бодрымъ дѣятелемъ, борцомъ. Русская дѣйствительность оправдала ожиданія великаго критика.

Не менѣе рѣшающее значеніе имѣли взгляды Бѣлинскаго на литературную судьбу А. И. Полежаева. Большую статью свою о стихотвореніяхъ Полежаева („Отеч. Зап.“ 1842 г.) Бѣлинскій заключилъ такимъ приговоромъ: „Отличительную черту характера и особенности поэзіи Полежаева составляетъ необыкновенная сила чувства, свидѣтельствующая о необыкновенной силѣ его натуры и духа, необыкновенная сила страстнаго выраженія, свидѣтельствующая о необыкновенной силѣ его таланта. Правда, одна сила еще не все составляетъ... Мы не видимъ въ Полежаевѣ великаго поэта, котораго творенія должны перейти въ потомство; мы безпристрастно высказали, что онъ погубилъ себя и свой талантъ избыткомъ силы,

не управляемой браздами разума; но въ то же время мы хотѣли показать, что Полежаевъ... выше многихъ поэтовъ, которые превознесены ослѣпленіемъ толпы, и что его паденіе и поэзія глубоко поучительны"... Въ этомъ примѣрѣ Бѣлинскій нѣсколько ошибся, взваливъ всецѣло на Полежаева вину, въ которой была виновата его эпоха. Впрочемъ, эта ошибка не вліяетъ на справедливость сужденія, отводящаго Полежаеву, рядомъ съ Веневитиновымъ, первое мѣсто среди угасшихъ въ то время русскихъ поэтовъ послѣ Грибоѣдова и Пушкина.

Отношеніе свое къ одному изъ крупнѣйшихъ представителей пушкинской плеяды — Е. А. Баратынскому Бѣлинскій выразилъ въ большой статьѣ о его стихотвореніяхъ („Отеч. Зап." 1842 г.). Его опредѣленіе поэзіи Баратынскаго самое полное и исчерпывающее. Бѣлинскій оцѣнилъ въ немъ поэта мысли. „Элегическій тонъ его поэзіи происходитъ отъ думы, отъ взгляда на жизнь, и этимъ самымъ онъ отличается отъ многихъ поэтовъ, вышедшихъ на литературное поприще вмѣстѣ съ Пушкинымъ... Раздоръ мысли съ чувствомъ, истины съ вѣрованіемъ составляетъ основу поэзіи Баратынскаго, и почти всѣ лучшія его стихотворенія проникнуты имъ... Несмотря на свою вражду къ мысли, онъ, по натурѣ своей, призванъ быть поэтомъ мысли... Она вышла не изъ праздно мечтающей головы, а изъ глубоко-растерзаннаго сердца". Поэтомъ раздумій и остался Баратынскій навсегда въ нашемъ литературномъ сознаніи.

Ни для одного поэта Бѣлинскій не являлся болѣе полнымъ истолкователемъ, какъ для

Кольцова, и ничье значеніе не выяснено имъ съ такой яркостью. Бѣлинскому Кольцовъ былъ обязанъ всѣмъ, въ немъ нашелъ воронежскій мѣщанинъ могучую поддержку. Ихъ связывали тѣсная дружба и полное взаимное пониманіе. Написанная Бѣлинскимъ біографія Кольцова съ разборомъ его поэтическаго наслѣдія — памятникъ великому лирику. „Кольцовъ,—писалъ Бѣлинскій,—родился для поэзіи, которую онъ создалъ. Онъ былъ сыномъ народа... Онъ носилъ въ себѣ всѣ элементы русскаго духа, въ особенности страшную силу въ страданіи и наслажденіи, способность бѣшено предаваться и печали и веселію и вмѣсто того, чтобы падать подъ бременемъ самого отчаянія, способность находить въ немъ какое-то буйное, удалое, размашистое упоеніе, а если уже пасть, то спокойно, съ полнымъ сознаніемъ своего паденія, не прибѣгая къ ложнымъ утѣшеніямъ, не ища спасенія въ томъ, чего не нужно было ему въ лучшіе дни... Нельзя было тѣснѣе слить своей жизни съ жизнію народа". Какъ понималъ Кольцовъ Бѣлинскаго, какъ цѣнилъ его, видно изъ одного его письма къ Бѣлинскому: „Давно я васъ люблю, давно читаю ваши мнѣнія, читаю и учусь... Много ужъ они сдѣлали добра, но болѣе сдѣлаютъ... Ваша рѣчь — высокая, святая рѣчь убѣжденія"...

Слѣдившій за всѣмъ, что появлялось въ литературѣ, Бѣлинскій горячо отозвался въ 1842 г. на появленіе перваго сборника стихотвореній Аполлона Майкова, замѣченнаго имъ уже ранѣе. „Муза Майкова,—сказалъ Бѣлинскій,—родственна по своему происхожденію древне-эллинской музѣ: подобно этой музѣ,

она изъ природы почерпаетъ свои кроткія, тихія, дѣвственныя и глубокія вдохновенія; подобно ей, въ движеніяхъ и чувствахъ младенчески-ясной души, еще въ лонѣ природы непосредственно ощущающаго себя сердца находитъ она неисчерпаемое содержаніе для своихъ благоуханно-гармоническихъ и безыскусственно-изящныхъ пѣсенъ... Сколько эллинскаго и антологическаго въ его стихотвореніяхъ!..“ Извѣстно, какъ тепло привѣтствовалъ Бѣлинскій появленіе на литературномъ поприщѣ Тургенева, Гончарова, Григоровича, Некрасова. Когда вышли „Бѣдные люди“ Достоевскаго, Бѣлинскій сразу отмѣтилъ „талантъ необыкновенный и самобытный... Подобный дебютъ указываетъ на мѣсто, которое займетъ Достоевскій въ русской литературѣ“... Отношеніе Бѣлинскаго къ народной словесности долго было причиной нападеній научной критики на Бѣлинскаго за его дилетантизмъ и эстетизмъ. Во времена Бѣлинскаго русская филологія и исторія были на очень незначительной высотѣ, и народный эпосъ всегда подвергался изслѣдованію какъ нѣчто цѣльное, независимо отъ его происхожденія и невзирая на разнородность его элементовъ. Разбирая народную словесность, Бѣлинскій пошелъ по пути, проторенному тогдашней исторической наукой, но тамъ, гдѣ необходимы были эстетическое чутье и широкій взглядъ, Бѣлинскій приходилъ къ вѣрнымъ выводамъ. Онъ прекрасно охарактеризовалъ бытъ народа по его пѣснямъ. „Статьи Бѣлинскаго о народной поэзіи, — говоритъ Венгеровъ, — при всѣхъ своихъ недочетахъ поражаютъ широтою пріемовъ. Такой всеобъемлющей картины всей со-

вокупности русскаго народнаго т[illegible] у насъ и до настоящаго времени. Сила [illegible]щающей мысли Бѣлинскаго сказалась здѣсь во всемъ своемъ блескѣ". Какъ театральный критикъ, Бѣлинскій оставилъ цѣлый рядъ рецензій, среди которыхъ [illegible] статьи объ игрѣ Мочалова въ роли „Гамлета". Театръ Бѣлинскій очень любилъ. [illegible] страстная тирада въ „Литерат. Мечтаніяхъ": „Театръ! Любите ли вы театръ такъ, какъ я люблю его, т.-е. всѣми силами души вашей, со всѣмъ энтузіазмомъ, со всѣмъ изступленіемъ, къ которому только способна [illegible] жадная и страстная до впечатлѣній [illegible] Или, лучше сказать, можете ли вы не любить театръ больше всего на свѣтѣ, кромѣ [illegible] истины?.. О, ступайте, ступайте въ театръ, живите и умрите въ немъ, если можете!.."

Высокая историческая заслуга Бѣлинскаго кроется въ прозорливости его взглядовъ, въ вѣрномъ критическомъ чутьѣ, въ изощренномъ эстетическомъ вкусѣ, въ страстной любви къ истинѣ, въ пламенномъ темпераментѣ борца. Онъ нанесъ первый ударъ политическому славянофильству, въ которомъ видѣлъ [illegible] вратъ къ мрачному прошлому, къ Византіи [illegible] обосновалъ и провозгласилъ торжество натурализма въ литературѣ и сокрушилъ литературную риторику и фальшь, воплощавшуюся въ Кукольникахъ, Булгариныхъ и Полевыхъ; онъ привѣтствовалъ зарожденіе народничества... Главные нервы, питающіе донынѣ нашу литературу, неразрывно связаны съ нервами этого „великаго сердца". Его жизнь, полная страданій и трудовъ, навсегда останется однимъ изъ самыхъ дорогихъ воспоминаній русской лите-

ратуры; въ ея синодикѣ Бѣлинскій записанъ великомученикомъ. Имя его — одно изъ тѣхъ немногихъ именъ, отъ которыхъ бодрится и крѣпнетъ душа. Самая настойчивость, съ которой онъ часто повторялъ однѣ и тѣ же истины, нынѣ кажущіяся намъ такими азбучными и простыми, представляется настоящимъ [illegible] ихъ подлинность. Вліяніе Бѣлинскаго въ русской литературѣ, какъ ни длиненъ путь, пройденный ею отъ сороковыхъ годовъ до нашихъ дней, еще не исчерпано, — но и тогда, когда утратится служебное значеніе истинъ, за которыя боролся Бѣлинскій, когда русское слово и русская мысль потекутъ совсѣмъ по иному руслу, сила чувства, которою пропитана каждая строка Бѣлинскаго, его беззавѣтная любовь къ истинѣ, его нравственная чистота сохранятъ свое вѣчное обаяніе. У этого учителя всегда будетъ чему поучиться, и сквозь завистливую даль вѣковъ передастъ отзывчивымъ сердцамъ свой благородный пламень великое сердце Бѣлинскаго.

2019

3р 40 к